Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский гуманитарный университет»

На правах рукописи

ЛЕОНТЬЕВА ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

23.00.02 – политические институты, процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук

> Научный руководитель: кандидат политических наук доцент А. К. Сковиков

Оглавление

Введение	3
Глава І. Основные теоретические подходы к формированию,	
функционированию и оценке эффективности политической	
элиты	23
§ 1. Политическая элита: определение, структура и функции	23
§ 2. Концептуальные направления в исследовании элит	52
§ 3. Основные механизмы формирования и методы оценки	
эффективности политических элит	69
Глава II. Динамика развития и особенности политической элиты	
Приднестровья	92
§ 1. Формирование политической элиты и региональной идентичности	
в Приднестровье: общий контекст и предпосылки	93
§ 2. Институционализация политической элиты Приднестровья	116
§ 3. Самодостаточность и профессионализация политической элиты	
Приднестровья	131
§ 4. Состояние приднестровской политической элиты в контексте	
последних электоральных циклов. Изменения в политической элите	
Приднестровья и перспективы ее развития	144
Заключение	201
Список основных используемых сокращений	209
Список источников и литературы	210
Перечень графических объектов	235
Приложение № 1. Динамика изменения уровня доверия населения	
к политическим институтам Приднестровья в 2009–2019 гг	236
Приложение № 2. Образец анкеты для опроса граждан о доверии	
политическим институтам	238
Приложение № 3. Образец анкеты для опроса граждан о	
персональном составе политической элиты	240

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена противоречивым характером современных политических процессов и тем влиянием, которое на них оказывают различные внешние и внутренние факторы. В связи с этим высокую значимость приобретает готовность и способность различных политических акторов эффективно и своевременно реагировать на те или иные ситуации, которые могут динамично изменяться.

В этом контексте значимую роль играют политические элиты, которые своими действиями и решениями определяют базовые направления политического, социально-экономического, культурно-гуманитарного и иного развития конкретных государств. Являясь относительно однородными социальными группами, политические элиты, как правило, претендуют на статус выразителей совокупных национальных интересов своих стран, обладают достаточными ресурсами и политической волей для эффективной реализации таких интересов как во внутренней политике, так и в межэлитном диалоге.

Текущие политические процессы актуализируют значимость исследований проблематики, связанной с политэлитой. В частности, мировой экономический кризис, процесс глобализации и мировая пандемия заболевания COVID-19 сделали очевидной взаимную зависимость политических элит, невозможность одной национальной политэлиты игнорировать глобальные и региональные вызовы, а также обострили противоречия между политической и иными элитными группами в различных странах, между политэлитой и другими социально-политическими группами, подчеркнули актуальность проблемы качества выполнения одной из главных функций политической элиты — реализации публичной власти (управленческой). Пандемия COVID-19 также актуализировала проблематику коммуникации политической элиты с гражданским обществом и населением в целом, а также способности политэлиты мотивировать и реализовывать заведомо непопулярные решения, связанные, к примеру, с ограничением прав населения, возможной принудительной вакцинацией и иными трансграничными факторами и т.д.

Процессы глобализации нередко ставят перед политическими элитами дилемму: следовать в полной мере глобализационному тренду или же уделять больше внимания сохранению идентичности населения, которое представляет соответствующая элита, и суверенному статусу политических институтов конкретного государства. Не меньшую теоретическую и практическую значимость имеет то, в какой степени элита считает себя связанной с населением собственного государства, является ли она частью социально-политической идентичности, учитывает ли интересы своего населения в качестве ключевого приоритета.

Мировой кризис в контексте глобализации накладывает серьезный отпечаток на действия политической элиты, так как в своей деятельности она не может абстрагироваться ни от внешних факторов, ни от проблем собственного населения, что, в свою очередь, сказывается на перспективах сохранения политической элитой своих ведущих позиций. От явлений глобального порядка зависит благосостояние населения конкретных государств, и задача политэлиты — максимально смягчать такие проявления либо же использовать их для придания импульса развитию государства, как это происходит, к примеру, с проблемой импортозамещения, которая может иметь и политическое, и экономическое измерение.

Вместе с тем мировой кризис вывел на политическую арену ряд ярких персонажей, которые формально мало связаны с «традиционными» политическими элитами, включая экс-президента США Д. Трампа и действующего президента Украины В. Зеленского, и которые в известной степени меняют общепринятые представления о политических элитах и механизмах их формирования. Представляет интерес и то, как «традиционные» политэлиты справляются с такими вызовами и что предпринимают для того, чтобы сохранить доминирующие позиции, «адаптируя» под существующую политическую систему тех политических лидеров, которые первоначально действуют как внесистемные субъекты.

Актуальность исследования обусловлена еще и тем, что политическая элита того или иного государства становится непосредственным объектом воздействия как со стороны иных социально-политических групп, так и со стороны политических элит других стран.

В этом плане политическая элита Приднестровья представляет особый интерес. С одной стороны, Приднестровье — самоопределившееся государство, которое пока не получило окончательного международного признания. С другой стороны, внутриполитические процессы в Приднестровье достаточно рельефны и соответствуют тенденциям, которые сложились в других государствах, в том числе в контексте политических элит. Кроме того, опыт показывает, что воздействие на политическую элиту Приднестровья нередко становится прецедентом, и в последующем аналогичные форматы «воздействия» могут применяться к политэлитам других государств, в первую очередь России.

Наиболее ярким примером подобного воздействия стал санкционный режим, введенный против приднестровской политической элиты странами Запада со ссылкой на «неконструктивную позицию в переговорном процессе» в 2003 г. В дальнейшем путем включения новых представителей политэлиты в «санкционный список» и исключения отдельных ее представителей Запад рассчитывал спровоцировать конфликт внутри приднестровской политической элиты. Своими ответными действиями приднестровская политическая элита попыталась отреагировать на введенные санкции, приняв как ответные меры в отношении зарубежных представителей, так и внутриэлитные консенсусные решения о снижении зависимости от внешних факторов. Естественно, что говорить о «симметричном» ответе не приходится: приднестровские ограничения касались преимущественно представителей дипломатического корпуса западных стран, однако ограничения в разное время охватывали практически весь спектр политэлит Молдовы и Украины.

Санкционная проблема вновь подчеркнула актуальность качества политэлиты, ее ориентации на национальные приоритеты, способности выражать совокупный общественно-политический интерес. Кроме того, наработанный опыт функционирования приднестровской политической элиты в санкционных и кризисных условиях также может представлять интерес для исследователей в других государствах, особенно в России.

В современных условиях политическая элита Приднестровья должна оперативно реагировать на острые социально-политические проблемы, возникающие в

контексте социально-экономического развития республики, основные тенденции которого также определяются политэлитой или же носят глобальный характер, как это произошло с пандемией заболевания COVID-19. Для нас очевидным является то, что меры воздействия, применяемые к приднестровской политической элите, спустя определенное время применяются и к российской политической элите (санкции Запада, торговые ограничения, актуальность импортозамещения и т. д.).

Повышенное внимание к приднестровской политической элите в современных условиях связано также с тем, что Приднестровье длительное время находилось в рамках очередного электорального цикла: выборов в представительные органы власти (2015 г.) и президента (2016 г.). Уже в 2020 г. начался очередной электоральный цикл: состоялись выборы нового созыва Верховного Совета Приднестровья, а также выборы в местные представительные органы власти (в рамках Единого дня голосования). Электоральные процессы традиционно имеют большое значение для циркуляции и рекрутирования политических элит, позволяют оценивать качество и эффективность различных представителей политэлиты, а также делать прогнозы относительно дальнейшего вектора социально-политического развития Приднестровья. Более того, формат функционирования приднестровской политической элиты обусловливает определенные ожидания с российской стороны в аспекте новых подходов к региональным политическим проблемам.

На примере приднестровской политэлиты можно изучить различные модели участия тех или иных акторов в политическом процессе, сферы интересов различных групп в приднестровской политической элите, степень значимости политической власти для различных элитных групп и другие проблемы.

Степень научной разработанности проблемы. Теоретической основой настоящей работы являются авторитетные труды, посвященные исследованию проблем политической власти, элитологии, развитию политической системы Приднестровья, а также политическому феномену приднестровской идентичности.

Основой для понимания значимости и места политической элиты в политических процессах являются категории политической власти, ее сути и природы.

Исходя из этого мы опирались на исследования политической власти в классических трудах Аристотеля, Платона, Н. Макиавелли, Ф. Энгельса и др. Среди исследований феномена власти и властеотношений в более близкий к современности период особый интерес для настоящей диссертации представляют труды А. Лориа, А. Грамши, Н. В. Устрялова, С. Хантингтона, П. И. Филимонова, В. Г. Ледяева, А. К. Сковикова, Л. Г. Титовой, Н. И. Шестова, А. В. Павроз, М. А. Колерова и др. 2

Теория элит, структура и функции политической элиты являются основным предметом исследования в работах классиков мировой политической мысли, которым наука обязана формированием базовых теоретических основ элитологии как составной части политического знания. Это В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс, Ч. Р. Миллс, О. Ласуэлл³. Среди современных западных исследователей пробле-

¹ Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч.; под общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.; Платон. Сочинения: в 4 т. Т. 3, ч. 1 / пер. с древнегреч.; под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. 752 с.; Макиавелли Н. Государь: Сочинения. М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во «Фолио», 2006. 672 с.; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Л. Г. Моргана. М.: Политиздат, 1973. 240 с.

² Лориа А. Социология. Ее задача, направления и новейшие успехи. Лекции, читаные в Падуанском университете с января по май 1900 г. / пер. с авторизованного и просмотренного автором немецкого перевода под ред. Ю. Д. Филиппова. СПб. : Общественная польза, 1903. 120 с.; Устрялов Н. В. Избранные труды / сост., авт. коммент. : В. Э. Багдасарян, М. В. Дворковая, авт. вступ. ст. В. Э. Багдасарян. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 888 с.; Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 384 с.; Сковиков А. К. Власть и гражданское общество в современной России // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: матер. III Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. И. А. Ветренко. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. С. 109–115; Титова Л. Г. Современная российская политика. М.: НИПКЦ «Восход-А», 2010. 364 с.; Филимонов П. И. и др. О национальной безопасности и пути державного возрождения России. М.: Стольный град, 2000. 230 с.; Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде / под ред. А. И. Демидова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 414 с.; Павроз А. В. Теория политического плюрализма и процесс формирования государственной политики // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 2. С. 130-137; Колеров М. А. «Историческая политика» в современной России: поиск институтов и языка // Русский сборник : исследования по истории России / ред.-сост.: О. Р. Айрапетов, М. Иванович и др. Т. XVI. М.: Издатель Модест Колеров, 2014. С. 441–480.

³ Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль XX в. М.: Мысль, 1997. С. 59-78; Сковиков А. К. Гаэтано Моска об акторах политического управления и власти // PolitBook. 2012. № 4. С. 104-115; Михельс Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия / пер. с нем. А. А. Зотов // Социс. 2000. № 1. С. 107-116; Миллс Р. Властвующая элита / пер. с англ.: Е. И. Розенталь, Л. Г. Рошаль, В. Л. Кон. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 542 с.

матики политической элиты можно выделить труды Р. Хилла, Дж. Хигли, Ф. Закариа, Д. Роткопфа, Г. Л. Манолова¹ и др.

Среди отечественных исследований, посвященных теории элит, критериям качества и эффективности политической элиты, структуре и функциям политической элиты, механизмам ее формирования, выделяются труды таких авторов, как М. Восленский, В. И. Буренко, Г. К. Ашин, О. В. Крыштановская, О. В. Гаман-Голутвина, Я. А. Пляйс, С. Н. Бабурин, А. В. Дука, В. П. Мохов, А. Д. Керимов, С. Е. Кургинян, А. С. Панарин, В. В. Ошкин, А. Е. Москалев, А. П. Кочетков и др. Здесь следует отметить научную школу Московского гуманитарного университета (В. И. Буренко, А. К. Сковиков, Л. Г. Титова и др.), особенностью которой является особое внимание к ценностному подходу в оценке политической элиты².

¹ Hill R. J. Soviet Political Elites. The case of Tiraspol. New York: St. Martin's Press, 1977. 226 р.; Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2004. 383 с.; Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром: пер. с англ. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2010. 475 с.; Хигли Дж. Элиты, вне-элитные группы и пределы политики: теоретический ракурс // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. ст. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2011. С. 28–59; Manolov G. L. The political class – definition and characteristics // Facta Universitatis. Series: Economics and Organization. 2012. Vol. 9, № 2. Р. 161-175.

² Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Захаров, 2005. 640 с.; Буренко В. И. Институциональное измерение политической элиты // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 6. URL: http://www.zpujournal.ru/e-zpu/2010/6/Burenko/; Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность: монография. М.: МГИМО-Университет, 2010. 600 с.; Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.; Гаман-Голутвина О. В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 4. С. 97-103; Дука А. В. О подходах к анализу властных элит // Управленческое консультирование. 2012. № 2. С. 48–55; Пляйс Я. А. Особенности формирования политико-административной элиты в России в эпоху транзита // Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. С. 366-390; Бабурин С. Н., Небренчин С. М. Кризис: Россия спасет мир? М.: АСТ; Астрель, 2009. 317 с.; Мохов В. П. Циркуляция элит: проблема критериев процесса // Власть и элиты / гл. ред. А. В. Дука. СПб. : Интерсоцис, 2014. С. 8-18; Керимов А. Д. Стратегические просчеты российской политической элиты. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. 48 с.; Криворученко В. К. Элита: к вопросу о понятии // Элиты России в прошлом и настоящем: социальнопсихологические и исторические аспекты : сб. научных статей. Вып. 2. М. : Изд-во Национального института бизнеса, 2012. С. 23-50; Кургинян С. Е. Качели. Конфликт элит – или развал России? М.: МОФ ЭТЦ, 2008 772 с.; Панарин А. С. Народ без элиты. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 352 с.; Кочетков А. П. Транснациональные элиты и гражданское общество: особенности взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 12 : Политические науки. 2020. № 1. C. 19–30

Важным также считаем проработку тематики политических элит в малых странах, в частности в исследованиях В. А. Смирнова¹ и некоторых других авторов.

Трансформационные процессы, происходившие в региональном политическом развитии в конце XX и XXI вв., исследовались такими авторами, как А. В. Ачкасов, Т. С. Гузенкова, Д. А. Данилов, К. Г. Мяло, О. Г. Мясников, А. Н. Сытин, У. Хилл, Е. П. Цыплакова, В. А. Смирнов, Л. Литра, К. Чуря, Л. Лукьяненко² и др.

Этап зарождения и формирования политической элиты Приднестровья в период «демократического транзита» стал предметом непосредственного изучения в работах таких исследователей, как П. М. Шорников, В. Бырлэдяну и Л. Коадэ, М. Н. Губогло, А. З. Волкова, Г. Кодряну, Э. Н. Ожиганов, Б. Г. Бомешко, Н. И. Харитонова³, и других авторов из научных центров России, Молдавии и Придне-

¹ Смирнов В. А. Политические элиты в малых странах: вопросы теории. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 151 с.

² Ачкасов В. А. «Изобретение традиции»: роль интеллектуальных элит в «идеологическом производстве» этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве (2009) // Власть в России: Элиты и институты: Матер. седьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А. В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2009. С. 9–22; Гузенкова Т. С. Антропология власти. Юлия Тимошенко. М.: ФИВ, 2010. 384 с.; Данилов Д. А. Приднестровское урегулирование: внешний контекст // Современная Европа. 2015. № 2. С. 20-33; Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989-2000). К истории падения сверхдержавы. М.: Вече, 2002. 480 с.; Мясников О. Г. Смена элит: «консолидация» или «вечная схватка»? // Полис. 1993. № 1. С. 52-60; Сытин А. Н., Смирнов В. А. Страны Балтии в ЕС: единство и своеобразие позиций политических элит // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 4. С. 98-118; Litra L., Ciurea C. and others. How to get rid of post-Sovietness? Kyiv: Institute of World Policy, 2012. 150 p.; Hill W. H. Russia, the Near Abroad and the West. Lessons from the Moldova-Transdniestria conflict. Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2012. 276 р.; Цыплакова Е. П. Роль элит в процессе политических трансформаций на постсоветском пространстве (на примере России и Украины): дисс. ... канд. полит. наук. СПб. : С.-Петербургский гос. ун-т, 2011. 197 с.; Лук'яненко Л. На землі кленового листка: Спогади й роздуми посла. Видання друге. К.: Гарт, 2001. 560 с.; Ткаченко О. Письма далекого друга. Васолъялгань сёрмат. Изд. 2-е, перераб. и доп. Саранск; Киев, 2008. 125 с.

³ Шорников П. М. Приднестровский конфликт и политическая элита Молдавии // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 2002. №6. С. 25-32; Бырлэдяну В., Коадэ Л. Идентичность политических элит в определении внешней политики Республики Молдова (1991-2007) // Республика Молдова в контексте воображаемых и действительных границ (Паттерны пограничной идентичности): сб. науч. тр. Вильнюс : ЕГУ, 2010. С. 99-117; Губогло М. Н. Тяжкое бремя конкурирующих идентичностей. Опыт Приднестровья // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 2000. № 4. С. 13–35; Волкова А. 3. Горячее лето 1989 года. Тирасполь : Типар, 2004. 320 с.; Кодряну Г. Днестровский разлом. Приднестровский кризис и рождение ПМР: роль и место спецслужб. Тирасполь : Типар, 2002. 208 с.; Ожиганов Э. Н. Этнополитический конфликт в Приднестровье: причины и развитие (1989–1992) // Аналитический вестник

стровья. События того периода нашли отражение в работах некоторых их непосредственных участников. Эти труды представляют научный интерес для нашего исследования, поскольку содержат ценный фактологический материал и «внутренние» оценки со стороны представителей политической элиты — И. Н. Смирнова, И. Косташа, А. М. Сафонова, Б. Н. Акулова, И. И. Бодюла, Д. Ф. Кондратовича и др.

Приднестровская политическая система и политические институты республики, включая проблематику политической элиты и механизмы ее формирования, особенности обособления и развития приднестровской территориальной и гражданской (политической) идентичности выступали объектом исследований в работах И. Н. Галинского, Е. М. Бобковой, А. В. Дируна, И. А. Войта, Е. В. Енина, А. А. Карамана, В. К. Коробова, Ш. Муцушика, П. А. Немченко, Д. Ю. Соина, Е. Стрэуциу, Р. И. Худякова, П. Вазаря, С. Я. Лавренова и др.² При этом следует

Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2006. № 20 (308). С. 28–52; Бомешко Б. Г. Приднестровье: годы созидания // Феномен Приднестровья. Тирасполь: РИО ПГУ им. Т.Г. Шевченко, 2000. С. 94–122; Харитонова Н. И. Приднестровский конфликт (1988-2012 гг.). М.: Линия-график, 2015. 520 с.

¹ Смирнов И. Н. Жить на нашей земле. М.: Советский писатель, 2001. 240 с.; Косташ И. Дни затмения: Хроника необъявленной войны. Кишинев: Б.и, 2011. 740 с.; Акулов Б. Н. Рабочая Рыбница: ответ национализму // Начало: сб. воспоминаний / сост. А. З. Волкова. Тирасполь: Мин-во информации и телекоммуникаций, 2010. 256 с.; Бодюл И. И. Дорогой жизни: время, события, размышления. Кишинев: Cusnir & C°, 2002. 524 с.; Сафонов А. М. В Парламенте Молдовы и за его стенами (1988-1992): Записки депутата. Бендеры: Полиграфист, 2010. 116 с.; Кондратович Д. Ф. Предыстория Приднестровской Молдавской Республики // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 1997. № 1. С. 57–59.

² Галинский И.Н. Модернизация системы государственного управления Приднестровской Молдавской Республики в новых политических условиях // Общественная мысль Приднестровья. 2012. № 2. С. 45-49; Бобкова Е. М. Организационная структура гражданского общества // Общественная мысль Приднестровья. 2012. № 2. С. 24-29; Дирун А. В., Бобкова Е. М. и др. Политические партии, движения и организации Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь, 2004. 196 с.; Войт И. А. Партийное строительство и электоральные процессы в Приднестровье // Общественная мысль Приднестровья. 2012. № 1. С. 237–242; Єнін Є.В. Забезпечення національних інтересів України у процесі врегулювання придністровського конфлікту: Автореф. дис. ... канд. політ. наук. Київ : Національный інститут проблем міжнародної безпеки РНБОУ Україны, 2010. 20 с.; Караман А. А. Становление правового государства и гражданского общества в Приднестровской Молдавской Республике // Гражданское общество и правовое государство: Опыт становления и перспективы развития: сб. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Тирасполь, 2010. С. 38–50; Коробов В., Бянов Г. Обновление Приднестровья. Херсон: Надднепряночка, 2006. 30 с.; Муцушика Ш. Евросоюз и Россия о проблеме Приднестровья // Приднестровье в макрорегиональном контексте Черноморского побережья: сб. статей / науч. ред. К. Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2008. С. 138-159; Немченко П.

учитывать, что приднестровская элита в работах подавляющего большинства зарубежных экспертов рассматривается, как правило, не в качестве самоценного объекта исследования, а через призму урегулирования молдо-приднестровских отношений.

Объект исследования – политическая элита Приднестровья.

Предмет исследования — особенности формирования и развития приднестровской политической элиты как самостоятельной группы в динамике и во взаимодействии с различными политическими институтами.

Цель исследования — исследовать особенности формирования и дальнейшего функционирования приднестровской политической элиты, ее отличительные черты и тенденции развития.

Задачи исследования:

- проанализировать понятие современной политической элиты как универсального субъекта, действующего во всех государствах, существующие подходы к определению данного термина и входящих в его состав элементов, выявить соотношение между понятиями «политическая элита», «политический класс», «правящий класс» и определить наиболее приемлемое с точки зрения науки и практики определение;
- исследовать различные научные подходы к изучению политических элит и выработать основные критерии для проведения классификации подходов;
- разработать критерии, которые могли бы стать основой для оценки качества (эффективности) политических элит;

А. Мажоритарная система выборов депутатов представительных органов власти как нарушение права граждан избирать // Имидж государства и защита прав человека: реалии, проблемы, перспективы: матер. междунар. науч.-практ. конф. Тирасполь, 2008. С. 111-116; Соин Д. Ю. Законодательная власть Приднестровья в зеркале выборов 2000 / под ред. В. И. Проценко. Тирасполь, 2001. 78 с.; Худяков Р. И. Гражданское общество и правовое государство: опыт становления и перспективы развития в Приднестровской Молдавской Республике // Гражданское общество и правовое государство: опыт становления и перспективы развития: сб. по итогам Междунар. науч.-практ конф. Тирасполь, 2010. С. 109−112; Strautiu E. A comparative analysis of the development on the two banks of the Dniester river: implemented policies, desirable policies. Sibiu : Тесhпо Media, 2015. 246 р.; Varzari P. Introducere în elitologie: Studiu. Chişinău : CE USM, 2003. 175 р.; Лавренов С. Я., Ушурелу О. В. Русский язык в Молдавии: тенденция на вытеснение // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2020. № 10. С. 43–57.

- провести анализ процесса формирования политической элиты Приднестровья в контексте его непосредственного влияния на дальнейшее развитие местной политической элиты;
- установить и исследовать взаимосвязь между приднестровской политической элитой и существующей в Приднестровье территориальной и гражданской (политической) идентичностью населения;
- выделить основные этапы, которые прошла в своем развитии политическая
   элита Приднестровья к настоящему времени;
- дать характеристику современного состояния приднестровской политической элиты, изучить ее признаки, каналы рекрутирования и приоритетные функции, а также дать оценку ее эффективности исходя из предложенных в рамках работы критериев;
- актуализировать в научном обороте новые и малоизученные источники, характеризующие политические элиты.

Хронологические рамки исследования охватывают период с августа 1989 г. по май 2021 г., т.е. более чем тридцатилетний период формирования и развития политических институтов Приднестровья, включая институт политической элиты. В рамках указанного периода обособляется ряд этапов в развитии приднестровской политэлиты, связанных как с электоральными циклами, так и с иными значимыми событиями в современной социально-политической истории Приднестровья.

Начальная хронологическая отметка при исследовании института политической элиты связана с усилением центробежных процессов в Советском Союзе, усилении внутриреспубликанских противоречий, ослаблением центральных органов власти, а также формированием в Приднестровье протестного движения, ставшего кадровой основой для политической элиты. Исследование завершается электоральным циклом 2020 — 2021 гг., который проводится в рамках сформированной политэлитой современной политической системы Приднестровья, фактическим стартом президентской избирательной кампании, а также принятием ряда управленческих решений, принятых приднестровской политэлитой на фоне пан-

демии заболевания COVID-19. Хронологические рамки некоторых исследований, связанных с формированием приднестровской гражданской (политической) и территориальной идентичности как первоосновы политической элиты, несколько шире: их начальная отметка относится к концу 1960-х гг. и обусловлена практикой «молдовенизации» партийно-государственного аппарата и возникновением латентных противоречий между различными социально-политическими группами и институтами в пределах Молдавской ССР.

Проведенный комплексный анализ в указанных хронологических рамках позволяет выявить принципы, тенденции и закономерности в формировании и развитии политической элиты Приднестровья, особенности данных процессов.

Научная новизна исследования:

- 1. В рамках работы предложено рассматривать трехуровневую структуру политической элиты в широком смысле: правящую политическую элиту (политическую элиту в узком смысле), а также два политических подкласса, которые вовлечены в политический процесс.
- 2. Проанализированы различные аспекты взаимосвязи политической элиты и идентичности населения. Народ является первичным источником легитимности политической элиты, которая, в свою очередь, принимает на себя обязательство действовать в совокупном политическом интересе.
- 3. В рамках работы предложена классификация уровней исследования феномена элит в зависимости от темпорального и содержательного критериев на институциональный и субстантивный.
- 4. Разработана и предложена к введению в научный оборот авторская система критериев качества и эффективности политических элит, включающая непосредственно политические, математические, нормативные (организационноправовые) и иные критерии. На основании данных критериев, в соответствии с установленными процедурами может наступать ответственность политэлиты, которая реализуется в различных формах (политической, юридической и др.).
- 5. Выявлен нетривиальный для постсоветского пространства процесс формирования правящей политической элиты Приднестровья через приход к власти

контрэлиты, в то время как в большинстве бывших союзных республик ведущая роль в трансформации политической элиты принадлежала прежней партийногосударственной номенклатуре.

- 6. В работе исследован ряд аспектов приднестровской территориальной и гражданской (политической) идентичности во взаимосвязи с отличительными чертами и ценностными установками приднестровской политической элиты, их взаимосвязь и взаимные обязательства.
- 7. На основании предлагаемых критериев градации выделены и проанализированы с различных точек зрения четыре этапа развития приднестровской политической элиты: формирование, институционализация, самодостаточность, а также современный период.
- 8. Проанализированы процессы, связанные с внутриэлитными кризисами, отличительные черты и перспективы развития современной политической элиты Приднестровья, каналы ее рекрутирования, а также ряд аспектов взаимодействия политической элиты с другими политическими институтами в республике.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Подтверждено, что политическая элита является сложно организованным механизмом, который при этом выступает достаточно сплоченной социально-политической группой, объединенной общими задачами и интересами, включая борьбу за сохранение властных полномочий. Обоснована оправданность рассмотрения политической элиты в широком значении этого слова, что позволяет включать в ее состав не только политическую элиту в узком понимании данного термина (правящую элиту), но и лиц, непосредственно занимающихся политической проблематикой (экспертов, журналистов, бюрократический аппарат, идеологов политических партий и др.), а также авторитетных представителей различных социопрофессиональных областей (представителей бизнес-элиты, актеров, композиторов, писателей и др.). Другими словами, структура политической элиты в широком смысле может быть представлена в трехуровневом формате, на вершине которого – политическая элита в узком смысле, а затем следуют два подкласса.

- 2. Политическая элита для сохранения своей внутренней и внешней легитимности должна быть в постоянной неразрывной взаимосвязи с идентичностью населения. Политическая элита, получающая мандат на реализацию своих функций от единственного источника власти народа, должна сохранять отличительные черты, ценности, иные характеристики, присущие той идентичности, которую политэлита представляет, стремиться к сохранению идентичности в условиях глобализации. Отрыв политической элиты от идентичности собственного населения, навязывание и (или) применение «двойных стандартов» в реализации системы ценностей чреваты неблагоприятными последствиями, отчуждением политической элиты от населения.
- 3. Подтверждено, что в науке существуют различные подходы к комплексному исследованию состава политических элит. В работе обоснована целесообразность группирования данных подходов по темпоральному (т. е. в соответствии с хронологией появления тех или иных идей) и субстантивному (т. е. в зависимости от содержания характеристик, которыми наделяются представители политической элиты) критериям. Доказано, что моральные характеристики политической элиты, степень ее авторитета в восприятии общественным мнением и иные подобные неполитические факторы являются существенными для понимания феномена политической элиты, однако не влияют на принадлежность тех или иных лиц к политической элите по функциональному критерию. Поэтому неполитические факторы могут рассматриваться как критерии эффективности элиты.
- 4. Способы рекрутирования политических элит, степень открытости политической системы являются одними из основных маркеров, позволяющих делать вывод о качестве и эффективности политической элиты. В исследовании обоснована градация критериев качества и эффективности политэлиты на собственно политические критерии (открытость политической системы, уровень доверия и др.), математические (различного рода индексы, рассчитываемые на основе статистических данных, и др.), нормативные (организационно-правовые, т. е. содержащиеся в правовых установлениях) и иные критерии. Установлена прямая связь

между практическим применением критериев эффективности и возможностью наступления ответственности политической элиты за выполнение своих функций.

- 5. Доказано, что ситуация в Приднестровье может считаться уникальной для постсоветского пространства, поскольку при формировании приднестровской политической элиты не возникло правопреемства по отношению к бывшей партийно-государственной номенклатуре и приднестровская политическая элита формировалась преимущественно за счет контрэлиты, ядро которой составляло местное протестное движение.
- 6. Формирование и дальнейшее развитие приднестровской политической элиты осуществляется на основе широкого народного волеизъявления в неразрывной взаимосвязи с ценностными установками и традициями приднестровской территориальной и гражданской (политической) идентичности. Такая взаимосвязь подтверждается активным участием населения в политических процессах, включая различные формы непосредственной демократии. Формирование элиты на различных этапах было производным от господствующих общественнополитических настроений. Изучены причины снижения электоральной активности в рамках нового избирательного цикла, начавшегося в 2020 г., и связанные с этим тенденции.
- 7. Установлено, что в своем развитии приднестровская политическая элита прошла несколько этапов: формирование (1989–1992 гг.), институционализация (1992–2000 гг.), самодостаточность и профессионализация (2000–2011 гг.), а также современный период (с 2012 г.). Градация этапов развития приднестровской политической элиты должна строиться прежде всего в зависимости от событий, которые имели существенное значение для создания и развития политэлиты Приднестровья (окончание открытой фазы противостояния с Республикой Молдова; переход от парламентско-президентской к президентской модели государственного устройства; смена поколений приднестровской политической элиты по итогам избирательной кампании 2011 г., а также усиление позиций крупного бизнеса в местной политической системе после электорального цикла 2015–2016 гг.).

8. В работе установлены и исследованы факторы, которые обусловили внутриэлитные кризисы во время электоральных циклов 2011 и 2015–2016 гг., а также некоторые тенденции, сложившиеся в рамках нового электорального цикла, стартовавшего в 2020 г., причины смены генераций приднестровской политэлиты по их итогам. Доказано наличие прямой взаимосвязи между несоответствием различных поколений приднестровской политэлиты критериям качества, неэффективным выполнением ими своих функций и политической ответственностью, наступавшей по итогам электоральных циклов. Действующий состав политической элиты Приднестровья в значительной мере связан с рекрутированием в высшие политические страты представителей местного крупного бизнеса, а также лиц, имеющих опыт работы в системе органов внутренних дел. Обосновано, что в приднестровской политической системе стали более отчетливо проявляться такие тенденции, как стремление к большей закрытости политэлиты, непубличному принятию ключевых решений, сужение каналов ее рекрутирования.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Теоретической основой исследования послужили труды российских, приднестровских и других авторов, посвященные изучению проблем власти, общественно-политической стратификации, теории элит и элитологии, рекрутирования политических элит, критериев их качества и эффективности, а также развитию и особенностям политического процесса и политэлиты Приднестровья.

В исследовании применялся комплекс научных методов, которые дают возможность обеспечить всесторонний анализ предмета исследования.

Диалектический метод позволил изучить вопросы взаимодействия различных общественно-политических групп в их непосредственной взаимосвязи, выявить основные тенденции, противоречия и закономерности в политических процессах, связанных с циркуляцией элит, определением их качества.

Историко-сравнительный метод дал возможность исследовать особенности политической элиты Приднестровья как самостоятельной общественной группы в рамках внутриполитического процесса в республике в исторической динамике,

что позволило определить детерминирующие факторы, отразившиеся на развитии приднестровской политической элиты.

Метод компаративистики использовался при сопоставлении приднестровской политической элиты с другими социально-политическими группами, а также с общим процессом элитогенеза на постсоветском пространстве и непосредственно в Молдавии в период дезинтеграционных процессов.

Методы прогнозирования и моделирования использовались при изучении возможных сценариев развития ситуации в Приднестровье в контексте внутриэлитных противоречий и при определении тенденций дальнейшего развития политической элиты Приднестровья.

Для оценки эмпирического материала использовались как качественные, так и количественные методы исследования: социологические и экспертные опросы, контент-анализ СМИ, выступлений представителей политической элиты, нормативных и официальных документов, агитационных материалов.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивалась корректным применением методологического и теоретического инструментария для обоснования полученных результатов, а также использованием официальной статистической информации органов государственной власти Приднестровья с опорой на исследования, проведенные кафедрой социологии Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

Эмпирической основой диссертации стали результаты исследований автора на основе опросов, проведенных кафедрой социологии и социальных технологий Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко на тему «Доверие населения Приднестровья политическим элитам Молдовы и Приднестровья» за период 2013—2019 гг.; авторское социологическое исследование, посвященное субъектному составу политической элиты, проведенное в 2013 г. Возможность проведения аналогичных опросов в 2020 г. была ограничена в связи с пандемией заболевания COVID-19, однако мы считаем достаточно репрезентативными результаты выборов в Верховный Совет Приднестровья и местные представительные органы власти 2020 г., о которых речь идет ниже. Кроме того, в эм-

пирическую базу диссертации вошел авторский экспертный опрос, который охватил 20 представителей политической элиты Приднестровья, отобранных по структурно-функциональному критерию (нынешние и бывшие руководители центральных органов власти, представители депутатского корпуса).

Составной частью эмпирической базы исследования выступили также опубликованные воспоминания и оценки отдельных представителей политической элиты Приднестровья, Молдовы и других стран, в разное время занимавших высшие государственные должности.

Научная и эмпирическая ценность исследования состоит в том, что его главные тезисы и результаты позволяют охарактеризовать основные подходы к изучению политических элит, сформулировать трехуровневую структуру политического класса, исследовать существующие в литературе и применяемые на практике основные модели оценки качества и эффективности политических элит. Кроме того, положения диссертации дают возможность с новой стороны рассмотреть политический процесс в Приднестровье, его развитие и современную динамику, а также выявить механизмы взаимодействия основных политических сил республики.

Теоретические и практические результаты исследования, сделанные выводы могут быть использованы при подготовке лекционных курсов по политологии, элитологии, социологии, в прикладных исследованиях по проблематике политической элиты Приднестровья и ее коммуникации с аналогичными субъектами в других государствах, а также в практической деятельности государственных служащих, организаций гражданского общества, осуществляющих мониторинг деятельности органов публичной власти. Результаты исследования могут представлять интерес для разработчиков законодательства в области оценки деятельности государственных служащих, активистов политических партий и общественных движений, а также структур и институтов, которые занимаются выработкой практических аспектов российской политики в отношении Приднестровья.

Апробация работы. Основные положения и выводы исследования изложены в выступлениях автора на международных, всероссийских и других научных и

научно-практических конференциях и иных мероприятиях в 2012–2020 гг.: Второй Всероссийской научной конференции «Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты» (г. Москва, 2012 г.); III Всероссийской научно-практической конференции «Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт» (г. Омск, 2012 г.); Международном научно-практическом семинаре «"Восточное партнерство" как правовая платформа сотрудничества Украины и ЕС» (г. Харьков, Украина, 2012); Международном научно-методологическом семинаре «Опыт сравнительных исследований общественных настроений в условиях перехода к постконфликтному развитию Молдовы и Приднестровья» (г. Тирасполь, Приднестровье, 2012 г.); Научной конференции с международным участием «Процессы социальной стратификации в Республике Молдова» (г. Кишинев, Молдова, 2012 г.); X Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века». Секция 1 «Философия образования» (г. Москва, 2013 г.); Международной научной конференции «Дни науки философского факультета – 2013» (г. Киев, Украина, 2013); Международной конференции по инициативе Председательства Украины в ОБСЕ «Факторы сотрудничества и развития гражданского общества в урегулировании Приднестровского конфликта» (г. Киев, Украина, 2013); IV Всероссийской научно-практической конференции «Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт» (г. Омск, 2013 г.); Всероссийской научной конференции с международным участием «Власть, бизнес, гражданское общество в условиях модернизации России: институты, стратегии и практики политического сотрудничества» (г. Москва, 2013 г.); Международном экспертном «круглом столе» «Региональное развитие и перспективы межрегионального сотрудничества между берегами Днестра» (г. Кишинев, Молдова, 2014 г.); Международной научно-практической конференции «Продвижение мер построения доверия и отраслевого сотрудничества между обоими берегами реки Днестр» (г. Кишинев, Молдова, 2014 г.); Международном научном «круглом столе» «Проблема непризнанных государств на постсоветском пространстве: опыт Приднестровья» (г. Москва, 2014 г.); Международном экспертном «круглом столе» «Перспективы развития

государственности Приднестровья: современные вызовы и угрозы» (г. Тирасполь, Приднестровье, 2015 г.); Международной научной конференции «Приднестровье в системе евразийских координат» (г. Тирасполь, Приднестровье, 2015 г.); Международном экспертном «круглом столе» «Развитие трансднестровских торговых отношений как важного фактора снижения конфликтности между Кишиневом и Тирасполем» (г. Бендеры, Приднестровье, 2016 г.); Международной научной конференции «Война и мир на Днестре: 25 лет миротворческой операции в Приднестровье» (г. Тирасполь, Приднестровье, 2017 г.); Международной научнопрактической конференции «Русская революция 1917 года в судьбах Приднестровья, России и мира: история и современность» (г. Тирасполь, Приднестровье, 2017 г.); Международной научно-практической конференции «Межкультурный диалог и вызовы современности» (г. Орел, Российская Федерация, 2017 г.); Международном экспертном «круглом столе» «Расширение академического партнерства между исследователями из Кишинева, Тирасполя и Комрата в контексте внедрения Соглашения об ассоциации Молдова – EC» (г. Тирасполь, Приднестровье, 2018 г.); Международном научно-практическом «круглом столе» «Русский мир в Приднестровье: текущее состояние и перспективы» (г. Тирасполь, Приднестровье, 2018 г.); экспертно-аналитическом «круглом столе» «Государство и общество – сотрудничество и взаимодействие» (г. Тирасполь, Приднестровье, 2018 г.); XV Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века. Роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений» (г. Москва, 2019 г.); Научно-практической конференции с международным участием «Институциональное развитие Приднестровской Молдавской Республики в условиях новых социально-экономических и политических реалий» (г. Тирасполь, Приднестровье, 2019 г.); Первой Международной онлайн конференции «Мир в эпоху пандемического и постпандемического периода» (г. Познань, Польша, 2020 г.); Международной научно-практической конференции «Приднестровье в современной геополитической реальности: 30 лет успешного государственного строительства и системного международного сотрудничества» (г. Тирасполь, Приднестровье, 2020 г.); Ежегодной Всероссийской научной конференции с международным участием «Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы (г. Москва, 2020 г.); XVI Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века. Цифровая трансформация общества: новые возможности и новые вызовы» (г. Москва, 2020 г.); Второй Международной онлайн конференции «Мир в эпоху пандемического и постпандемического периода» (г. Познань, Польша, 2021 г.)

Материал диссертационной работы изложен автором более чем в 30 публикациях, в том числе в восьми научных статьях, изданных в журналах, рецензируемых ВАК России, и в научных статьях, опубликованных в Приднестровье, Республике Молдова, Польше, на Украине, а также в тезисах международных научных конференций и в рамках обсуждения на кафедре социологии Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

Диссертация обсуждена на заседании методологического объединения политологов АНО ВО «Московский гуманитарный университет», а также заседании кафедры философии, культурологии и политологии АНО ВО «Московский гуманитарный университет», где получила положительную оценку и рекомендована к защите.

Полученные результаты были также внедрены автором при чтении курсов «Элитные группы как объект социологического анализа», «Политическая социология», «Социальная структура и стратификация», «Социальная стратификация и социальная мобильность», «Социология управления», «Конфликтология» в Приднестровском государственном университете им. Т.Г. Шевченко.

Структура диссертации определяется логикой и задачами проведенного исследования и включает введение, две главы (семь параграфов), заключение, список источников и литературы, приложения.

Глава I. Основные теоретические подходы к формированию, функционированию и оценке эффективности политической элиты

§ 1. Политическая элита: определение, структура и функции

Дифференциация населения сопровождала человеческое общество на всех этапах его существования. Признаки неравенства, ставшие впоследствии ключевыми предпосылками образования государств и развития политических процессов как нового формата взаимодействия между различными акторами, наблюдались еще в догосударственных формированиях. В дальнейшем укрепляется система разделения труда, в которой одни люди эффективно используют орудия труда, другие — участвуют в управлении, либо непосредственно формируя вектор политического, экономического, социального и культурного развития, либо опосредованно влияя на процесс принятия соответствующих решений. При этом существует определенная часть населения, проявляющая абсентеизм, т. е. отсутствие интереса к политическим процессам, и не принимающая в них активного участия.

В научной литературе высказано мнение относительно того, что определяющим аспектом в части взаимоотношений личности и общества (разделяемой на коллективистскую и индивидуалистическую составляющие) выступает политическая проблематика, поскольку «политические измерения социальной реальности, быть может, лучше других позволяют судить об отличиях этой реальности от природной»¹. Поэтому мы согласны с утверждением о правомерности использования понятия политической стратификации, которое позволяет «зафиксировать разный объем власти у политических субъектов в зависимости от места и роли в политической структуре общества»². С полным правом можно говорить о дифференциации политических субъектов как о процессе, базирующемся на неравенстве в доступе к политическим полномочиям. При этом политическую дифференциацию мы рассматриваем и как процесс, и как состояние политической системы.

¹ Пернацкий В. И. Феномен социальной реальности // Свободная мысль. 2015. № 3. С. 186.

² Каневский П. С. Политическая стратификация в современной России: классы, элиты, группы интересов. М.: Академический проект, 2014. С. 13.

Достаточно рельефно эта тема находит отражение уже в трудах Платона. В его политической логике «политический успех основан на различии (отличии)», при этом «способный к различию искусен в некотором деле», чем он и отличается от большинства. Политическое неравенство является следствием различия и поддерживается его силой, а у «лучшего нет других ориентиров, кроме себя»¹.

Данный общественно-политический процесс стал предпосылкой для формирования меньшинства, из которого постепенно начала выделяться специфическая группа, обладавшая определенными признаками и носившая неоднородный характер. Обособление таких групп в различных сферах составило содержание понятия элитогенеза, причем формирование элит в различных сегментах получило серьезный импульс с образованием государств и расширением политического сегмента, а сама элита в силу «политической динамики»² явилась носителем политической власти и выразителем политического интереса. Элита стала частью социально-политических процессов, «осуществляющей управление и демонстрирующей модели поведения, которые служат ориентирами членам общества в их социальном бытии»³.

Расслоение населения и развитие политических процессов, рост научного интереса к политической проблематике обусловливают наличие широкого понятийного аппарата, включающего термины «элита», «политическая элита», «политический класс» и др. Каждый из них имеет самостоятельное значение и субстантивное наполнение, является предметом различных исследований.

Следует согласиться с мнением Дж. Хигли о том, что элиты «происходят из фундаментального и универсального факта социальной жизни, в частности, отсутствия в любом большом коллективе устойчивого общего интереса»⁴. В итоге возникают противоречия между интересами различных групп, и наиболее опти-

¹ Глухов А. А. Перехлест волны. Политическая логика Платона и постницшеанское преодоление платонизма. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. С. 289, 291.

 $^{^2}$ См. подробнее: Титова Л. Г. Современная российская политика. М. : НИПКЦ «Восход-А», 2010. С. 16.

³ Крючков В. А., Сковиков А. К., Титова О. Н. Политическая элита: теоретический аспект // Фундаментальные исследования. 2013. № 11. Ч. 8. С. 1736.

⁴ Higley J. Elite Theory in Political Sociology. [Электронный ресурс]. URL: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_4036.pdf

мальные условия для реализации своих интересов получают те, кто лучше подготовлен к преодолению существующих разногласий или достижению соответствующих результатов в конкретной сфере.

Понятие «элита» происходит от французского elite — «лучший», «отборный», хотя в зарубежной литературе отмечается, что данное значение появилось у этого термина примерно в XVII в., ранее elite было словом, производным от латинского термина «electus» («избранный»), а в XVI в. использовалось в качестве синонима слова «выбор» Введение термина «элита» в научный оборот для обозначения относительно небольшой группы, составляющей верхнюю общественную страту, произошло уже на рубеже XIX–XX вв.

Несмотря на давнюю историю исследований по данной теме, общепринятым считается, что одним из первых в научный оборот понятие элиты ввел В. Парето, который анализировал роль элит на примере итальянской аристократии и рассматривал их в качестве «небольшой и избранной политической группы с высокими социальными качествами, которые управляют общественной массой – т. е. остальным населением, которое плохо организовано и, соответственно, им легко манипулировать»².

Как отмечается в политологической литературе, выбор «классиком элитологии» В. Парето термина «элита» связан с тем, что он соответствовал двум его родным языкам — французскому и итальянскому, поскольку в них присутствует «латинская коннотация избранности»; вследствие этого «подлинной» элитой у Парето становится элита «по способностям». Однако общепринятое в современной науке понятие «элита» обязано своим утверждением Г. Лассуэллу, который и вводит модель «высшей правящей элиты»³. Эта модель уже в меньшей степени

¹См., напр.: Niels Matheve. Power and impotence. Elites versus democracy in scholarly theories. Politicologenetmaal 2010. Leuven, 27-28 May 2010. P. 9. URL: https://soc.kuleuven.be/web/files/11/72/W02-32.pdf

² Цит. по: Vergara L. G. Elites, political elites and social change in modern societies. Revista de sociologia. 2013. № 28. Р. 35.

³ Сартори Дж. Вертикальная демократия // Материалы семинара «Общество и элита» (31 января – 1 февраля 2015 года) Воронеж : Школа эффективных коммуникаций «Репное», 2015. С. 65. URL: http://www.intelros.ru/pdf/repnoe/2014/6.pdf

опирается на интеллектуальные способности представителей элиты, их моральные качества.

«Элита» является общим, родовым обозначением для различных групп, которые входят в ее состав. В частности, мы можем говорить:

- 1) о бизнес-элите, включающей наиболее успешных предпринимателей и топ-менеджеров крупных компаний, в первую очередь тех, кто влияет на распределение материальных ресурсов всего общества;
- 2) о творческой элите, в которую входят известные представители искусства, театра, кино, эстрады и др.;
- 3) о профессиональной элите, включающей известных спортсменов, ученых и др.

Взаимодействие различных типов элит рассматривается как элитная система общества, которая определяет направление и основные тенденции общественно-политического развития. В элитной системе общества наблюдается более высокий уровень взаимопонимания между входящими в нее группами, чем между элитами и другими стратами, но при этом возникают и внутриэлитные противоречия, которые нередко получают широкий общественный резонанс¹. По сути, для элитной системы характерны те же модели взаимодействия, что и между любыми общественно-политическими системами, но степень публичности такого взаимодействия детерминируется тем, в какой именно элитной группе осуществляется взаимодействие (к примеру, творческая элита гораздо больше тяготеет к публичности, чем бизнес-элита). В свою очередь, значение военной элиты значительно возрастает в условиях внешней и внутренней нестабильности или радикальных изменений политико-государственного устройства².

По нашему мнению, неотъемлемой частью элиты в целом является политическая элита. По справедливому замечанию Г. К. Ашина, в общественном сознании

¹ См., напр.: Черкесов В. В. Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев // Коммерсант. 2007. 9 октября; Кургинян С. Е. Качели. Конфликт элит – или развал России? М. : МОФ ЭТЦ, 2008. С. 636-640.

² Ганин А. В. Признаки «Запорожской сечи почти исчезли…». Обследование и чистка Военной академии РККА в 1922 г. // История. Научное обозрение OSTKRAFT. № 1 (7). М. : Модест Колеров, 2019. С. 5.

на первое место выходит именно политическая элита в том случае, если понятие «элита» используется без «уточняющего принадлежность прилагательного» ^{1} . Политическая элита во многом действительно стала доминирующей по отношению к другим типам элиты, и мы можем встретить примеры такого доминирования и фактического отождествления элиты в целом и политической элиты в некоторых научных исследованиях ^{2} .

В научной литературе существует большое количество определений политической элиты. Проанализировав подходы, приведенные в работах А. Г. Ашина, О. В. Крыштановской, О. В. Гаман-Голутвиной, В. П. Мохова, Р. Хилла, В. Г. Ледяева, Дж. Хигли³ и других исследователей, мы считаем, что наиболее общим является следующее определение политической элиты: это относительно сплоченная социальная группа, самый активный участник политического процесса, который способен управлять, владеть и контролировать властные ресурсы, пользоваться силой государственного принуждения, вправе принимать решения общегосударственного значения и контролировать их исполнение, а также влиять на принятие решений такого рода. Приведенное определение, по нашему мнению, дает базовое представление о значении политической элиты как участника политических процессов в контексте настоящей работы.

В науке политическая элита обоснованно рассматривается в узком и в широком смыслах. В первом случае в состав политической элиты следует включать тех

¹Ашин Г. К. Элитология как российская инновация // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 1 (26). С. 164.

² См., напр.: Бухарин С. Н., Малков С. Ю. Эволюция элиты (материалы и исследования). М. : Академический проект; Гаудеамус, 2014. С. 6-7.

³ См., напр.: Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность. М. : МГИМО-Университет, 2010. С. 242; Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51; Гаман-Голутвина О. В. Введение. Элиты в фокусе исследовательского внимания // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. ст. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М. : РОССПЭН, 2011. С. 12; Мохов В. П. Кадровая революция в процессах социальной трансформации властной элиты // Власть в России: элиты и институты: матер. седьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под. ред. А. В. Дуки. СПб. : Интерсоцис, 2009. С. 35; Hill R. J. Soviet Political Elites. The case of Tiraspol. New York : St. Martin's Press. 1977. Р. 7; Хигли Дж. Элиты, вне-элитные группы и пределы политики: теоретический ракурс // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. ст. М. : РОССПЭН, 2011. С. 35.

лиц, которые непосредственно принимают решения общегосударственного, стратегического характера и (или) в состоянии эффективно влиять на принятие подобных решений. Круг таких людей является весьма ограниченным и охватывает преимущественно высших должностных лиц страны в зависимости от типа государственного устройства — президента или монарха (главу государства), премьерминистра, высших должностных лиц исполнительной власти, парламентариев, судей высших судебных инстанций и т. п.

В то же время исключительно узкая трактовка политической элиты сводила бы всю политику исключительно к деятельности государственных структур, или к этатистскому пониманию политики. Такой подход был характерен преимущественно для политических исследований начала XX в.: к примеру, известный российский мыслитель Н. В. Устрялов указывал, что государство — это не только политический субъект, но и цель политики, а без мощной государственной власти сойдут на нет все иные общественные институты, включая культуру¹. Следует в связи с этим согласиться с мнением В. И. Буренко, который полагает, что «современное понимание политики не сводит ее только к деятельности государства»². Современный политический процесс характеризуется участием в нем не только политических элит, но и других акторов, включая институты гражданского общества, а проблема определения действий и направления их взаимодействий справедливо признается «одной из центральных в социально-политической мысли»³.

Как мы полагаем, в связи этим заслуживают особого внимания понятия «правящий класс» и «политический класс», которые, хотя являются синонимичными, но тем не менее имеют разное содержание и разную степень применимости к теме нашей работы.

¹ Устрялов Н. В. Избранные труды / сост., авт. коммент.: В. Э. Багдасарян, М. В. Дворковая, авт. вступ. ст. В. Э. Багдасарян. М. : РОССПЭН, 2010. С. 11.

²Буренко В.И. Общество без политики не имеет будущего // Социокультурные факторы национальной безопасности России: сб. науч. тр. / отв. ред. А. В. Костина. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. С. 226.

³Сковиков А. К. Гаэтано Моска об акторах политического управления и власти // PolitBook. 2012. № 4. С. 104.

В трудах элитологов справедливо указывается, что «понятие "правящий класс" более эмоциональное, нежели научно оправданное» 1. Дискуссия о правящем классе потребует более глубокого изучения различных подходов к данной теме, что не является предметом настоящего исследования. Отметим, что применительно к правящему классу мы исходим из градационной интерпретации, используемой в работах Э. О. Райта², т. е. понимаем под правящим классом верхнюю страту политико-экономической системы в общем контексте неравенства, которому «явно не грозит полное отмирание»³. Понятие правящего класса или господствующего класса в нынешних условиях представляется менее востребованным в силу жесткости конструкции «класс»⁴, по крайней мере в классических работах основоположников классовой теории. Кроме того, понятие правящего класса значительно шире предмета нашей работы, поскольку включает как собственно мир политического, т. е. политическую элиту в узком смысле, так и прежде всего представителей бизнес-элиты, имеющих непосредственное отношение к распределению национального богатства, к средствам производства и пр. Одновременно, как справедливо отмечал Д. У. Домхофф, не все члены «высшего класса» вовлечены в процесс управления, некоторые всего лишь «наслаждаются тем образом жизни, который им позволен благодаря богатству»⁵; причем ведущую роль в государственном управлении он отводил представителям крупного бизнеса, корпораций и т. п.

1

¹Криворученко В. К. Элита: к вопросу о понятии // Элиты России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты: сб. науч. статей. Вып. 2. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2012. С. 39.

² Подробнее см.: Райт Э. О. Класс и политика. Энциклопедия политики. URL: http://www.studfiles.ru/preview/4364996/

³ Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром: пер. с англ. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. С. 122.

⁴ Гаман-Голутвина О. В. Российские элиты в зеркале политической науки. Pro nunc : Современные политические процессы. Вып. 8. Политические элиты в условиях электорального формата трансформации власти / редкол.: О. В. Гаман-Голутвина (пред.), В. Ф. Пеньков и др. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 15.

⁵ Domhoff G. W. Alternative theoretical views // G. W. Domhoff. Who rules America? Sociology dept., University of California at Santa Cruz. URL: http://sociology.ucsc.edu/whorulesamerica/theory/alternative_theories.html

Сторонники данного подхода, по нашему мнению, абсолютизируют влияние бизнеса на политику, избегая термина «политическая элита» и предпочитая оперировать понятием «правящая элита», которая определяется как «директора или управляющие в прибыльных или неприбыльных учреждениях, которые контролируются корпоративным сообществом посредством владения акциями, финансовой поддержки, вовлечения в советы управляющих или через комбинацию данных факторов»¹.

«Правящий класс» в связи с этим нам представляется категорией, которая относится преимущественно к социально-экономическим дисциплинам, но в меньшей степени может использоваться для анализа политических процессов.

Мы также исходим из того, что понятие правящего класса более присуще государствам с заметными социально-политическими диспропорциями, с выраженным политико-экономическим дисбалансом. Если такая дифференциация не столь выражена, то конструкция «политическая элита» представляется более востребованной.

Вместе с тем одними из основных тенденций в развитии современных политических процессов являются автономизация высшей социально-политической группы, усложнение процесса попадания в нее для лиц «извне», возникновение большого количества институциональных и иных фильтров. Это также, по нашему мнению, обусловливает научную и практическую значимость понятия «политическая элита» как группы, которая все более замыкается и переходит к самовоспроизводству. Частью этого процесса является, к примеру, «профессионализация парламентской деятельности», которая выступала «ведущей тенденцией» развития парламентских институтов в европейских странах².

Правящий класс, по нашему мнению, шире политической элиты: политэлита выступает одной из политических страт в составе правящего класса, выразителем

¹ Domhoff G., Staples C., Schneider A. Interlocks and Interactions Among the Power Elite // Who rules America? URL:

http://www2.ucsc.edu/whorulesamerica/power elite/interlocks and interactions.html

² Сравнительная политология / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 407.

его интересов применительно к процессу государственного управления, поэтому данные категории нельзя отождествлять. Заслуживает внимания и тезис о том, что, не отрицая влияния крупного бизнеса на формирование политической элиты и принятие политических решений, следует признать, что функции политического управления все же выполняет «специализированная бюрократия»¹, верхним слоем которой является политическая элита в узком смысле.

Политическая элита выступает ключевым субъектом, формулирующим приоритеты и общегосударственные решения в сфере политики.

Относительная самостоятельность элиты по отношению к правящему классу связана с различием интересов разных слоев этого класса. По мнению Г. К. Ашина, «у элиты есть возможность не только лавировать между интересами различных групп и слоев правящего класса, но порой даже принимать решения, против которых выступает большинство представителей этого класса»². Иногда расхождения в интересах между различными категориями элит также приводят к противоречиям внутри правящего класса, что подтверждает неоднородность базового понятия «политическая элита».

Понятие «политический класс» является центральным в исследованиях одного из классиков изучения политической элиты — Гаэтано Моска. Как отмечают исследователи его творчества, термин «правящий класс» максимально широко используется им практически во всех работах независимо от того, чему они посвящены — типологии государств, сущности государственного управления и пр.; при этом понятия «политический класс» и «правящий класс» нередко используются им как синонимы³. Отмечается также, что тех, кто не занимает формальных должностей, предусмотренных законом, но имеет возможность влиять на общественную жизнь, Моска определяет как политический класс в строгом смысле. Тех, кто имеет формальную или «социальную» власть, он называет правящим

¹ Гаман-Голутвина О. В. Бюрократия или олигархия? // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность: Матер. Международного симпозиума (Москва, 16-17 января 2000 года) / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Московская Высшая школа социальных и экономических наук, 2000. С. 162.

² Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность. М., 2010. С. 288.

³ Сковиков А. К. Гаэтано Моска об акторах политического управления и власти. С. 107.

классом, состоящим из группы носителей эффективной власти, под которой он подразумевает управление страной. Таким образом, управляющий класс государства, имеющий право принимать различные типы решений для руководства, имеет гетерогенную структуру, что в совокупности позволяет сформулировать именно политическое определение — «политический класс»¹.

Как представляется, термины «политическая элита» и «политический класс» не лишены преимуществ и недостатков. Политическая элита более распространена как понятие, определяющее относительно однородную группу (меньшинство), принимающую общегосударственные решения. Однако в этом термине есть оценочный элемент, предполагающий наделение данной группы «лучшими» качествами. Политический класс — более абстрактное понятие, но наличие в нем термина «класс» предполагает поиск критериев выделения этого класса, характеристик его состава и т. п. Мы считаем синонимами понятия «политическая элита в широком смысле» и «политический класс».

Политический класс неоднороден, поскольку включает в себя группы с разным функционалом, задачами, властным статусом, каналами включения новых субъектов в свой состав и т. д. Структура политического класса детерминируется существующей политической системой и может меняться в случае ее изменения. Политический класс характеризуется институциональностью, что предполагает его сходство с моделью государственного устройства в целом. Однако вряд ли можно полностью согласиться с тезисом, что занятие индивидом государственной должности «означает для него вступление в класс»². В силу неоднородности политического класса, неопределенности его задач и статуса его функции не могут сводиться только к государственному механизму. К примеру, политические партии являются частью политического класса, но вступление в партию не может считаться эквивалентом назначению на должность в государственных структурах, даже если соответствующая партия имеет к власти непосредственное отношение.

¹ Martinelli C. Gaetano Mosca's Political Theories: a Key to Interpret the Dynamics of the Power // Italian Journal of Public Law. 2009. Vol. 1. P. 7.

² Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С.64.

Понятия «политический класс» и «правящий класс» также имеют существенные различия. В правящий класс входят и другие, неполитические социальные страты: экономическая, культурная и прочие элиты. Составными элементами политического класса являются как властвующая группа, так и оппозиция.

Как отмечено выше, мы считаем синонимичными понятия «политический класс» и «политическая элита в широком смысле». В эту общность могут быть включены не только лица, непосредственно принимающие политические решения (т. е. политическая элита в узком смысле), но и субъекты, участвующие в политическом процессе без принятия общегосударственных решений. К таким лицам относятся представители государственного аппарата (бюрократия), политические эксперты, политологи, политтехнологи, политические консультанты, журналисты, идеологи и активисты политических партий, а также собственники СМИ, оказывающие влияние на сетку вещания в интересах тех или иных политических и (или) экономических сил, используя различные механизмы воздействия на политическое сознание граждан, в том числе с использованием современных манипулятивных технологий. Эту группу мы предлагаем считать первым подклассом политической элиты в широком смысле.

Отнесение тех или иных лиц к данному подклассу, по нашему мнению, могло бы основываться на следующих критериях:

- постоянная и (или) профессиональная деятельность в сфере внутренней и (или) внешней политики, служащая, как правило, источником дохода;
- способность непосредственно участвовать в выработке и (или) выполнении решений общегосударственного характера или оказывать влияние на их выработку без права их окончательного утверждения.

Кроме того, в состав политического класса могут быть включены лица, которые в силу авторитета, узнаваемости, публичности и других личных качеств способны влиять на принятие политических решений или на формирование общественного мнения в государстве. Речь идет об известных артистах, музыкантах, дирижерах, врачах и т. д. Данные лица, не принимая непосредственного участия в выработке политических решений, тем не менее способны формировать обще-

ственные настроения, делать заявления по политически значимым событиям. В силу такой гражданской активности они выступают участниками политического процесса и при определенных условиях могут стать частью политической элиты в широком смысле. При этом для таких представителей политического класса на первое место как раз выдвигаются именно моральные или иные субъективные качества, о которых говорилось выше. Данную группу мы предлагаем считать вторым подклассом политической элиты в широком смысле.

При этом отнесение тех или иных лиц к данному подклассу также должно основываться на системных критериях, которыми могут считаться:

- узнаваемость (публичность) тех или иных лиц;
- их влияние на общественное мнение и (или) на мнение других групп, входящих в состав политического класса. При этом политические возможности таких лиц, как правило, основываются на профессиональной активности и (или) личных достижениях;
- регулярность публичных заявлений по актуальным социальнополитическим, экономическим и культурным проблемам, интересующим большую аудиторию граждан (выступления в традиционных СМИ, активность в социальных сетях или в иных формах и пр.).

Второй подкласс преимущественно воздействует на первый подкласс с тем, чтобы обеспечить выработку наиболее благоприятных решений. Адресатом воздействия первого подкласса является политическая элита в узком, функциональном смысле. В то же время было бы неверным отрицать влияние, которое второй подкласс иногда пытается оказывать непосредственно на политическую элиту в узком смысле, стремясь добиться не просто выработки, но и принятия нужных решений посредством имеющихся ресурсов влияния.

По нашему мнению, эти два подкласса следует разделять в силу их разных задач и целей, хотя в литературе высказано и иное мнение¹.

¹ См., напр.: Малинова О. Ю. Политические элиты как «производители смыслов» российской политики : к постановке проблемы // Элиты и общество в сравнительном измерении : сб. ст. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. С. 280.

На основании изложенного считаем возможным рассматривать структуру политической элиты в широком смысле так, как показано на рис. 1.

Политическая элита в узком смысле

(главы государств, правительств, парламентарии и др.)

Политический полкласс № 1

(государственный аппарат, политические эксперты, активисты и идеологи политических партий, журналисты и владельцы СМИ)

Политический подкласс № 2

(творческая интеллигенция, известные врачи, учителя, спортсмены, бизнес-элита и др.)

Рис.1. Структура политической элиты в широком смысле

По нашему мнению, такая структура дает возможность рассматривать политическую элиту как разноуровневого участника политических процессов. В то же время предлагаемая градация является достаточно условной, так как не отражает в полной мере механизма участия различных групп в политических процессах.

Приведенная структура политической элиты в широком смысле данного термина в известном смысле является «идеальной», т. е. такой, которая должна существовать в демократических государствах, основанных на принципе верховенства права. Однако политическая реальность требует более адекватной оценки роли и места бизнес-элиты, которая стремится к укреплению собственных позиций и делегированию своих представителей не только во второй, но и в первый подкласс политэлиты. Было бы также неверным отрицать стремление бизнес-элиты делегировать своих представителей непосредственно в политэлиту в узком смысле, что еще больше будет укреплять ее позиции. Полагаем, что «идеальная» модель существования бизнес-элиты во втором подклассе политэлиты в широком смысле далеко не всегда реализуется на практике, бизнес-элита гораздо чаще занимает более высокие и более влиятельные позиции. Как представляется, соответствую-

щие возможности бизнес-элиты зависят от ряда факторов, включая уровень демократического развития конкретного государства, степень демонополизации национальной экономики и т. п.

Таким образом, структура политэлиты является подвижной и зависит от конкретного этапа социально-политического развития государства, возможностей различных страт влиять на текущий политический процесс.

Предметом исследования в настоящей работе является как политэлита в узком смысле, т. е. лица, непосредственно принимающие высшие (общегосударственные) политические решения и (или) способные влиять на их принятие, так и лица, в силу формальных должностей в государственном аппарате способные участвовать в выработке таких решений, т. е. большой сегмент первого подкласса, а также представители второго подкласса с учетом степени их реального воздействия на политические решения.

Для отграничения политэлиты в узком смысле от иных составляющих элиты нами предлагалось использовать нормативный инструментарий, т. е. закрепить соответствующие перечни должностей в нормативных актах¹. Тем не менее нормативный инструментарий не отвечает в полной мере целям и задачам политологического исследования, хотя и может использоваться в отдельных случаях как вспомогательный метод исследования, в том числе для целей конкретизации состава политэлиты.

Предложенный нами подход, как представляется, позволяет преодолеть определенные методологические трудности, когда весьма сложно отделить политическую элиту от бизнес-элиты, в том числе в тех случаях, когда их взаимопроникновение носит достаточно глубокий характер. К примеру, это касается малых стран, где бизнес стремится к монополизации своего положения на рынке, в силу чего оказывает значительное влияние на политэлиту, или же стран, где сырьевые источники являются ключевым источником развития государства (так, в одном из исследований саудовский министр нефти рассматривается как «самый влиятель-

¹ См., напр.: Леонтьева О. В. Критерии качества и эффективности политической элиты // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8. С. 299.

ный человек в мире»¹; впрочем, события в Саудовской Аравии, связанные с массовыми арестами членов правящей династии, показали всю относительность положения тех или иных лиц в таких странах).

Приведенное нами определение политической элиты и ее состав позволяют выделить следующие отличительные черты политической элиты:

- 1) узаконенное право политической элиты принимать стратегические решения и действовать в интересах и от имени всего государства и его граждан, представлять страну в международных отношениях;
- 2) способность политической элиты к самовоспроизводству, причем нередко эта способность превращает политэлиту в чрезвычайно закрытую социально-политическую группу, которая исключает проникновение в нее «чужаков». В демократических государствах стремление политэлиты к самовоспроизводству не отрицается, но предпринимаются попытки создать этому стремлению ограничения и организационно-правовые рамки;
- 3) легитимность (внутренняя и внешняя), которая обеспечивается преимущественно внутренними процедурами, хотя и внешнее подтверждение легитимности имеет значение для политических элит;
- 4) монопольное право на применение государственного принуждения, т.е. права «на законное насилие» от имени государства;
- 5) руководящий и господствующий статус в обществе, основанный на управленческой функции, хотя он не всегда реализуется эффективно;
- 6) стремление политической элиты к сохранению власти. При этом, несмотря на относительную однородность, политическая элита сталкивается с вызовом фрагментации, т. е. наличия различных групп внутри политической элиты с несовпадающими интересами. Этот вызов предполагает внутриэлитную конкуренцию, которая может как приводить к дестабилизации, так и служить стимулом для развития демократических процессов;
- 7) сплоченность элиты, обусловленная не только «корпоративной солидарностью», но и особенностями психологического восприятия себя элитой в качестве

¹ Roberts P. Sfarşitul petrolului: în pragul unui dezastru. Bucureşti : Litera înternational, 2008. P. 128.

отдельной общественно-политической группы, которая требует от других признания своей исключительности и видит в этой «исключительности» мотивацию для выполнения ведущей в обществе роли.

Предназначение политической элиты в значительной степени детерминируется теми исключительными функциями, которые она выполняет. Круг данных функций достаточно широк, и все они в значительной степени обусловливают высокий уровень политической и иных форм ответственности за принимаемые решения, который возложен на политическую элиту.

На основе ряда исследований, так или иначе затрагивающих функции политический элиты¹, и с учетом собственных выводов к данным функциям считаем возможным отнести следующие:

- 1) стратегическую. Политическая элита разрабатывает и предлагает обществу долгосрочное видение развития государства, причем она должна быть в состоянии реализовать предложенный курс исходя из приоритетов интересов населения;
- 2) коммуникативную. Политическая элита конкретного государства осуществляет внутреннюю коммуникацию с иными стратами общества в целях упорядочения внутригосударственных отношений, в значительной степени согласовывая интересы различных общественных групп для общего блага. Кроме того, политическая элита осуществляет и внешнюю коммуникацию с политическими элитами иных государств, стремясь обеспечить максимально благоприятные условия для развития своей страны.

Данная функция приобретает особое значение в условиях глобализации, когда возникает дисбаланс между глобальным и национальным; политическая элита должна быть способна к такой коммуникации, которая обеспечивала бы защиту национальных интересов, но без изоляционизма государства.

¹ См., напр.: Дука А. В. О подходах к анализу властных элит // Управленческое консультирование. 2012. № 2. С. 50; Керимов А. Д. Грядущая эпоха и российская политическая элита // Национальные интересы. 2013. № 3. С. 14; Гаман-Голутвина О. В. Метафизические измерения трансформации российских элит // Политическая концептология. 2012. № 3. С. 45; Бест Х. «Европа» — меньшее из зол? Границы путей выхода из безграничного кризиса с точки зрения элит // Власть и элиты / гл. ред. А. В. Дука. Т. 1. СПб. : Интерсоцис, 2014. С. 70, 91; Бабурин С. Н., Мунтян М. А., Урсул А. Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. М. : Магистр: ИНФРА-М, 2011. С. 220 и т. д.

Несмотря на то что применительно к проблематике глобализации чаще всего говорится об экономических аспектах данного процесса, нельзя не согласиться с утверждением о том, что «глобализация – не только сугубо экономический процесс», поскольку включает в себя иные элементы, в частности, создание глобального политического, культурного, образовательного и иных пространств¹. Справедливо отмечается, что глобализация предполагает наличие «предельно высоких требований к компетенции государственного руководства»². Это обусловлено взаимной зависимостью различных государств, а также тем, что темпы исторических изменений в условиях глобализации чрезвычайно повышаются. Соответственно даже незначительные ошибки политической элиты или ее нерасторопность способны иметь самые тяжелые последствия;

3) непосредственно управленческую. Данная функция применительно к теме настоящего исследования является определяющей для отнесения к политической элите, т. е. функциональным критерием, а также основанием для оценки деятельности политической элиты. Политическая элита, и в первую очередь правящая элита как ее ядро, осуществляет управление делами государства, т. е. вырабатывает, принимает, исполняет общегосударственные решения и участвует в контроле за их исполнением; эти решения являются обязательными для всех граждан конкретной страны и предполагают единообразное исполнение на всей территории государства.

По нашему мнению, единообразность принятия и применения управленческих решений, их ориентация на пользу населению являются главными конституирующими признаками управленческой функции политической элиты. От качества реализации управленческой функции в значительной степени зависит восприятие населением эффективности работы властных институтов и соответственно уровень доверия к ним, а также иные показатели, отражающие качество жизни
населения;

 $^{^1}$ Громыко Ал. А. Глобальный мир: риски и возможности // Современная Европа. 2018. № 1. С. 139

² Бабурин С. Н., Мунтян М. А., Урсул А. Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. С. 226.

4) организаторскую (организационную). Если управленческая функция в значительной степени основывается на нормативных предписаниях и силе государственного принуждения, то организаторская функция политической элиты предполагает ее способность добиваться реализации необходимых решений благодаря сбалансированному выстраиванию государственных механизмов, участвовать в созидательном развитии общества не только посредством запретов и ограничений, но и путем «позитивного конструирования», т. е. создания оптимальных моделей сотрудничества между индивидами, государством, обществом в целом и конкретными социальными группами. Кроме того, реализация данной функции предполагает наличие у политической элиты способности к самоорганизации, с тем чтобы избегать рисков фрагментации и оставаться консенсусной общественной группой. В известной степени данная функция включает в себя мобилизационную составляющую, т. е. способность политэлиты влиять на население таким образом, чтобы продвигать те или иные преобразования, «в зависимости от того, какие ожидания преобладают в массах»¹. Мы, однако, не считали бы верным сводить мобилизационный сегмент этой функции только к ожиданиям масс: сами элиты в рамках лидерской и других функций должны предлагать и продвигать свои идеи.

В этом контексте важной составляющей данной функции применительно как к «большим», так и к «малым» государствам является функция обеспечения безопасности (в различных смыслах) и обороноспособности. Актуальность данной функции возрастает в условиях перманентной региональной политической нестабильности. При этом мы исходим из того, что какой-либо сегмент политэлиты (военный, административный, экономический и др.) не должен превалировать в политической системе; необходимо поддержание баланса с учетом опыта прошлого (примером может быть мобилизация всех сегментов политэлиты во время Второй мировой²);

¹ Вельцель К. Рождение свободы / под ред. Э. Д. Понарина, О. А. Оберемко; пер. с англ. А. В. Лисовского. М.: АО «ВЦИОМ», 2017. С. 317.

 $^{^2}$ Левин Л. Г. Политические руководители как военные лидеры // Свободная мысль. 2014. № 3. С. 186.

- 5) прогностическую. Данная функция непосредственно взаимосвязана со стратегической, однако они не являются тождественными. Задача политической элиты суметь спрогнозировать развитие ситуации, с тем чтобы иметь возможность наиболее эффективно реагировать на потенциальные вызовы и угрозы. Кроме того, от качества реализации прогностической функции политической элитой напрямую зависит будущее государства, поскольку политэлита должна быть в состоянии спрогнозировать последствия тех или иных своих действий в разных ситуациях;
- 6) интеграционную (консолидирующую). Политическая элита должна способствовать консолидации общества, стремиться к снижению уровня внутренних противоречий и антагонистических разногласий между различными социальными группами. В рамках данной функции политическая элита должна выработать единую ценностную систему координат, которая способствовала бы консолидации общества и на основе которой политическая элита могла бы реализовывать другие свои функции. В то же время данная функция не должна использоваться для тотального подчинения интересам политической элиты всех сфер жизни общества, в противном случае это может быть чревато нарастанием антидемократических явлений, связанных с управлением «тотальностью», т. е. всеобщностью, мобилизационной целостностью страны¹:

7) лидерскую. Не будет преувеличением назвать данную функцию одной из основополагающих для политической элиты, поскольку именно лидерские качества, способность повести людей за собой — это и есть основное предназначение элиты. Лидерская функция политической элиты должна совмещать ответственность за принимаемые и реализуемые решения, в том числе непопулярные; способность быть примером в различных сферах социального бытия (и в данном случае вопрос о моральных качествах элиты будет иметь существенное значение); способность говорить на одном языке с различными социальными группами, не допуская при этом социальной демагогии, и т. д.;

¹ Колеров М. А. Тоталитаризм: русская программа для западной доктрины // Исследования по истории русской мысли [14]. Ежегодник за 2018 год. М.: Модест Колеров, 2018. С. 208.

8) модернизационную. Данная функция, по нашему мнению, тесно связана с лидерской функцией, однако в силу ее значимости в современных условиях представляется вполне обоснованным говорить о ее самостоятельном значении. С. Хантингтон, к примеру, выделяет три составляющие политической модернизации. Первая — рационализация авторитета, замена большого числа традиционных, родовых, этнических авторитетов единым светским национальным политическим авторитетом. Второй составляющей является распределение политического функционала в рамках элиты и создание особых структур для выполнения этих функций, причем данные структуры координируются сферой политики. Третья составляющая — обеспечение более массового участия в политике¹, что является одной из основ демократического государственного устройства.

В данном контексте модернизационная функция тесно связана с интеграционной. Основой взаимосвязи этих функций является признание политэлитой, как и властью в целом, что они сами «не могут быть единственными субъектами развития», а для общественно-политической модернизации «требуется возникновение в обществе критической массы носителей соответствующих практик»². Признавая необходимость и значимость вовлечения (интеграции) широких общественных групп в политические процессы, в рамках настоящей работы мы рассматриваем данный процесс как один из механизмов реализации функций политической элиты, однако считаем, что он должен изучаться в качестве предмета отдельного исследования.

Модернизационная функция должна реализовываться политэлитой, даже если на каком-то этапе она может вступить в противоречие с узкими (групповыми) интересами самой политэлиты, в первую очередь с ее стремлением к автономизации, самовоспроизводству и сохранению властных полномочий. Выполнение данной функции должно быть реальным, а не имитационным, т. е. политическая модернизация должна предполагать действительно вовлечение в политические

¹ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 52.

 $^{^2}$ Массовая политика: институциональные основания / под ред. С. В. Патрушева. М. : Политологическая энциклопедия, 2016. С. 33.

процессы широких общественных групп, а не разовые акции, демонстрирующие открытость политэлиты, но на деле направленные лишь на сохранение власти.

Широкое вовлечение масс в политическую деятельность (нередко именуемое как «эмпауэрмент»¹), но при сохранении научной и эмпирической ценности понятия «политическая элита», в полной мере соответствует базовым принципам постмодернистской эпохи, когда «происходит переход от крайних точек зрения к попыткам синтеза»², к восприятию их по возможности как взаимодополняющих. Постмодерн применительно к политическим процессам, по нашему мнению, может взаимно дополнить подходы плюралистов и неоэлитистов к теме политэлит. Существование политэлиты присуще разным типам общественно-политического устройства, но в современном демократическом обществе должны быть обеспечены равные условия для участия в управлении государством.

Более того, создание «равноправного общества на всех без исключения уровнях человеческой организации» нередко рассматривается как необходимое условие для устойчивого развития³. Парадигма устойчивого развития является принципиально важной для анализа функций политической элиты, поскольку, как обоснованно утверждается авторитетными учеными, устойчивое развитие — это идея и программа воплощения в жизнь «предпочитаемого будущего, выстраиваемого по новой шкале ценностей»⁴. Однако этот процесс не всегда может быть реализован как часть общего процесса эволюции социально-политической системы. Для его осуществления необходима политическая воля и политические механизмы. Справедливым считаем замечание о том, что попытки сведения концепции устойчивого развития исключительно к экологической проблематике не могут быть признаны обоснованными, поскольку данная концепция значительно шире и, по сути, представляет собой перечень задач для политической элиты, а игнори-

¹ См., напр.: Массовая политика: институциональные основания. С. 56.

² Ашин Г. К., Кравченко С. А., Лозаннский Э. Д. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. М.: Экзамен, 2001. С. 319.

³ Гизатуллин Х. Н., Троицкий В. А. Концепция устойчивого развития: новая социальноэкономическая парадигма // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 128.

⁴ Ильинский И. М. Образовательная революция. М. : Изд-во Моск. гуманит.-социальн. академии, 2002. С. 138.

рование политической составляющей устойчивого развития, включая роль политэлиты, снизит эффективность данной модели в целом;

9) функцию формирования системы политических ценностей (аксиологическую функцию). Как представляется, одной из ключевых функций политической элиты является формирование в обществе системы политических ценностей, среди которых на первые места должны выходить реальные традиции народовластия, верховенство права, уважение воли населения вне зависимости от высказанных подходов и др. Данная функция непосредственно связана с категориями политической этики и политической культуры.

Сложно не согласиться с утверждением о том, что «политические ценности – это объекты, идеи, явления и процессы политической жизни», при этом «политические ценности являются неотъемлемой составной частью политической культуры общества и отражаются в политическом сознании людей»¹. Признавая, что система политических ценностей складывается из социально-политических идеалов и целей, принципов и норм политической жизни, политических традиций и символов, образцов политического поведения, подчеркнем, что данная система не возникает спонтанно и именно политической элите принадлежит основная роль в ее формировании. Политическая элита должна активно участвовать в создании соответствующей системы политических ценностей у общества.

При этом крайне важной является способность политической элиты самой соблюдать ту систему политических ценностей, которая ею же пропагандируется. Иными словами, общество должно видеть, что предлагаемая система ценностей – это правило для всех, а не обоснование того, что для политэлиты может существовать одна система ценностей, а для общества (населения) – другая.

Категории аксиологической функции не следует рассматривать в отрыве от моральных факторов, которые необходимо также признать важными для восприятия обществом и предлагаемой системы политических ценностей и политической элиты в целом. Как отмечается в литературе, «пренебрежение моральными фак-

¹ Сліпець П. П. Політичні цінності: теорія і методологія пізнання та реалізації : монографія. К. : Знання України, 2009. С. 180.

торами или, хуже того, их игнорирование... ведет к легитимизации аморальности в политике»¹. Добавим: и к снижению легитимности политической элиты в восприятии населения, хотя мы и не склонны преувеличивать значение моральных категорий для деятельности политиков и политической элиты в особенности;

10) имиджевую. Данная функция предполагает, что политическая элита должна выстраивать соответствующим образом и свой собственный имидж, и имидж государства в целом. Имиджевая функция направлена на повышение авторитета государства, степени успешности внутри- и внешнеполитических решений элиты, инвестиционной и гуманитарной привлекательности. Выстраивание позитивного имиджа как «совокупного показателя авторитета государства» имеет особое значение в условиях современного информационного общества. Составляющими реализации имиджевой функции являются предсказуемость законодательства, возможность эффективной защиты прав физических и юридических лиц, инвестиционный климат, наличие стратегии развития, эффективная и транспарентная система внутренних коммуникаций. Данная работа должна осуществляться системно, на основе технологий «управления репутациями» 3.

В то же время для политической элиты крайне важно не считать формирование собственного политического имиджа самоцелью, не подменять имиджевой функцией необходимость реальной работы по повышению благосостояния населения и реализации других функций;

11) репрезентативную. Политическая элита выполняет функцию представления населения, является выразителем совокупного интереса жителей государства. Для реализации данной функции политэлита должна обладать внутренней и внешней легитимностью как политического, так и юридического характера, которая обеспечивается путем соблюдения необходимых организационно-правовых

¹ Облонский А. В. Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М. : Мысль, 2016. С. 154.

² Бянов Г. Приднестровье в современном политическом пространстве: некоторые аспекты формирования имиджа // Имидж государства и защита прав человека: реалии, проблемы, перспективы: материалы межд. науч.-практ. конф. Тирасполь, 2008. С. 48.

³ Кулик В. А. Через технологии управления репутациями к окончательному решению приднестровской проблемы // Имидж государства и защита прав человека: реалии, проблемы, перспективы: материалы межд. науч.-практ. конф. Тирасполь, 2008. С. 182.

процедур при осуществлении циркуляции элиты, участия населения в политическом процессе, доверием населения к политэлите и иными факторами.

Кроме того, мы пришли к выводу о том, что в контексте глобализационных процессов и концепции устойчивого развития особого внимания заслуживает функция ситуативного реагирования политической элиты на возникающие вызовы. Данная функция, как нам представляется, не получает пока должного отображения в научной литературе, хотя на современном этапе является одной из ведущих. Она не может быть сведена к перечисленным, хотя тесно взаимосвязана с прогностической, лидерской и управленческой функциями. Наиболее рельефно способность элиты реагировать на изменение ситуации проявляется в кризисных условиях, особенно тогда, когда нарастание кризисных явлений не зависит от политической элиты какого-либо государства и ее задача — минимизировать последствия кризиса, как это было с глобальным экономическим кризисом, начавшимся в 2008 г. Удачные действия элиты по решению этой задачи могут способствовать повышению ее авторитета , а также обеспечить социально-политическую стабильность и минимизацию внешнего негативного воздействия, которое особо проявляется в условиях глобализации.

К функции ситуативного реагирования относится и способность политической элиты учитывать позицию гражданского общества, в особенности проявления тех или иных форм недовольства, а также реагировать на внешнее давление, к примеру на санкции со стороны зарубежных государств и (или) финансовых институтов. Взаимные режимы санкций испытывают «пределы устойчивости современного мира»².

В случае с санкциями, как правило, именно политическая элита, а не государство в целом выступает их «адресатом»; в связи с этим политическая элита должна стремиться ограничить свою уязвимость перед возможными внешними

¹ Сковиков А. К. Власть и гражданское общество в современной России // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: матер. III Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. И. А. Ветренко. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. С. 112.

² Павловский Г. О. Система РФ. Источники российского стратегического поведения: метод G.F. Kennan. М.: Издательство «Европа», 2015. С. 73.

санкциями и не перекладывать собственные трудности на государство. В этом контексте актуально высказывание о том, что «политика санкций – это политика респрессивного перевоспитания», а в ее основе лежит «философская догма "стимул-реакция"»¹. Во многом от характера реагирования на санкции зависит и устойчивость политэлиты, и уровень ее восприятия населением.

Нередко наблюдается, однако, и стремление к применению более широкого спектра санкций, когда предпринимаются попытки нанести ущерб по системообразующим экономическим институтам²; в таком случае роль политической элиты также является чрезвычайно значимой в контексте минимизации негативного влияния санкций на благосостояние населения с точки зрения защиты прав граждан и сохранения их благополучия на приемлемом уровне.

Анализ приведенных базовых функций политических элит, по нашему мнению, имеет принципиальное значение для достижения цели настоящего исследования. От успеха реализации лидерской, консолидирующей, стратегической функций, функции ситуативного реагирования в значительной степени будет зависеть успех политэлиты, а значит, и государства в целом во внутри- и внешнеполитических процессах. Элита, выполняя лидерскую и стратегическую функции, должна становиться локомотивом общественно-политического развития.

Выполнение политической элитой своих функций обязательно должно сопровождаться рядом условий, в числе которых, как справедливо отмечается в элитологических исследованиях, «анализ интересов различных социальных групп, выработка политической идеологии, создание механизмов реализации политических устремлений»³, учет ожиданий населения и конкретных социальнополитических групп, тем более что политические ожидания граждан нередко имеют определяющее значение для смены элит⁴, и др.

¹ Павловский Г. О. Указ. соч. С. 74.

² См., напр.: Глущенко Ю. Н. Санкции США и ЕС как угроза экономической безопасности России // Военно-политические аспекты безопасности России в свете кризиса на Украине: сб. докл. / под ред. Г. Г. Тищенко, В. Е. Новикова. М.: РИСИ, 2015. С. 35–46.

³ Varzari P. Introducere în elitologie: Studiu. Chișinău: CE USM, 2003. P. 88.

⁴ Стоянов А. С. Общество ожиданий: введение в концептуальные основы теории. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. С. 28.

Следует также учитывать, что актуальность той или иной функции на конкретном политико-историческом этапе и в конкретном государстве не является заранее предопределенной данностью. В значительной степени актуальность какой-либо функции будет зависеть от вызовов, стоящих перед политэлитой и государством в целом на соответствующем этапе. Это касается не только функции ситуативного реагирования, к примеру в кризисных условиях, но и других функций.

Так, в условиях «олигархизации» власти и повышения влияния крупного бизнеса на политэлиту может возрастать значение функции непосредственного управления, когда политэлита должна находить разумный баланс между интересами бизнеса и социальными обязательствами перед населением, иными общегосударственными интересами. Естественно, что по мере усиления влияния олигархов и крупного бизнеса политэлите сложнее выполнять соответствующую функцию, в итоге возможна трансформация политической системы в так называемое «захваченное государство», тем более что «при правящей олигархии олигархи также играют непосредственную роль в защите своего богатства и управлении территорией и делают это, скорее, коллективно»¹.

В условиях такого вызова, как фрагментация политэлиты, на первые места могут выходить коммуникативная, консолидирующая, аксиологическая функции: любой политэлите присуще стремление к максимальной консолидации, однако при этом крайне важно, чтобы политэлита функционировала в рамках демократических механизмов, особенно доступности каналов рекрутирования, и той системы политических ценностей, которые она сама пропагандирует в обществе.

Аналогичным образом вызов размывания идентичности населения, с которым сталкиваются в условиях глобализма практически все государства, требует от политэлиты задействования консолидирующей и модернизационной функций. Кризис института национальных государств, на который обращают внимание многие авторы, может обусловливать «развоплощение» политических институтов, их трансформацию в «сумму взаимодействий», осуществляемых нелегитимным

 $^{^1}$ Цырдя Б., Чобану В. Олигархическая Молдова: 2-е изд., перераб. и доп. Кишинев : Нац. Ин-т Развития, 2014. С. 61, 86.

образом¹. Эти и иные факторы приводят к тому, что население многих государств сталкивается с проблемой сохранения старых и нахождения новых идентичностей². Как справедливо отмечается, политэлите в условиях данного вызова важно добиться сочетания технологий информационного общества с гуманистическими ценностями и не допустить негативных тенденций «технологической трансформации идентичности»³, а также обеспечить сохранение базовых параметров, на которых основывается идентичность населения.

Естественно, что и политическая элита должна сохранять свою идентичность, чтобы аксиологическая функция работала в полной мере. Реагирование на проблемы, связанные с идентичностью элиты, — это задача не только населения, но в первую очередь элитной политической страты. В противном случае может сложиться ситуация, когда попытки власти сохранить идентичность населения под угрозой внешнего воздействия не приведут к ожидаемым результатам⁴. Элита не должна забывать о собственной идентичности, о неразрывной связи с идентичностью населения как об одной из важнейших гарантий поддержания постоянного диалога между элитой и населением, обеспечения политической легитимности права элиты представлять народ. Полагаем, что взаимосвязь политэлиты и населения, политической элиты и соответствующей идентичности может составлять ядро репрезентативной функции элиты, т. е. задачи элиты по законному представлению интересов граждан.

Можно говорить и о задействовании других функций в отношении реагирования на иные вызовы. Так, проблематика научного отставания должна регулироваться не жестким контролем над научной элитой со стороны политической элиты, а реализацией политэлитой модернизационной функции, которая позволяла бы способствовать «повышению качества научной и преподавательской элиты», в

¹ Неклесса А. И. Сердце тьмы // Свободная мысль. 2015. № 3. С. 123.

² Гранин Ю. Д. Сохранятся ли «национальные государства» в XXI веке? // Свободная мысль. 2015. № 2. С. 67.

³ Емелин В. А. Идентичность в информационном обществе: монография. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. С. 125.

⁴ См., напр.: Павловский Г.О. Система РФ. Источники российского стратегического поведения: метод G.F. Kennan. М.: 2015. С. 139 (о «суверенной демократии»); Зыгарь М. Вся кремлевская рать: Краткая история современной России. М.: Интеллектуальная литература, 2016. С. 127.

свою очередь, научная элита «не должна вмешиваться в политику с апологетикой власти» ^{1} .

Приведенные нами примеры вызовов, которые могут возникать перед политической элитой, обществом и государством, равно как и функций, которые могут получать большую востребованность в той или иной ситуации, не являются исчерпывающими. Более подробно мы рассмотрим вопрос о вызовах, стоящих перед политической элитой, и способах реагирования на них во второй главе настоящей работы применительно к Приднестровью.

Подводя итог исследованию вопроса о понятии, структуре и функциях политической элиты, мы считаем возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, мы рассматриваем политическую элиту как ограниченный круг лиц, способных принимать, исполнять общегосударственные решения, контролировать их принятие и выполнение от имени всего государства и его населения согласно законодательству, влиять на выработку таких решений, а также нести ответственность за свои действия в рамках правовых норм и в соответствии с существующей политической системой. При этом вопрос о юридической ответственности политической элиты пока не получил адекватного отражения и практики применения, что нередко дает основания говорить о «неприкосновенном» статусе политэлиты. Более того, действия политической элиты зачастую определяются не юридическими нормами, а персональной лояльностью, политической целесообразностью, корпоративной солидарностью, что выводит политэлиту из-под прямого действия правовых предписаний.

Во-вторых, понятия «политическая элита», «правящий класс», «политический класс» являются взаимоувязанными, но не тождественными. Правящий класс шире политической элиты, так как включает в себя группы, непосредственно не занимающиеся политикой, но осуществляющие доминирование в других сферах. Политический класс включает в себя различные группы, на системной основе вовлеченные в политический процесс, в том числе оппозицию. Наиболее

 $^{^1}$ Кислицын С. А. Научная элита в системе политической власти. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Издательство ЛКИ, 2008. С. 252, 253.

приемлемо, по нашему мнению, использовать понятие политической элиты в широком смысле.

В-третьих, политическая элита в широком смысле структурно состоит из трех элементов: правящей политической элиты, а также двух политических подклассов, которые участвуют в политическом процессе. К первому политическому подклассу можно отнести «политических профессионалов», т. е. тех, кто непосредственно и системно вовлечен в разработку политических решений; ко второму – «политических любителей», влияющих на выработку различных решений или на общественное мнение благодаря своему авторитету или узнаваемости.

В-четвертых, политическая элита выполняет ряд функций, среди которых к основным относятся управленческая, стратегическая, лидерская, прогностическая, организационная, а также функция ситуативного реагирования и др. На основе конкретных функций может проводиться оценка качества и эффективности политической элиты; прежде всего это относится к управленческой функции. Значение той или иной функции может возрастать в зависимости от вызовов, возникающих как перед самой элитой, так и перед государством в целом.

В-пятых, процессы глобализации оказывают существенное влияние на все функции политической элиты, поскольку создают качественно новый контекст их реализации. Национально-государственным элитам приходится учитывать глобализацонные процессы в своей деятельности, в частности рост трансграничного общения населения, влияние транснациональных корпораций, потенциальную зависимость самих политических элит от возможных адресных действий в отношении них со стороны других государств или негосударственных акторов. Элита не должна действовать в отрыве от идентичности представляемого ею населения, в противном случае политическая легитимность элиты может быть поставлена под сомнение.

§ 2. Концептуальные направления в исследовании элит

Отношения власти и подчинения, неравенства были издревле предметом пристального внимания со стороны ученых, а также тех, кто реализовывал их на практике. Первые попытки сформулировать основные принципы взаимодействия управляющих и управляемых предпринимались Платоном, Аристотелем, Конфуцием и другими мыслителями античности. Особое внимание в их трудах уделялось качествам правящих личностей, которые должны определять поведение правителей и тем самым отличать их от других людей, а также формировать эффективную систему управления. Согласно воззрениям ученых ключевыми для правящей группы должны быть такие добродетели, как мудрость, справедливость и др.¹

Аристотель писал о предпочтительности того, чтобы «верховная власть находилась в руках большинства, нежели меньшинства, хотя бы состоящего из наилучших», ведь, объединившись, большинство может объединить добродетель и рассудительность каждого².

Н. Макиавелли уделял много внимания качествам правителей, подчеркивая, что государю нужно соединять лучшие качества. Но при этом государям не следует опасаться навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо «немало такого, что на первый взгляд выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность»³. Тем самым Макиавелли оставлял вопрос о следовании категориям морали на усмотрение самому государю.

Ряд идей, предвосхитивших современную элитологию, был сформулирован Ф. Ницше. В его философском наследии особое место занимает концепция «сверхлюдей», генерирующих своими усилиями все более совершенную культуру

¹ См., напр.: Буренко В. И., Меркулов В. В., Пеньковский Д. Д. и др. Власть и предпринимательство в контексте политической культуры российского общества. М.: Национальный институт бизнеса, 2003. С. 35.

² Аристотель. Соч. : в 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч.; общ ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1983. С. 462–463.

³ Макиавелли Н. Государь: Соч. М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2006. С. 93.

и отождествляемых некоторыми исследователями его творчества с политической элитой ^{1} .

Теория элит в современном понимании начинает складываться в начале XX в. и сегодня отличается многообразием подходов к исследованию феномена политических элит. За этот период был предложен целый ряд научных концепций и идей, которые мы считаем возможным объединить в рамках двух основополагающих уровней: институционального и субстантивного.

К институциональному уровню мы относим научную дискуссию в рамках различных теорий (концепций), направленных на исследование генезиса института политических элит, их развития, отношений «элита – масса», включая главные вопросы — существует ли политическая элита как отдельный институт и по какому критерию она может быть обособлена. К данному уровню, по нашему мнению, относятся классический и неоэлитарный, классовый (включая марксистский и неомарксистский), либеральный (плюралистический) подходы. Переходным способом исследования на институциональном уровне мы считаем номенклатурный подход, поскольку он носит в большей степени идеологизированный характер и направлен на исследование исключительно одного типа государственного устройства (тоталитаризма или авторитаризма), не претендуя на универсальность.

Каждый из указанных типов представлен соответствующими авторами и научными школами. Мы обозначаем лишь общие направления в данном уровне с пониманием уже упомянутого большого многообразия в отношении исследований, касающихся политических элит. Поскольку этот вопрос в целом основательно исследован в научном сообществе, мы не будем детально останавливаться на анализе составляющих его концепций и идей, раскроем лишь наиболее значимые, по нашему мнению, подходы.

На субстантивном уровне мы рассматриваем такие подходы к исследованию элит, которые в большей степени присущи современному этапу развития науки. По нашему мнению, к субстантивному уровню следует отнести дискуссию, каса-

 $^{^1}$ Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде / под ред. А. И. Демидова. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 15.

ющуюся ценностного (аксиологического) и структурно-функционального (десизионного) подходов, которая, мы полагаем, является весьма значимой как для
дальнейшего развития науки, так и для практического применения научного знания к политическим элитам. Именно субстантивному уровню в данной работе мы
уделяем большее внимание.

Согласно основам классической теории, представленной работами В. Парето, Г. Моска, Р. Михельса, все общества на протяжении истории включают в себя небольшую социально-политическую группу, которая правит, и большую массу остального населения, которой управляют. Такой же порядок присущ и тем государствам, где политическая власть строится на основе демократических принципов, поскольку по прошествии определенного времени в таком государстве также складывается элита, неподконтрольная массе. Р. Михельс на основе этого вывода формулирует собственный «железный закон олигархии», согласно которому любая демократическая организация по мере своего усложнения и развития начинает все сильнее отрываться от массы, оставляя последней все меньшую значимость в принятии решений¹.

Отношение к массам в классической теории элит вообще довольно пессимистичное: как правило, управляемому большинству отказывают в возможности самоорганизации, а правящее меньшинство, как отмечает Г. Моска, организовано именно потому, что оно меньшинство, а организованное большинство невозможно, потому что из него обязательно выделяются лидеры и элита². Согласно утверждению мыслителя индивиды, составляющие меньшинство, отличаются от массы рядом качеств, которые обеспечивают им превосходство (материальное, интел-

¹ Ошкин В. В. Взаимоотношения элиты и массы в творчестве Р. Михельса и Й. Шумпетера: методология исследования: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.01. Ульяновск : Ульяновский государственный университет, 2014. С. 23.

 $^{^2}$ Подробнее: Керимов А. Д., Нуриев Г. Х. О причинах властвования меньшинства в государственно-организованном социуме // Актуальные проблемы современного российского государствоведения: сб. научных трудов. Вып. 2 / под общ. ред. С.Н. Бабурина. М. : Изд-во РГТЭУ, 2009. С. 86–87.

лектуальное, иногда моральное), а равно могут являться наследниками носителей этих качеств ^{1} .

В дальнейшем идеи классической теории элит получили свое продолжение и развитие в трудах представителей неоэлитизма — Т. Дая, Х. Цайглера и др. Согласно основополагающим подходам неоэлитистов те же самые группы осуществляют политическую власть в обществе вне зависимости от периодических изменений, которые происходят во время выборов. Попадание представителей масс в элиту возможно только в случае занятия высокого иерархического поста и при условии принятия «правил игры», предлагаемых существующей элитой. Различие между элитой и массой базируется на том, что элите подконтрольны материальные ресурсы общества². В данном случае мы видим попытку неоэлитистов в определенной степени устранить противоречия между классической теорией элит и «историческим материализмом», согласно которому политической властью обладает исключительно «класс собственников», т. е. неработающее меньшинство³.

К неоэлитистскому подходу можно отнести, по нашему мнению, и взгляды Ф. Закарии, который с заметной ностальгией пишет о периоде, когда вплоть до 1960-х гг. лидирующие позиции в американском обществе занимали «белые англосаксы протестантского вероисповедания» («WASP-элиты»). Эти элиты, по словам ученого, хотя и не отличались «интеллектуализмом и академичностью», но тем не менее были носителем определенных идеалов – «честной игры, порядочности, свободы и протестантского понимания своей миссии, которые помогали им устанавливать нормы для всего общества». Нынешняя ситуация рассматривается Ф. Закарией как кризисная, поскольку снятие фильтров для участия в управленческой деятельности привело к снижению качества управления в целом, в особенности качества и эффективности правящих политических групп. Выход

 $^{^{1}}$ Моска Г. Правящий класс // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль XX в. М. : Мысль, 1997. С. 121.

² Ашин Г. К., Кравченко С. А., Лозанский Э. Д. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. М.: Экзамен, 2001. С. 288–291.

³ Лориа А. Социология. Ее задача, направления и новейшие успехи. Лекции, читанные в Падуанском университете с января по май 1900 г. / пер. с авторизованного и просмотренного автором немецкого перевода под ред. Ю. Д. Филиппова. СПб. : Издание Товарищества «Общественная польза», 1903. С. 82, 76.

из положения исследователь видит в укреплении элиты и признании ее лидирующей роли, т. е. в «делегированной демократии» и ограждении элиты от «чрезмерного давления демократии»¹.

В определенной степени к неоэлитизму близки, как мы считаем, и взгляды С. Хантингтона. По его мнению, в развитой политической системе автономию политических институтов защищают механизмы, ограничивающие и умеряющие воздействие новых групп. Сложность политической системы способствует ее автономии, поскольку существуют фильтры, через которые должны пройти те, кто стремится пробиться «в сердцевину». Такая политическая система инкорпорирует новые кадры, не жертвуя своей «институциональной целостностью»².

Появление классической теории элит в значительной мере стало своеобразным ответом на распространение социалистических идей, а сами элитаристские теории были направлены против различных течений социализма: марксизма, анархо-синдикализма и др.³ Несмотря на то что политика в марксизме всего лишь «надстройка», а определяющее значение имеет социально-экономический «базис», роль этого научного направления для политического знания нельзя недооценивать.

К. Маркс и Ф. Энгельс как основоположники данного направления в науке привнесли в мировую политологию глубокое обоснование классовой дифференциации общества, которое строится на фундаментальном анализе всей системы политико-экономических отношений. Согласно постулатам марксизма борьба между антагонистическими классами в той или иной социально-экономической формации выступает ключевым источником общественного развития. При этом господство одного класса (капиталистов) над другими детерминируется собственностью данного класса на средства производства и, как следствие, на обладание государственной властью, что позволяет подавлять любое выражение несо-

¹ Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2004. С. 258–261, 266–268.

² Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 40.

³ Радаев В. В. Теории элит как особое направление стратификационных исследований // Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 167.

гласия со стороны эксплуатируемых, т. е. политическая власть рассматривается как «асимметричное отношение», где один из субъектов имеет возможность воздействовать на другого, преодолевая его сопротивление 1. Согласно марксистскому подходу капитализм лишает представителей эксплуатируемых классов права на свободное развитие своих способностей и талантов; капитализм не просто отделяет труд рабочих от собственности, но и лишает их доступа ко всему богатству культуры, политики и т. п.². Классики этого направления апеллируют прежде всего к «борьбе масс» как единственному средству, способному добиться «серьезных улучшений в жизни рабочих и в укреплении государством». Не отвергая парламентских мер борьбы, В. Ленин считает их «вторичными» и проводит аналогии между русскими либералами, «буржуазными демократами» во Франции, для которых «важнее получить депутатское местечко», и русскими социалистами, для которых «важнее всего агитация в массах», при этом именно партийность, партийная работа создает необходимые условия для развития «политического сознания масс»³. Таким образом, партия должна становится авангардом в приведении «масс» к власти.

В работах неомарксистов, одним из наиболее ярких представителей которых является А. Грамши, большое внимание уделяется не только непрерывной классовой борьбе, но и роли отдельных социально-политических групп в этих процессах. В любой «надстройке» присутствуют интеллектуалы, выступающие «знаменосцами», осуществляющие идеологическое, моральное и иное обеспечение власти («гегемонии»), выполняющие другие политические и экономические функции⁴.

¹ См. подробнее: Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С. 28.

² Межуев В. М. Ленинская теория культурной революции как модернизационный проект для России // Высшее образование для XXI века : X Международная научная конференция. Москва, 14-16 ноября 2013: Доклады и материалы. Секция 1. Философия образования / отв. ред. А. Э. Воскобойников, А. К. Сковиков. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. С. 54.

³ Ленин В. И. Сочинения в 45 томах : Издание четвертое. Том 16. М. : ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 283, 11, 46 и др.

⁴ Gramschi A. Intelectuali, literature și viața naționala. Scrieri alese. București : Editura Univers, 1983. P. 69.

Еще один видный представитель неомарксистов, Э. О. Райт, продолжая традиции данного научного направления, обращал внимание на то, что «общества неравенства и несправедливости никогда не могут рассчитывать на спокойствие». Одной из центральных идей в его рассуждениях были существенные изменения в общественно-политической структуре со времен исследований Маркса и Энгельса, образование новых социально-политических страт, среди которых важное место он отводил среднему классу, получившему существенные возможности для влияния на политическую и экономическую ситуацию. Ведущую роль в построении новых политических систем Э. Райт отводил людям с «острым социальным зрением»¹.

Российские социал-демократы начала XX в. развивали идеи марксизма. В частности, они утверждали, что класс - понятие социально-экономическое, которое связано не с правами или обязанностями, установленными законом, а с экономическим положением в обществе. Соответственно наличие формально равных прав не дает оснований для попадания в господствующий класс, в руках которого «сосредоточены все богатства, средства производства» и который, «ничего не создавая, присваивает себе продукты труда эксплуатируемых рабочих»². При этом, с их точки зрения, у экономически господствующего класса появляется «желание закрепить свое господство навсегда», в связи с чем этот класс «при помощи государственной власти охраняет свои преимущества законами, запрещает доступ к себе разбогатевшим выходцам из других классов, т. е. превращает господствующий класс в аристократию»³. Однако уничтожение сословий, формальное предоставление равных прав гражданам лишь снимает препятствия для классовой борьбы. По нашему мнению, подход российских социал-демократов начала XX в. мог бы весьма четко характеризовать стремление политической элиты (или в данной трактовке аристократии) к закрытости и самовоспроизводству, но абсолютизация классов как социально-экономической категории, детерминирующей все

¹ Черныш М.Ф. Памяти Э.О. Райта // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 168.

 $^{^2}$ Горев Б. И. Сословие, класс, партия. Петроград : Издательство «Рабочая библиотека» Организ. Комит. Р.С.-Д.Р.П., 1917. С. 5.

³ Там же. С. 8.

общественно-политические процессы, не позволяет считать данный подход объективным.

О классовом подходе говорили и другие зарубежные авторы, которые при этом не являлись сторонниками марксизма. К примеру, в работе французского авторского коллектива во главе с П. Бирнбаумом используется в качестве основного понятия термин «правящий класс», который в известной степени рассматривается как система взаимосвязей между «высокопоставленными чиновниками, руководителями армии, и деловых кругов (промышленности и банков)». При этом исследователи подвергают острой критике «элитаристский» подход, поскольку «предметом его являются только обладатели политико-административной, военной и экономической власти, а не лучшие представители общества в целом» 1. Как нам представляется, авторы все же не отвечают на вопрос о принципиальных различиях в двух подходах, а выдвигаемая критика «элитаристских» подходов в целом не противоречит определению правящего класса.

В качестве своеобразного противовеса как классической теории элит, так и социалистическому подходу начала формироваться классическая плюралистическая теория. Основные ее положения были заложены еще в XIX в. (Дж. Кэлхаун, А. Токвиль и др.), но окончательное оформление эта теория получила в XX в. в трудах Д. Трумена, Р. Даля, А. Бентли. Согласно данному подходу плюралистическая модель «умиротворяет социальные антагонизмы, направляя их в русло демократического политического процесса», а общегосударственные решения принимаются как результат сбалансированности влияния различных групп².

В научном мире отмечается, что образ этой теории, популяризируемой в СМИ, весьма импонирует большинству западных политиков, так как ее положения выглядят «заманчиво либеральными, деидеологизированными, бесклассовыми, а сам плюрализм становится чуть ли не синонимом демократии»³. В США с

 $^{^{1}}$ Бирнбаум П., Барук Ш. и др. Французский правящий класс: перевод с французского. Общая редакция и послесловие Бунина И.М. М. : Прогресс, 1981. С. 14–16.

² Павроз А. В. Теория политического плюрализма и процесс формирования государственной политики // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 2. С. 133.

³ См. подробнее: Ашин Г. К., Кравченко С. А., Лозанский Э. Д. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. С. 288–291.

учетом преобладания плюралистического подхода на начальном этапе общественно-политических исследований присутствовала тенденция фокусировать внимание политологов на структурах политического управления, а не на власти как таковой, т. е. на деятельности формальных структур государственного управления без учета функционирования групп, влияющих на принятие решений¹.

В плюралистической модели политика представляет собой сложный механизм взаимодействия различных групп интересов; возможности внутриполитической конкуренции остаются открытыми, при этом ни один субъект не обладает исключительными правами на власть. Таким образом, господствующий класс или правящая элита отсутствует, а политический процесс проходит в формате взаимодействия различных акторов, в том числе коалиций, между которыми рассредоточена власть. Сильное государство допускается, но лишь для целей выполнения функций нейтрального арбитра между конкурирующими группами. Сила государства, помимо прочего, обеспечивается за счет отделения экономической власти от политической, введения всеобщего избирательного права с возможностью всем гражданам участвовать во внутриполитической конкуренции и пр. При этом государство также не должно превращаться в самостоятельную господствующую силу².

Тем не менее современный плюралистический (либеральный) подход не исключает возможности возникновения острых социально-политических катаклизмов, особенно, как это ни парадоксально, в общественно-политических системах, где либеральные идеи имеют мощную социальную базу. Эти явления предлагается называть «черными лебедями», а их ключевыми свойствами — считать их аномальность, т. е. отсутствие четких предпосылок, огромную силу воздействия и необходимость давать им объяснения постфактум³.

 $^{^1}$ Ледяев В. Г. Эмпирические исследования власти на начальных этапах развития политической социологии в США // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. ст. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М. : 2011. С. 61-62.

² См. подробнее: Ледяев В. Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 66-67.

³ Денильханов А. А. «Черные лебеди» нового либерализма // Проблемы постсоветского пространства. 2019. Т. 6, № 3. С. 299.

Интересной может считаться трансформация взглядов известного исследователя Г. Лассуэлла. На ранних этапах своих исследований он исходит из классического элитарного подхода, отмечая, что это «более влиятельные по сравнению с массами группы», причем «элитарные группы существуют в любом обществе, в том числе демократическом». В дальнейшем, однако, он отходит от элитарного понимания политического процесса, подчеркивая ведущую роль в распределении ценностей не столько элитарных групп, сколько общественного мнения, рассматриваемого им в качестве важного показателя «демократического управления и легитимности в обществе»¹.

Специфичным является творческое наследие Ч. Р. Миллса, которому удалось превратить «теорию элит в инструмент в рамках направления классового анализа»². Миллс попытался соединить роль политической элиты и классовую теорию и предположил, что понятие правящего класса изначально неверное, так как является тупиковой комбинацией двух уровней анализа: «правящий» (т. е. политический) и «класс» (т. е. экономический). Иными словами, он признавал обоснованность классового деления, но в качестве реального субъекта, осуществляющего политическую власть, обозначал элиту. Сам Миллс предпочитал термин «властвующая элита», в который включал лиц, занимающих такие позиции, которые позволяют принимать наиболее значимые по своим последствиям решения. То обстоятельство, принимают они или не принимают такие решения, является менее значимым, чем то, что они занимают такие позиции: их неспособность действовать, неспособность принимать такие решения само по себе является действием гораздо более важным, чем те решения, которые они принимают³. По нашему мнению, имеется в виду не просто функциональный способ исследования политических элит, а с выраженной позиционной составляющей применительно к их представителям, т. е. первичны занимаемые формальные позиции.

¹ См. подробнее: Федосеев А.А. Современная американская буржуазная политология: истоки, традиции, новации. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. С. 79-80.

² Niels Matheve. Power and impotence. Elites versus democracy in scholarly theories. Politicologenetmaal 2010. Leuven, 27-28 May 2010 P. 9. University KU Leuven. URL: https://soc.kuleuven.be/web/files/11/72/W02-32.pdf
³ Ibid.

Заслуга Ч. Миллса, пусть и косвенная, состоит в том, что благодаря ему в отечественной литературе впервые в научный оборот входит понятие «элита», хотя и, по образному выражению Г. К. Ашина, через «черный ход», т. е. благодаря публикации его переведенной на русский язык работы с дозволенной «сверху» критикой¹.

Следует также выделить переходные формы исследования политических элит, которые, по нашему мнению, более детерминированы конкретными истори-ко-политическими событиями, нежели наукой, и посвящены изучению элит в авторитарных и тоталитарных государствах, таких как Советский Союз и другие страны бывшего социалистического лагеря на разных этапах своего развития. Формально представители данного подхода основывают собственные идеи именно на классовом устройстве общества, обособляя господствующий класс в тех государствах, где в соответствии с принятой идеологией эксплуататорских классов не было вообще. При этом «промежуточность» подхода состоит в том, что его представители исследуют только конкретный тип государственно-политического устройства (тоталитарный или авторитарный), не претендуя на универсальность охвата.

В частности, М. Восленский выделяет особый класс – правящий, или управляющий, класс советского общества, отождествляемый им с советской номенклатурой². Такое отождествление в значительной степени предопределило развитие политической науки в различных государствах. М. Джилас, в свою очередь, использовал термин «новый класс» применительно к лицам, осуществляющим государственно-управленческие функции в социалистических государствах³ (в наименовании, по нашему мнению, есть историко-политическая отсылка к английскому «новому дворянству» – "New Nobility", которое в противовес прежней политической элите смогло «встроиться» в новые рыночные отношения).

 $^{^{1}}$ Ашин Г. К. Элитология как российская инновация // Каспийский регион : политика, экономика, культура. 2011. № 1 (26) С. 164.

² Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Захаров, 2005. С. 110.

³ Джилас М. Лицо тоталитаризма. Электронная библиотека ModernLib.Ru. URL: http://modernlib.ru/books/dzhilas_milovan/lico_totalitarizma/read

Между тем использование термина «класс» в работах М. Джиласа и В. Восленского отнюдь не означает, что оба являются сторонниками марксистского классового подхода к обществу¹. «Класс» в работах данных авторов – это, на наш взгляд, их попытка обратить внимание на «антагонистический», по их мнению, характер социалистического общества, стремление доказать, что и оно является по своей природе классовым, а значит, в соответствии с марксистской философией и эксплуататорским. Тем самым указанные авторы пытаются опровергнуть бытовавший в советское время тезис об отсутствии в советском обществе антагонистических классов.

То обстоятельство, что в работах Восленского и Джиласа делается акцент прежде всего на идеологическое, а не на политологическое или социально-экономическое содержание понятия «правящий класс», фактически придает ему негативный оттенок, поэтому, по нашему мнению, и сегодня затрудняет более широкое нейтральное использование данного термина в науке. По сути, правящий класс для них — это их синоним того строя, который был для них неприемлемым по идеологическим соображениям.

Вместе с тем идеи М. Восленского и М. Джиласа, с нашей точки зрения, достаточно убедительно подтверждают мнение о том, что социально-политические теории зависят от состояния общества, в котором они производятся (возникают), и здесь важно учитывать базовые институты, структуры, конфликты и пр., а содержание такого анализа неразрывно связано с его «метафизическими и идеологическими основаниями»².

Что касается субстантивного уровня в подходах к исследованию политической элиты, то, по нашему мнению, ключевым выступает вопрос о том, кто же является политической элитой. Вокруг данной проблемы ведутся активные дискуссии как в отечественной, так и в зарубежной политической науке, что вполне за-

¹ Хотя Восленский неизменно использует именно аргументацию сторонников классового деления общества, он постоянно подчеркивает, что это деление, как и классовая борьба, были открыты задолго до К. Маркса (См.: Восленский М. Указ. соч. С. 13).

² Дука А. В. Концептуальные основания анализа властных элит // Управленческое консультирование. 2011. № 1. С. 49.

кономерно, поскольку без единообразных критериев для тех, кого считать представителями политической элиты, будет весьма затруднительно применять имеющееся знание на практике.

Спектр научных и иных подходов к исследованию данной проблемы достаточно широк.

В самом общем виде эти подходы можно определить как нормативные и структурно-функциональные¹.

Как отмечается, классический вариант нормативной модели исходит из критериев, «выражаемых понятиями "позитивный", "нравственный", "безупречный" и т. п.»². Высокие моральные качества, способность действовать в интересах народа, а не в своих собственных, являются в рамках данного подхода необходимым качеством для представителей политической элиты. По мнению приверженцев рассматриваемого подхода, коль скоро речь идет об элите, то оценочные характеристики, в первую очередь наилучшие результаты в деятельности, должны обязательно учитываться³. К нормативной модели можно отнести и утверждение о том, что «политикой должны заниматься... люди, чувствующие в себе душевные силы для открытого общения с гражданами»⁴.

Сторонники такого подхода исходят из того, что не могут считаться элитой лживые, коррумпированные, безжалостные люди. Как следствие, нередко ставится под сомнение сам факт существования политических элит во многих странах постсоветского пространства⁵. Высказывается мнение, что «миру нужна новая

¹ См. подробнее: Ледяев В. Г. Кого относить к элите? Размышления по поводу статьи Т. Койчуева «Элита постсоциалистического общества: кого к ней относить?» (Общество и экономика. 2007. № 5-6. С. 3-13) // Общество и экономика. 2008. № 3-4. С. 121-130.

² Мохов В. П. Об определении понятия «элита» // Общество и экономика. 2008. № 3-4. С. 130.

³ Буренко В. И., Шумилов А. В. Политический класс современной России в контексте инструментального подхода // PolitBook. 2012. № 4. С. 12.

⁴ Чернышов А. Г. Власть и общество: в поисках элиты // PRO NUNC: Современные политические процессы. Вып. 8 Политические элиты в условиях электорального формата трансформации власти. С. 78.

⁵ Наумкина С. М. Влияние политической элиты на стабилизационные процессы в обществе // Приднестровская государственность в контексте современного международного опыта федерализма: Научн. изд. Тирасполь: ЦСПИ «Перспектива», 2003. С. 37–38.

элита, задача которой — формирование нового ценностного кодекса эпохи, альтернативного кодексам прогресса» ^{1} .

Приверженцы структурно-функциональной модели говорят об исключительной важности управленческой функции, в первую очередь права принимать стратегические решения и (или) влиять на их принятие, что и предопределяет в этой логике эксклюзивность роли тех субъектов, которые реализуют данные задачи, причем выполнение этих функций осуществляется меньшинством². Как правило, структурно-функциональный подход непосредственно связан с замещением данными лицами формальных должностей в органах государственной власти, поскольку пребывание на соответствующих должностях в государственном аппарате обеспечивает правомочность принятия и легитимность решений.

Подходы к определению политической элиты через призму ее состава и функций не исчерпываются рассмотренными (в науке также говорится о позиционном, ценностном, альтиметрическом; выделяются «институциональный, стратификационный и функциональный» и другие типы анализа политической элиты³), но в данном случае именно нормативный и структурно-функциональный подходы в их чистом виде наиболее рельефно отражают противоположные направления. Кроме того, нередко различные подходы синонимичны базовым (ценностный – нормативному, альтиметрический или десизионный – функциональному и т. п.).

Ключевым различием в данных подходах является вопрос о том, достаточно ли для инкорпорации конкретных субъектов в политэлиту лишь формального (функционального) критерия или же требуется дополнение его рядом моральнонравственных характеристик.

В своей оценке того, кого включать в состав политической элиты с позиций функционального или ценностного подхода, мы солидаризируемся с позицией В.

¹ Панарин А. С. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой // Наш современник. 2001. № 11. С. 77.

 $^{^{2}}$ Ашин Г. К. Понятие «элита» и его роль в политических исследованиях // Философские науки. 2005. № 7. С. 28.

 $^{^{3}}$ Дука А. В. О подходах к анализу властных элит // Управленческое консультирование. 2012. № 3. С. 49.

Ледяева, О. Гаман-Голутвиной, Г. Ашина и других авторов, которые с известными оговорками ведут речь о приоритетности структурно-функционального подхода, считая его общепринятым в политической науке¹ или наиболее широко используемым в политологических исследованиях (в качестве синонима структурно-функциональному подходу предлагается считать десизионный, т. е. основанный на праве принимать решения)².

В то же время мы считаем заслуживающим внимания утверждение В. И. Буренко о том, что функционального подхода явно недостаточно, тем более в контексте тех вызовов, с которыми сталкиваются государства в современных условиях, поскольку он оставляет «в тени» вопрос, являющийся основным для определения политических элит, качества и эффективности их решений³. Именно поэтому В. Буренко обоснованно предлагает говорить об «институциональном измерении» политической элиты, считая нужным использовать возможности современной науки в деле «оценки результатов функционирования правящего класса той или иной страны»⁴. А. Дука также отмечает недостаточность функционального подхода, обращая внимание на его статичность, «сухость»⁵, не позволяющую использовать его для комплексного исследования проблемы.

Нормативные (качественные) характеристики политэлиты, мало исследуемые при функциональном подходе, должны использоваться при ее эмпирическом изучении, а также могут применяться для оценки эффективности элиты и решения вопроса об ответственности ее представителей.

По сути, ценностный (нормативный) подход благодаря привнесению эмпирического компонента может стать основой при выработке критериев эффективности политической элиты.

¹ Ледяев В. Г. Кого относить к элите? // Общество и экономика. 2008. № 3-4. С. 127.

² Гаман-Голутвина О. В. Российские элиты как предмет научного анализа // Общество и экономика. 2008. № 3-4. С. 176.

³ Буренко В. И., Шумилов А. В. Политический класс современной России в контексте инструментального подхода // PolitBook. 2012. № 4. С. 11-12.

⁴ Буренко В. И. Институциональное измерение политической элиты // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 6. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/6/Burenko/

⁵ Дука А. В. Концептуальные основания анализа властных элит. С. 51.

Таким образом, структурно-функциональный подход не отрицает целого ряда нефункциональных критериев, таких как соответствие принятым в обществе ценностным ориентирам, идеологическая подготовка, стремление к отстаиванию национальных интересов и др. В то же время, по нашему мнению, данные критерии касаются оценки качества политической элиты, ее способности эффективно выполнять свои функции, но вряд ли они влияют на фактическую принадлежность лица к политэлите.

В настоящей работе мы исходим из структурно-функционального понимания политической элиты как верхней страты политического класса, но при этом считаем, что данный подход должен включать в себя критерии качества и эффективности политической элиты, выработанные на основе нормативного подхода с учетом институционального инструментария.

Подводя итог рассмотрению вопроса о концептуальных подходах к исследованию политических элит, мы считаем возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, в политической науке можно выделить два базовых уровня в изучении политических элит: институциональный и субстантивный. В зависимости от конкретных целей исследования могут применяться различные подходы, при этом в современных условиях основные дискуссии ведутся в рамках субстантивного подхода. Вместе с тем сочетание данных подходов позволяет провести более глубокий анализ генезиса элиты, ее текущего состояния и эффективности выполнения ею своих функций.

Во-вторых, институциональный уровень охватывает различные теории, связанные с реализацией взаимодействия между управляющим меньшинством и управляемым большинством, а ключевой выступает проблематика политической элиты как самостоятельного политического института. Классические теории элит, как и концепции неоэлитизма, исходят из существования политической элиты как отдельного института, в то время как концепции марксизма и политического плюрализма не поддерживают тезис об институциональной самостоятельности и обособленности политэлиты. Теоретические подходы к исследованию элит, прежде всего классические теории, дают методологическую основу для исследо-

вания взаимодействия политической элиты с населением, в первую очередь каналов рекрутирования и других параметров функционирования политэлиты.

В-третьих, в институциональном уровне может быть обособлен промежуточный уровень — номенклатурный подход. Данная система взглядов в большей степени идеологизирована, чем другие подходы, и не претендует на универсальность охвата политических элит, ограничиваясь лишь исследованием указанного феномена применительно к конкретному типу государственного устройства (тоталитарному или авторитарному).

В-четвертых, главным предметом дискуссии в рамках субстантивного уровня служит вопрос о том, какие направления исследований являются преобладающими — ценностные (нормативные) или структурно-функциональные, причем дискуссия на данном уровне представляется более актуальной для современной науки. Наиболее востребован структурно-функциональный подход, согласно которому определяющими критериями для включения тех или иных лиц в состав политической элиты являются их место в общественно-политической иерархии и способность принимать общегосударственные решения и (или) влиять на их принятие.

В-пятых, структурно-функциональный подход, обладая наиболее выраженным, «осязаемым» характером, не является в полной мере достаточным для анализа политической элиты. Параметры, предлагаемые нормативным (ценностным) подходом, должны стать эмпирической базой для определения критериев качества и эффективности политической элиты.

§ 3. Основные механизмы формирования и методы оценки эффективности политических элит

Демократический характер государственного устройства предполагает провозглашение равных прав граждан на непосредственное участие в управлении страной и в связи с этим является важной формально-юридической гарантией взаимосвязи общества и государства.

Однако правовые гарантии вовлечения населения в политические процессы не всегда предполагают равный доступ граждан к соответствующим возможностям. Это делает актуальным вопрос о соотношении понятий демократии и элитарности, их совместимости.

С одной стороны, следует в целом согласиться с мнением о том, что элитарность базируется «на разделении управленческого и исполнительского труда, проистекает из равенства прав» и не противоречит демократическим принципам. С другой стороны, такой подход не учитывает особенностей общественно-политического развития в конкретных государствах, а также вряд ли может быть реализован на практике в условиях отсутствия демократических принципов и традиций, которые позволяли бы населению реализовывать свои права и при этом иметь в государстве функциональную, эффективную политическую элиту.

Вполне логичным в связи с этим выглядит утверждение о том, что демократия характеризуется не отсутствием элиты как отдельной страты, а иными способами формирования элиты, новыми принципами самовосприятия и «новым самосознанием элиты»². Наличие или отсутствие демократии связано не с существованием политической элиты, а с ее открытым, демократическим характером, способностью к трансформации и наличием фактической и юридической легитимно-

¹ Загородникова А. Н. Демократии и элиты в России и мире в XXI веке: сравнительный анализ (развернутые тезисы) // Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия: сб. ст. / под ред. Я. А. Пляйса. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 57.

² Цыплакова Е. П. Роль элит в процессе политических трансформаций на постсоветском пространстве (на примере России и Украины): дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.02. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2011. С. 28.

сти, т. е. права представлять население, а также с эффективностью функционирования политической элиты.

Совокупность таких элементов, как формат и характер рекрутирования политической элиты, ее способность к оперативному и адекватному реагированию на те или иные вызовы, распределение политических ролей и функций, создает механизм формирования политической элиты. Анализ данного механизма является значимым параметром, который дает возможность оценить готовность и умение политэлиты выполнять стоящие перед ней задачи. Мы согласны с мнением о том, что способ пополнения элиты демонстрирует, насколько реально обновление кадров для политэлиты¹ и каковы критерии (требования) для прохождения в состав политической элиты. Распределение политических ролей, также осуществляемое в рамках механизма формирования политической элиты, направлено на четкое разграничение функций внутри политэлиты и их эффективное выполнение.

Механизмы элитогенеза различны; они зависят от характера общественнополитического строя. Однако вопрос о способе рекрутирования политэлиты является одним из определяющих для формирования эффективной элиты.

Как справедливо указывается некоторыми исследователями, «в отличие от других видов профессий, вхождение индивида в политическую элиту есть наделение индивида первичным политическим капиталом»². Соответственно индивид в зависимости от своих способностей сам распоряжается собственным политическим капиталом, накапливая его и достигая успехов или оставаясь рядовым чиновником. Этот процесс отличает рекрутирование политической элиты от иных типов карьеры, но при этом может сопоставляться с вхождением в другие элитные группы (к примеру, стартовый капитал для бизнес-элиты).

Применительно к теме настоящего исследования мы считаем синонимичными термины «рекрутирование» и «политическая циркуляция» в части вовлечения в процессы обновления элит представителей других социально-политических групп населения, которое, однако, носит управляемый характер и не приводит к

¹ Буренко В. И., Титова О. Н. Эффективность политической элиты и качество жизни населения // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6.

 $^{^{2}}$ Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М. : Захаров, 2005. С. 102.

смене политической системы в целом или типа властной элиты (в отличие от «социальной циркуляции») ^{1} .

Госаппарат, органы местного самоуправления, политические партии и общественные движения, бизнес, образование являются важнейшими каналами рекрутирования политической элиты. Эти каналы различаются по разным параметрам, включая значимость; высока степень их зависимости от традиций в конкретном обществе, уровня его политической культуры, а также от исторического этапа его развития.

В устойчивых политических системах вовлечение новых лиц в политэлиту институционализировано, т. е. реализуется в рамках утвержденных процедур, в результате чего персональный состав элиты с той или иной периодичностью обновляется, а сама политическая система в значительной степени остается неизменной. Как правило, основными способами формирования политической элиты являются назначения, за счет которых пополняются бюрократические иерархии, а также выборы, с помощью которых происходит делегирование властных полномочий индивидам или группам лиц, т.е. осуществляется непрямая, или косвенная, демократия.

Некоторые исследователи вычленяют две модели рекрутирования в современных государствах — гильдийную и антрепренерскую². Для модели гильдий характерна важная роль образования, высокий уровень регламентации, постепенный путь по иерархической лестнице, тенденция элиты к самовоспроизводству и повторению характерных особенностей действующей политэлиты. Антрепренерская модель рекрутирования основывается на том, что лицам для попадания в элиту необходимо содействие не только внутри управленческой системы, но и вне этой системы, а организационные нормы в меньшей степени тормозят эти процессы. Посредством системы гильдий обычно формируется бюрократическая иерархия,

¹ См. подробнее: Мохов В. П. Циркуляция элит: проблема критериев процесса // Власть и элиты / Гл. ред. А. В. Дука. СПб. : Интерсоцис, 2014. С. 17.

² Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность: монография. М. : МГИМО-Университет, 2010. С. 514; Багдасарян Х. А. Механизмы формирования политической элиты // Проблемы социально-политической теории и практики в современном мире: сб. науч. ст. / Под ред. В. А. Крючкова. М. : ИДК, 2014. С. 60.

государственный аппарат, в то время как на основе антрепренерской системы во власть чаще приходят «политические назначенцы», выборные лица.

Безусловно, эти системы взаимно дополняют друг друга и не существуют в чистом виде. К примеру, формирование представительных органов власти по партийным спискам снижает актуальность антрепренерской системы и способствует более закрытому характеру избрания парламентариев. Напротив, переход индивида из бизнеса на ту или иную должность в бюрократическом аппарате (и наоборот) делает гильдийную систему менее востребованной, требуя от соответствующего индивида опоры не только на коллег по «бюрократическому цеху».

Тем не менее доминирование гильдийной системы может приводить к сужению бассейна для рекрутирования политэлиты, нарастанию процессов ее автономизации от остального населения и в конечном итоге к деградации демократических институтов. В свою очередь, усиление авторитарных тенденций может обусловить переход уже не к гильдийной / антрепренерской системе рекрутирования, а к номенклатурному механизму ее формирования.

Как отмечается, к примеру, П. И. Филимоновым, современные проявления номенклатурной системы отличаются от тех, которые существовали в советские времена. Ключевым отличием современной номенклатурной системы выступает понятие номенклатурной собственности, которая является коллективной собственностью чиновничества, отчужденной от государства. Этот тип собственности создает спецсреду обитания; поставляет средства, необходимые для удержания власти; итогом является «аномальное сочетание номенклатуры и рынка»¹. Обособление номенклатурной системы формирования элиты дает основания говорить о делении способов рекрутирования на демократичные и авторитарные². Вместе с тем, по нашему мнению, такое деление не лишено определенных недостатков, поскольку в значительной мере носит оценочный, а не объективный ха-

¹ Филимонов П. И. и др. О национальной безопасности и пути державного возрождения России. М.: Стольный град, 2000. С. 55.

² Сидаков А. М. Динамика развития и рекрутирования российской политической элиты // Вестник Адыгейского гос. университета. Сер. 1 : Регионоведение : Философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 4. С. 144.

рактер (к примеру, как будет показано ниже, формально демократичные способы рекрутирования элиты не всегда ведут к формированию действительно демократических институтов). Поэтому применяются иные способы классификации.

Так, существует способ классификации типов рекрутирования политэлиты на открытый и закрытый. Следует согласиться с Г. Ашиным, который исходит из того, что типологизация рекрутирования элит по основанию открытость — закрытость представляется более правильной, чем по основанию демократизм — авторитаризм¹. Действительно, ряд примеров подтверждают условность деления способов формирования элит на демократичные и авторитарные. Например, в некоторых государствах могут декларироваться демократические принципы построения госаппарата, но при этом контроль власти над выборами бывает доведен до совершенства, а отклонения от намеченных результатов составляют доли процента. Таким образом, формально все решения принимаются демократичным путем, но на деле выборы лишь закрепляют уже принятые на более высоких уровнях кадровые решения. Поэтому, рассуждая о демократичных и авторитарных способах рекрутирования, пришлось бы делать существенную поправку на фактическое соответствие реализуемых механизмов формально-правовым установлениям.

Градация рекрутирования элит на открытую и закрытую системы носит весьма широкий характер. Открытый тип формирования основывается на отборе, предполагающем конкурентный подход, при котором решающим фактором являются личные качества, персональное образование и иные характеристики претендента, а не заслуги его родителей или социальное происхождение. Если же превалирует продвижение на элитные должности по принципу «свой – чужой», т. е. в зависимости от социального происхождения, личной преданности, то это означает закрытый тип формирования элиты.

Следует также учитывать наличие вспомогательных механизмов, которые способствуют открытости политической элиты, но при этом содержат ряд фильтров, препятствующих попаданию в политэлиту лиц с недостаточным уровнем образования, опыта, иных профессиональных и личных качеств. Речь идет о таких

¹ Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность. М., 2010. С. 514.

механизмах, как «кадровые резервы» для органов власти, «молодежные парламенты», общественные советы при госорганах. Эти и другие механизмы позволяют на ранних этапах определять наиболее способных граждан, рекрутировать в политэлиту молодежь и т. п.

Однако и применительно к данной типологизации способов рекрутирования политических элит вряд ли можно говорить о существовании абсолютно закрытых моделей, а равно моделей, где вертикальная мобильность была бы абсолютно свободной. К примеру, даже открытые модели предполагают своеобразные институциональные фильтры, которые позволяют производить первичный отбор для последующего рекрутирования в элиту или облегчают доступ в элитные страты. Наиболее широко распространенным механизмом такого первичного рекрутирования может считаться образовательная сфера: практически в любом государстве есть вузы, учеба в которых считается одним из важнейших признаков политэлиты (так, для Билла Клинтона учеба в весьма востребованных американской политэлитой университетах — Джорджтаунском и Йелльской школе права стала естественным продолжением его «стремления стать политиком»¹, а дополнительным фактором послужило его членство в студенческих братствах). Более того, на различных исторических этапах в формально демократических странах использовались такие каналы, которые сейчас воспринимались бы как преступные².

И абсолютная открытость, и абсолютная закрытость делали бы общество бесструктурным и вели бы его к полной деградации.

Как представляется, можно говорить и о латентных формах открытости и закрытости в формировании политэлиты. К примеру, преобладание в политической элите выходцев из конкретного региона или представителей конкретной профессии формально не препятствует рекрутированию в элиту представителям других территорий / специальностей. Однако на практике такая видимая открытость не-

¹ Ch.F. Allen, Jon. Portis. Puștiul care revine. Viata și cariera lui Bill Clinton. București : Editura Venus, 1993. P. 38.

² См., напр.: Иванов Р. Ф., Лисневский Э. В. Ку-клукс-клан. М.: Наука, 1981. С. 57. В работе приводится статистика относительно высших должностных лиц США, получивших свои посты благодаря поддержке исследуемой расистской организации.

редко камуфлирует стремление политэлиты к закрытости, формированию элитных групп на основе землячеств и корпоративной принадлежности.

По мнению А. В. Дуки, открытость / закрытость политической элиты может считаться значимым показателем (критерием) ее качества. Соответственно ограничение перспектив для инкорпорации в политэлиту представителей иных социально-политических страт может рассматриваться как фактор, отрицательно сказывающийся на качестве политэлиты¹.

Соглашаясь с данным тезисом, отметим, что проблема определения параметров эффективности и качества функционирования политической элиты является одной из самых значимых и одновременно сложных для исследования. Данная проблематика изучается в трудах С. Н. Бухарина и С. Ю. Малкова, Д. С. Смирнова, О. Н. Титовой, В. И. Буренко и др. 2 Некоторые аспекты эффективности элиты в кризисных условиях изучаются в работах общественных деятелей и представителей высшего сегмента политической элиты 3. Эти трудности связаны с тем, что в политическом механизме отсутствует единый (универсальный) критерий оценки, в отличие от бизнеса, где таковым является прибыль. Результаты выполнения политэлитой своих функций не всегда или с трудом поддаются точным измерениям; попытки объективной оценки деятельности политической элиты сопряжены с большим количеством измерений в различных сферах (политической, социально-экономической, нормативной и т. п.) 4.

¹ Дука А. В. Стабилизация в условиях неопределенности: институционализация региональных элит // PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 7. Субъектное поле политики. Элита. Номенклатура. Бюрократия / редкол. : О.В. Гаман-Голутвина (пред.), В.Ф. Пеньков, Д.Г. Сельцер. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. С. 95.

² См., напр.: Бухарин С.Н., Малков С.Ю. Эволюция элиты (материалы и исследования). М. : Академический проект; Гаудеамус, 2014. С. 95-128; Смирнов Д.С. Ценностные ориентации политической элиты как фактор ее эффективности // Власть. 2007. № 2. С. 18-20; Титова О.Н. Политическая элита на современном этапе развития России: особенности и динамика развития // Власть и гражданское общество в эпоху глобальной информатизации: материалы международной научной конференции / отв. ред. В.А. Назаров. М. : Институт деловой карьеры, 2015. С. 83–85; Буренко В.И. Политический класс современной России в контексте инструментального подхода // Право и политика. 2013. № 4. С. 469-472.

³ Хинштейн А., Мединский В. Кризис. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. С. 171-233.

⁴ Гаман-Голутвина О. В. Система государственного управления РФ как инструмент антикризисной политики: оценка эффективности // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. ст. / М.: РОССПЭН, 2011. С. 226.

Несмотря на приведенные и иные сложности, считаем, что определение параметров и критериев эффективности и качества функционирования политэлиты, их систематизация чрезвычайно важны для обеспечения позитивного воздействия на принятие и выполнение элитой общегосударственных политических решений, а также для возможности применения к политэлите в целом и отдельным ее представителям мер ответственности.

Мы согласны с мнением о том, что качество является более общим понятием, чем эффективность политической элиты: эффективность рассматривается скорее как один из критериев качества¹. Однако для целей настоящего исследования мы будем понимать данные термины как синонимы, оговаривая при необходимости различия между ними.

В связи с этим было бы неправильным сводить критерии качества и эффективности политической элиты исключительно к механизмам рекрутирования ее членов. В научном сообществе и в различных практических исследованиях (моделях) предлагается большое количество приемов и способов оценить качество и эффективность элит на основе различных моделей.

Следует, однако, учитывать, что критерии оценки качества и эффективности политической элиты не носят интегрированного характера, а имеют отношение к конкретным функциям политической элиты. Преимущественно имеется в виду управленческая функция, являющаяся одной из базовых для политэлиты, качество которой оценивается через систему критериев эффективности государственного управления в различных сегментах.

Свои критерии оценки состояния государственного управления в конкретных странах предлагают авторитетные международные организации. Так, организация Freedom House считает ключевыми для оценки состояния демократического управления внутри государства следующие сферы:

- 1. Ответственность и «голос общественности»:
- свободные и справедливые избирательные законы и выборы;
- эффективное и ответственное правительство;

_

¹ Там же. С. 224.

- вовлеченность гражданского общества и мониторинг с его стороны;
- независимость СМИ и свобода высказываний.
  - 2. Гражданские свободы:
- защита от государственного террора, несправедливого заключения под стражу, пыток;
- гендерное равенство;
- права этнических, религиозных и иных групп;
- свобода совести и вероисповедания;
- свобода ассоциаций и собраний.
  - 3. Верховенство права:
- независимая судебная система;
- приоритет права в гражданских и уголовных делах;
- ответственность служб безопасности и военных перед гражданскими властями;
- защита прав собственности.
  - 4. Борьба с коррупцией и транспарентность:
- защита от коррупции;
- антикоррупционное законодательство;
- защита граждан против коррупции;
- транспарентность правительства.

Каждый из пунктов раскрывается через подвопросы, которые более подробно объясняют суть и значение каждого направления. К примеру, сегмент независимости судебной системы раскрывается через вопросы о том, существует ли независимость, внепартийность, недискриминация в судебной системе, включая свободу от экономического, политического или религиозного влияния; защищены ли судьи от вмешательства исполнительных или законодательных органов; следуют ли законодательные, исполнительные и иные органы власти судебным решениям, которые не вправе изменять; происходит ли назначение, продвижение и отставка судей справедливым и непредвзятым способом; осуществляется ли должная под-

готовка судей для вынесения ими справедливых и непредвзятых решений¹. Исходя из данной методологии Freedom House определяет рейтинги государств (от 1 до 7).

- В. Буренко указывает на то, что в исследованиях Всемирного банка качество государственного управления оценивается по шести направлениям, таким как:
- 1. Учет мнения населения и подотчетность государственных органов, включая возможность свободного выбора органов власти, проявления политического плюрализма, свободы слова и т. д.
- 2. Политическая стабильность и отсутствие насилия, в том числе степень вероятности насильственного антиконституционного свержения существующей власти и др.
- 3. Эффективность работы правительства, включая соответствие государственных услуг предъявляемым требованиям и ожиданиям населения, последовательность в осуществлении политических деклараций, независимость госслужащих и т. д.
- 4. Качество законодательства, включая оценку способности исполнительных и законодательных органов формулировать государственные задачи, в первую очередь на уровне нормативно-правовых актов, и имплементировать правовые установления и т. д.
- 5. Верховенство закона, включая оценку различными субъектами степени обязательности установленных норм, эффективности судебной системы, право-охранительных органов, уровня преступности и др.
- 6. Борьба с коррупцией, включая анализ возможностей использования государственной власти в корыстных целях, поддержание баланса между интересами государства и частного бизнеса и т. д.²

¹ См. подробнее: Countries at the crossroads: an analysis of democratic governance / J. Dizard, Ch. Walker, V. Tucker (editors). Freedom House, 2012. PP. 748-756.

 $^{^2}$ См.: Буренко В. И. Институциональное измерение политической элиты // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 6. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/6/Burenko/

Очевидно, что такого рода исследования носят трудоемкий и весьма затратный характер и могут осуществляться только на системной основе, посредством долгосрочного наблюдения и масштабного охвата респондентов. Вместе с тем приходится констатировать, что оценки организаций, подобных Freedom House, нередко используются в политических целях, для воздействия на политическую элиту того или иного государства.

Следует подчеркнуть, что при оценке качества и эффективности государственного управления как функции политэлиты особое внимание уделяется транспарентности расходования бюджетных средств. Заслуживает внимания мнение о том, что максимально непосредственное и быстрое превращение экономического ресурса в политический ресурс — это «азы» властвования любого государственного института, однако элита «стремится компенсировать обществу его ресурсные потери» для сохранения общественно-политической стабильности.

Транспарентность и результативность расходования бюджетных средств напрямую рассматривается как составляющая критерия эффективности государственного управления наряду с надежностью и предсказуемостью (правовые рамки), открытостью и подконтрольностью, ответственностью². Мониторинг бюджетной сферы предлагается осуществлять на основе следующих индикаторов:

- общего количества направленных в органы государственной и местной власти запросов на предоставление информации;
- количества полных ответов, отказов, повторных обращений по отношению к общему количеству запросов;
- количества обращений в прокуратуру, в суд;
- качества ответов на запросы, достоверности полученной информации;
- количества и содержательности публикаций в СМИ. Перечень количественных индикаторов может быть также дополнен показателями успешности

¹ Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде / Под ред. проф. А. И. Демидова. М. : ОЛ-МА-ПРЕСС, 2005. С. 289.

² Public Administration in EU Eastern Partners : Comparative Report, 2013 // Estonian Center of Eastern Partnership. 2013. November. № 14. PP. 6 and on.

мониторинга бюджетной сферы, которые включают степень информированности населения о результатах мониторинга¹.

Непременным условием достоверности такого мониторинга является возможность свободного доступа исследователей к соответствующей информации, которая должна выступать основой для исследований. Обязательность предоставления такой информации или ее публичного обнародования может фиксироваться национальным законодательством о транспарентности бюджетного процесса или же договоренностями между органами публичного управления и организациями, осуществляющими мониторинг. Без достаточной информации оценки результативности расходования бюджетных средств, необходимые для анализа качества реализации управленческой функции политической элиты, будут носить умозрительный характер. Сама элита при этом избегает публичности в вопросах, связанных с распределением бюджетных средств, и поэтому стремится ограничить доступ к подобной информации (как правило, такая информация переводится в разряд «для служебного пользования»).

Недостаточность информации по конкретным параметрам бюджетного процесса может компенсироваться путем сопоставления дефицита государственного бюджета за тот или иной период — данная информация, как правило, всегда присутствует в открытом доступе. Такое сравнение может способствовать оценке эффективности политической элиты, однако оно в полной мере не может быть признано объективным критерием, поскольку не учитывает таких факторов, как внешнее воздействие, включая различные санкции, трансграничные и глобальные экономические кризисы. Иными словами, бюджетные показатели не могут быть единственным критерием эффективности политэлиты.

Приведенные нами модели оценки качества и эффективности государственного управления предполагают наличие постоянного доступа к большому объему эмпирического материала, статистических данных, отчетных финансовых доку-

¹ См., напр.: Ханас В. Громадський моніторинг відкритості органів місцевої влади в сфері місцевих бюджетів. Тернопіль : Лібра Терра, 2010. С. 23.

ментов и т. д., которые должны подвергаться систематическому анализу на протяжении длительного времени.

В контексте настоящего исследования особый интерес представляют показатели и индексы, которые могут быть рассчитаны исходя из эмпирического материала, находящегося в открытом доступе, и при этом позволяют оценить качество и эффективность политэлиты. Соответствующие методы, по нашему мнению, являются субсидиарными и органичным образом дополняют собственно политологические методы исследования, открывают новые возможности для изучения политической элиты в контексте ее институционального измерения. Кроме того, такие субсидиарные методы исследования позволяют преодолеть некоторые иные препятствия, связанные с недостаточностью или закрытым характером информации о деятельности политической элиты, поскольку на основе математических исследований дают возможность выявить общие закономерности и показатели.

Отметим, что абсолютизация количественных показателей некоторыми авторами рассматривается как «попытка абсолютизации ценностей и управленческих практик, сложившихся в частных корпорациях, и стремлением распространить их на все общество»¹. Как отмечается выше, мы также исходим из того, что количественные показатели являются дополнительным фактором, однако они могут дать наглядное представление о работе политэлиты.

Согласно литературе количественные результаты исследований, востребованных в политологии для изучения государственно-политических процессов, могут использоваться в качестве массива эмпирических данных для более детального исследования параметров государства и политической системы «посредством сопоставительно-институционального анализа»².

Количественные результаты соответствующих исследований представлены преимущественно в виде рейтингов нормированных значений систематизирован-

¹ Галеев К. Бюрократия против Запада. Почему обществом нельзя управлять как корпорацией // Новая газета. 2017. 27 марта.

² Гаспарян О. Т., Камалова Р. У., Кочешкова Е. А. и др. Индексы развития государств мира : справочник / под ред. Ю .А. Нисневича; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 8.

ных показателей или индексов (индексов политических прав, человеческого развития, качества государственного управления и т. д.).

К примеру, такой показатель, как индекс человеческого развития (ИЧР), или индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), нередко рассматривается руководством государств в качестве инструмента оценки эффективности работы элиты в сравнении с деятельностью властей соседних стран¹. Исходная идея исследования заключается в том, что уровень общественного развития (являющегося в конечном итоге базовым показателем качества политической элиты) следует оценивать не только по национальному доходу, как это долго практиковалось, но и по достижениям в сфере образования и здравоохранения, которые поддаются измерениям в большинстве стран.

В концепции ИЧР главенствует развитие человека посредством таких компонентов, как долголетие, знание (образованность), достойный уровень жизни (доходы). По сути, в ИЧР проявляется эффективность реализации сразу нескольких составляющих ряда базовых функций любой политической элиты — стратегической и управленческой: как политэлита обеспечивает достойный уровень жизни своим гражданам в сферах образования, здравоохранения и др.

Величина ИРЧП рассчитывается на основе трех базовых показателей: ожидаемой продолжительности жизни, уровня образования, реального душевого валового внутреннего продукта.

ИРЧП, равный 1, будет иметь страна, в которой средняя продолжительность жизни равна 85 годам, ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности) составляет 40 тыс. долл. США, в которой 100% взрослого населения являются грамотными, а все, кто достиг соответствующего возраста, посещают начальную или среднюю школу либо учатся в высшем или среднем специальном учебном заведении.

ИРЧП, равный 0, будет иметь страна, в которой средняя продолжительность жизни равна 25 годам, ВВП на душу населения (по паритету покупательной спо-

¹ См., напр.: Индекс человеческого развития // Вестник Приднестровского республиканского банка. 2012. № 12. С. 21 и далее.

собности) составляет 100 долл. США, в которой 100% взрослого населения неграмотны и никто не получает никакого образования. Каждый показатель (индекс) рассчитывается по формулам вида:

$$I = \frac{D_{\Phi} - D_{\min}}{D_{\max} - D_{\min}},$$

где I — индекс данного вида;

 D_{ϕ} – фактическое значение показателя;

 $D_{\min}$ – значение показателя, принятое как минимальное;

 $D_{\max}$ – значение показателя, принятое как максимальное.

ИЧР имеет, безусловно, некоторые недостатки, так как основан преимущественно на средних показателях, которые не всегда позволяют сформировать представление об асимметричности распределения национальных благ и нередко скрывают реальный масштаб диспропорций в том или ином государстве. Однако в целом он является достаточно эффективным показателем, поскольку дает возможность увидеть различия между уровнем развития человеческого потенциала при схожих показателях в уровне дохода на душу населения.

Усредненность ИЧР может быть дополнена другими индексами. К примеру, децильный коэффициент (коэффициент фондов) характеризует степень имущественной дифференциации населения и соотношение среднего уровня доходов 10% самых бедных 1. Отмечается, что обычно этот коэффициент выше расчетных данных, поскольку в расчетах невозможно учесть скрытые гражданами доходы, а их подавляющая доля именно в группах с высокими доходами. По заключению ведущих международных организаций, в том числе ООН, децильный коэффициент не должен превышать 8–10, иначе ситуация в демократической стране может привести к росту социальной напряженности.

Для настоящего исследования децильный коэффициент представляется востребованным, поскольку позволяет оценить качество работы политической элиты

¹ Литвинов В. А. Концентрация и дифференциация денежных доходов по группам населения РФ // Экономический журнал ВШЭ. 1999. № 2. С. 231.

по сохранению социально-политической стабильности, а также сделать вывод о том, насколько проявляется степень автономизации политической элиты от остального населения.

Децильный коэффициент определяется по формуле

$$K_{f_{10}}=\frac{\overline{x}_{10}}{\overline{x}_1},$$

где $\bar{x}_1$ и $\bar{x}_{10}$ — значения средних уровней денежных доходов в 1-й и 10-й децильных группах соответственно.

Еще одним важным критерием качества и эффективности политэлиты является уровень доверия со стороны населения, определяемый, как правило, опросами общественного мнения. Следует согласиться с тем, что доверие становится необходимой предпосылкой жизнеспособности политической системы, главным образом в ситуации, когда политическая элита в условиях демократии — это объект особого внимания всего общества 1. Доверие в данном концепте определяется как совокупность обоснованных и подтвержденных ожиданий в отношении профессиональной деятельности госслужащих, которая, в свою очередь, составляет основу деятельности политэлиты по реализации управленческой функции. Справедливым также считаем тезис о том, что доверие — это часть духовной сферы, но в политическом плане в нем «присутствует значительный элемент прагматизма» 2.

Общественное мнение в современном демократическом обществе, особенно в условиях глобализации и роста значения соцсетей, резко усиливающих коммуникационные способности населения, выступает реальным и динамичным явлением, на основе которого, помимо прочего, можно и нужно выяснять вопрос о доверии политэлите. Как отмечено признанными классиками в этой сфере, «истинность общественного мнения относительна и зависит от результатов... Для него ценен вклад каждого индивидуума в политическую жизнь. В этом смысле обще-

¹ См., напр.: Мерсиянова И. В., Якимец В. Н., Пахомова Е. И. Доверие граждан к деятельности государственных служащих // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 99 и далее.

 $^{^2}$ Громыко Ал. А. О насущном: Европа и современный мир. М. ; СПб. : Нестор-история, 2017. С. 94.

ственное мнение — пульс демократии»¹, тем более что демократия как форма правления не может сводиться только к регулярной реализации гражданами своих избирательных прав. Установление уровня доверия политэлите посредством опросов общественного мнения может рассматриваться как оперативный функциональный канал обратной связи между гражданами и политэлитой.

На значимость и рост востребованности исследований общественного мнения обращалось внимание «первопроходцами» в изучении этого феномена в отечественной науке. Подчеркивалось особая роль общественного мнения для «преобразования политической, экономической и т. п. организации общества», благодаря росту значимости общественного мнения фиксировалось изменение не только «содержательной стороны механизма... управления, но и форм и методов этого управления»². Естественно, в условиях СССР было трудно ставить вопросы о доверии органам власти, однако нельзя не отрицать того факта, что системное внимание к проблематике общественного мнения позволило создать наработки и эмпирические возможности для того, чтобы с демократизацией общественнополитической жизни перейти к системному изучению этих феноменов.

В настоящее время наиболее широко применяются «одномерные» индексы доверия. Так, в 2008 г. Левада-центр создал обновленную методику расчета индекса социальных настроений, в соответствии с которой стали учитываться оценки уровня доверия населения к базовым властным институтам. По нашему мнению, полученные на основе этих индексов результаты дают представление о преобладающих оценках политической элиты в общественном мнении.

Индекс доверия ^{TI} рассчитывается как сумма процентной доли «полностью доверяющих» ^{T} плюс половина от «не вполне доверяющих» $^{\tilde{T}}$ минус доля «не доверяющих» ^{NT} плюс 100:

$$TI = T + \frac{\tilde{T}}{2} - NT + 100$$

² Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений. М.: Праксис, 2011. С. 127.

-

¹ Гэллап Дж., Рэй С.Ф. Пульс демократии. Как работают опросы общественного мнения / под ред. Н. Попова, А. Кулешовой; пер. с англ. В. Силаевой. М.: ВЦИОМ, 2017. С. 37.

Таким образом, и совокупный индекс доверия населения, и его составляющие изменяются в интервале от +100 (абсолютное доверие) до -100 (абсолютное недоверие). При этом значения индекса более 0 свидетельствуют о преобладании в общественном мнении «положительных», а значения индекса менее 0 — «отрицательных» оценок государственных органов¹.

Следует, однако, признать, что доверие в значительной степени субъективная категория, которая отражает отношение населения к политической элите в конкретных политико-экономических условиях.

В то же время заслуживает внимания точка зрения, согласно которой иногда «недоверие становится движущей силой развития, в то время как доверие, особенно в патерналистской ипостаси, может консервировать неблагополучное положение»².

Важную роль в оценке качества и эффективности политических элит при выполнении ими своих функций в различных областях могут сыграть экспертные опросы, в которых респондентами выступают представители всех групп и подклассов, входящих в политэлиту в широком смысле. В значительной степени на основе таких экспертных оценок строятся рейтинги влиятельности представителей политической элиты. Вопросы экспертам, как правило, могут задаваться самые различные, а деятельность представителей элиты оценивается по различным показателям (оценки общественного мнения, наличие массовых протестов, уровень публичности, переход на новые должности в системе госаппарата, назначение тех или иных лиц ответственными за «значимые направления», приближение электоральных циклов и т.д.)³.

Существуют и другие критерии для оценки качества и эффективности выполнения политической элитой своих функций. К примеру, на законодательном уровне в отдельных государствах предпринимаются попытки зафиксировать вза-

¹ Мерсиянова И. В. и др. Доверие граждан к деятельности государственных служащих // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 100.

² Облонский А. В. Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М., 2016. С. 104.

³ Орлов Д. 100 ведущих политиков России в июне 2019 года // Независимая газета. 2019. 1 июля.

имосвязь между качеством выполнения теми или иными представителями государственного аппарата (основой политической элиты) и уровнем оплаты их труда.

По нашему мнению, критерии качества и эффективности политической элиты, включая возможности рекрутирования и иные, отражают непосредственную взаимосвязь властных механизмов в рамках функционирования политической элиты и ее ответственности за выполнение функций. Критерии качества (эффективности) элиты являются основой как для оценки ее функционирования, так и для решения вопроса о ее ответственности в тех или иных формах.

Наиболее значимой в рассматриваемом нами контексте является политическая ответственность, т. е. исключение (экскорпорация) субъекта из состава элиты или понижение его статуса. Как правило, политическая ответственность реализуется через электоральные процедуры (в отношении высших представителей политической элиты), а также в административном порядке, к примеру в связи с «утратой доверия» со стороны вышестоящего руководства. Кроме того, политическая ответственность проявляется и в вотумах недоверия тем или иным институтам, что может приводить к прекращению их функционирования, естественно, в установленном законом порядке.

Механизмы политической ответственности заложены в политической системе, в рамках взаимодействия между различными акторами политической системы и системы «сдержек и противовесов»: к примеру, посредством институтов парламентского контроля, возможности отстранения высших должностных лиц парламентом или же права роспуска парламента у главы государства в установленных случаях. Так, в начале XX в. в качестве «первоисточника» политической ответственности исполнительной власти перед законодательной было право применения парламентом вето в отношении бюджета, что, в свою очередь, в значительной степени обеспечивало бы независимость судебной системы¹. При этом отмечалось, что «политическая ответственность министров при парламентском режиме сводится к предупредительной форме»².

¹ Симагин Н. Ответственность министров. М.: Издание В. М. Саблина, 1906. С. 5.

² Симагин Н. Указ. соч. С. 15.

Разумеется, сейчас типы и виды политической ответственности для политэлиты более разнообразны; но нельзя не согласиться с тем, что применительно к данной форме ответственности именно ее «предупредительный» характер попрежнему имеет весьма существенное значение и проявляется в различных институциональных фильтрах (согласования, собеседования и т.п.), которые должен пройти кандидат для вхождения в состав политэлиты.

Ключевым является неукоснительное следование законодательству при реализации всех механизмов ответственности политэлиты.

Примечательно, что в политической элите иногда встречается мнение о том, что высшие представители власти, особенно избранные непосредственно населением, не несут ответственности перед другими акторами политической системы¹. Как представляется, в действительно демократической системе все институциональные формы деятельности политэлиты несут взаимную ответственность, пусть иногда она и имеет формальный характер, как встречается в президентских республиках.

Нельзя также исключать применения и других форм ответственности, в первую очередь связанных с коррупционными проявлениями. Речь идет о юридической (уголовной) ответственности. Конкретные виды и типы правовой ответственности закрепляются в соответствующих нормативных актах, причем санкции за должностные преступления (совершенные с использованием должностного положения) выше, чем ответственность за аналогичные деяния лиц, не занимающих должностей в государственном аппарате. Кроме того, возможно применение мер гражданско-правовой ответственности, связанных с возмещением нанесенного государству или иным пострадавшим субъектам ущерба.

¹ См., напр.: Могаги R. Traian Băsescu la "Nașul", ре Calea Victoriei. Висигеști : Editura Sophia-Press, 2008. Р. 241. Т. Бэсеску, занимавший в 2004 – 2014 гг. пост Президента Румынии, пытался обосновать то, что он, как высшее должностное лицо, несет политическую ответственность только перед народом, а не перед парламентариями, которые, «будучи избраны по партийным спискам, подчиняются лидеру партии, а не избирателям». Такой подход подтверждается румынским законодательством и практикой его применения: г-ну Бэсеску удалось дважды избежать импичмента, утвержденного парламентом, благодаря всенародным референдумам, в ходе которых импичмент не получил одобрения требуемого числа избирателей.

Представляется также оправданным говорить и о такой форме ответственности политической элиты, как моральная ответственность. Формами ее проявления могут быть публичные процессы над представителями политэлиты, обвиняемыми в коррупционных и иных преступлениях, а также готовность членов политической элиты к добровольной экскорпорации, т. е. отставке, в случае обнародования информации о каких-либо действиях, хотя и не подпадающих под уголовное законодательство, но вызывающих осуждение в обществе, о неудовлетворительных результатах управленческой деятельности в подведомственной сфере и т. п. Приходится констатировать, что вопрос о моральной ответственности политэлиты, в первую очередь о готовности к добровольной отставке, пока мало востребован самими элитами.

Мы согласны с тем, что отсутствие объективных критериев качества политической элиты может порождать безответственный стиль деятельности политэлиты, включая возможность ограничения демократии¹. Указанные критерии качества и эффективности могут применяться для оценки выполнения политэлитой конкретных функций на комплексной основе, хотя, безусловно, спектр таких критериев не исчерпывается приведенными выше.

Подытоживая рассмотрение различных моделей оценки качества и эффективности политэлиты, считаем целесообразным классифицировать соответствующие критерии на следующие основные группы:

1) непосредственно политические критерии (формат циркуляции элиты, открытость данного процесса, способность сформулировать объединяющую идею и предпринять эффективные меры для ее реализации, уважение общепризнанных и нормативно закрепленных политических прав и свобод, суверенитет элит; свобода СМИ и независимость судебной власти, сменяемость представителей политической элиты; наличие стратегического плана развития страны и др.). К этой же группе критериев мы считаем возможным отнести и уровень доверия населения и

¹ Ракитянский Н. М. Психологические особенности взаимодействия элиты и общества в процессе политического реформирования // Психология восприятия власти / Под ред. Е. Б. Шестопал (Серия «Научные доклады», Выпуск 1). М. : Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2002. С. 71.

разного рода рейтинги политиков. Хотя существуют формулы для их вычисления, эти показатели носят в большей степени субъективный характер, поскольку основываются на индивидуальных оценках респондентов или экспертов. В некоторой степени всю эту группу критериев, названную нами собственно политическими, можно считать в значительной степени субъективной;

- 2) математические, т. е. составленные на основе различных индексов / рейтингов (соотношение благосостояния различных социальных групп, индекс развития человеческого потенциала, эффективность расходования бюджетных средств, динамика ВВП и т. д.). Эти показатели можно считать более объективными, поскольку в их основе лежат не субъективные оценки, а нормированные данные, что, впрочем, не исключает применения различных методик подсчета для получения более приемлемого результата;
- 3) нормативные и организационные (установление в законодательстве критериев эффективности, используемых, помимо прочего, для исчисления зарплат управленческого аппарата; показатели стажа, уровня образования, опыта профильной работы, уровня благосостояния в подведомственной сфере / территории; доступность информации о материальном положении представителей политэлиты; возможность контроля гражданского общества и предоставление институтам гражданского общества законодательно подтвержденных прав в этой сфере, транспарентность бюджетного процесса, регулярность институциональных изменений, количество принятых и отклоненных регуляторных актов по субъектам законодательной инициативы и т.д.). Отдельного внимания в рамках данной группы критериев заслуживают исполнимость, а также обоснованность и своевременность принимаемых политической элитой решений (к примеру, сроки и всесторонность трансформации политических решений в распорядительные и нормативные и др.);

¹ Гаман-Голутвина О. В., Сморгунов Л. В., Соловьев А.И. и др. Эффективность государственного управления в Российской Федерации в 2008 году. С. 14 // Институт общественного проектирования. URL: www.inop.ru/files/Chapter2.pdf

4) иные (уровень культуры и образования политической элиты, регулярность выступлений в СМИ, инициативность и проактивность в принятии решений политэлитой, соответствие пропагандируемым ценностям и пр.).

Таким образом, в результате изучения вопроса о рекрутировании политических элит, а также о критериях их качества (эффективности) мы считаем возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, отличительным признаком развитой политической системы является сбалансированность вопроса о моделях рекрутирования политических элит. С одной стороны, открытая модель предполагает возможность свободного доступа в политическую элиту для представителей разных общественных групп. С другой стороны, политическая система любого государства нуждается в механизмах, которые ограничивали бы приход к власти политических популистов и, напротив, способствовали бы приходу на элитные позиции профессиональных, подготовленных кадров.

Во-вторых, важным является наличие действенных социально-политических «лифтов», которые обеспечивали бы циркуляцию политической элиты. К числу таких механизмов можно отнести как прямые (т. е. занятие формальных должностей в ходе выборов или по результатам назначений), так и вспомогательные механизмы («кадровые резервы», «молодежные парламенты» и т. п.), которые позволяли бы готовить кадры для инкорпорации в элиту.

В-третьих, существует ряд критериев, которые могут использоваться для оценки качества и эффективности политической элиты в различных сегментах. Объективная оценка политэлиты необходима, хотя и затруднена ее спецификой (отсутствие четкого единого критерия, большое число оценочных, субъективных показателей и др.). Критерии качества политэлиты обеспечивают функционирование различных политических механизмов, в первую очередь ответственности политической элиты. При этом возрастает значение субсидиарных методов оценки качества и эффективности политической элиты, которые позволяют дополнить классические методы политологического исследования различными индикаторами и показателями, имеющими рассчитываемый объективный характер.

В-четвертых, наиболее значимым для оценки качества и эффективности политической элиты является вопрос о возможности свободного рекрутирования новых членов элиты, а также такие показатели, как индекс человеческого развития, децильный коэффициент и уровень доверия, поскольку они позволяют оценить эффективность как комплексного функционирования политэлиты, так и выполнения ею отдельных функций.

В-пятых, критерии качества и эффективности политической элиты могут быть сгруппированы по отраслевой принадлежности, что позволяет комплексно подходить к оценке политической элиты. При этом вряд ли можно говорить о существовании универсальной системы критериев оценки качества и эффективности политической элиты, поскольку такая оценка производится через призму различных функций, выполняемых элитой. Соответственно многообразие функций политических элит предопределяет разнообразие методов, применяемых для оценки качества и эффективности реализации тех или иных функций.

В-шестых, выработка и имплементация критериев качества и эффективности политэлиты должна не только иметь познавательное и описательное значение, но и играть решающую роль для применения к представителям политической элиты различных форм ответственности, включая политическую, юридическую, моральную и др.

В-седьмых, рассмотрение политической элиты на институциональном уровне как отдельной социально-политической группы обусловливает необходимость того, чтобы критерии качества и эффективности политэлиты были востребованы не только исследователями, но и государственными структурами, тем более что именно они являются и объектом оценки, и адресатом получаемых результатов. Государственные структуры должны быть заинтересованы в выработке и имплементации критериев качества и эффективности политэлиты для обеспечения более открытого характера формирования элиты и повышения уровня реализации элитой своих функций.

Глава II. Динамика развития и особенности политической элиты Приднестровья

§ 1. Формирование политической элиты и региональной идентичности в Приднестровье: общий контекст и предпосылки

Формирование политических элит на постсоветском пространстве неоднократно становилось предметом политологических исследований в контексте «демократического транзита» и тех глубинных преобразований, которые происходили в политическом процессе в конце XX в. 1. Стоит отметить значительное внимание, которое уделялось созданию политэлит в национальных республиках бывшего СССР², а также в протогосударственных образованиях, которые по различным причинам прекратили свое существование³.

Вместе с тем формирование политических элит в иных государственных образованиях, также возникших с распадом СССР, но пока не оформивших окончательно свой международно-правовой статус, исследовано не столь глубоко, хотя фактор элит нередко указывается как одна из самых значимых причин сохранения региональных противоречий⁴. Более того, процесс формирования и дальнейшего

¹ См., напр.: Ашин Г. К. Смена элит // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 40-50; Мясников О. Г. Смена элит: «консолидация» или «вечная схватка»? // Полис. 1993. № 1. С. 52-60; Бабурин С. Н., Небренчин С. М. Кризис: Россия спасет мир? М. : АСТ : Астрель, 2009. С. 206-211; Пляйс Я. А. Особенности формирования политико-административной элиты в России в эпоху транзита // Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. С. 366-390; Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51-65 и др.

² См., напр.: Сытин А. Н., Смирнов В. А. Страны Балтии в ЕС: единство и своеобразие позиций политических элит // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 4. С. 98-102; Бырлэдяну В., Коадэ Л. Идентичность политических элит в определении внешней политики Республики Молдова (1991-2007) // Республика Молдова в контексте воображаемых и действительных границ (Паттерны пограничной идентичности): сб. науч. тр. Вильнюс : ЕГУ, 2010. С. 99-102 и др.; Гайда Ф. А. Грани и рубежи: понятия «Украина и украинцы» в их историческом развитии. М. : Модест Колеров, 2019. С. 90, 100.

³ См., напр., Комаров А. Уральская республика: поражение и реванш Эдуарда Росселя // История. Научное обозрение OSTKRAFT № 6. М.: Модест Колеров, 2018. С. 78, 83.

⁴ Єнін Є. В. Забезпечення національних інтересів України у процесі врегулювання придністровського конфлікту. Автореф. дис. ... канд. політ. наук: 21.00.01 / Київ : Національний інститут проблем міжнародної безпеки РНБОУ України, 2010. С. 12.

развития политических элит в таких государственных образованиях не является изолированным, а происходит наряду с иными политическими событиями и процессами, включая образование (развитие) идентичностей на конкретной территории.

Проблематика идентичности населения исследуется нами в неразрывной взаимосвязи с вопросами формирования и дальнейшего развития политэлиты. В рамках данной работы идентичность рассматривается нами не как отдельный политический феномен, а как часть политической реальности, которая влияет на политическую элиту и, в свою очередь, испытывает ее влияние. Мы убеждены, что у политэлиты в демократическом государстве есть предпосылки эффективно выполнять свои функции тогда, когда она тесно связана с существующей в определенных территориальных пределах идентичностью, разделяет и реализует её ценности, а также легитимна представлять коллективные интересы.

Существуют разные типы идентичностей, включая этническую, языковую, гражданскую, территориальную, региональную и др. Каждая научная дисциплина дополняет общее понятие идентичности, которое согласно классическому определению происходит от позднелатинского термина «identicus», что буквально переводится как «тождественный», «одинаковый».

В значительной степени идентичность является производной от самосознания человека. Так, этническую идентичность предлагается трактовать как «сознательный акт этнического самоопределения человека, отнесения самого себя к определенной этнической общности»¹. Именно такая идентичность была взята за основу при конструировании государственно-политических проектов в большинстве государств постсоветского пространства². Региональная (территориальная) идентичность, как правило, связана с осознанием человеком своей принадлежности к определенной территории (региону) проживания с учетом сложившихся на соответствующем пространстве обычаев, традиций, ценностей, форм политического участия, социально-культурных кодов и т. п. Некоторые авторы выделяют

¹ Харитонова Н. И. Приднестровский конфликт (1988-2012). М.: Линия-график, 2015. С.17.

² См., напр.: Гайда Ф. А. «Україна для українців!»: рождение этнонима из духа классовой борьбы // История. Научное обозрение OSTKRAFT № 4. М.: Модест Колеров, 2018. С. 16.

трансграничную идентичность, считая ее основой общие культурные, исторические ценности и наследие государств конкретного региона¹.

Особое значение в контексте настоящего исследования имеет гражданская идентичность, которую применительно к данной работе мы считаем синонимичной политической идентичности и которая рассматривается в литературе как часть социально-политической принадлежности и «отражает представления личности о принадлежности к государственному образованию»². Осознание населением своей политической идентичности во многом детерминирует значимость государственного суверенитета, а также перспективы политической элиты, включая признание ее легитимным актором, представляющим интересы населения. Развитая гражданская (политическая) идентичность способствует налаживанию широкого сотрудничества между различными группами политических субъектов и более эффективному выполнению политэлитой своих функций.

Именно территориальная (региональная) и гражданская (политическая) идентичность представляет для нас наибольший интерес в рамках исследования феномена политической элиты Приднестровья, ее способности быть эффективным, легитимным и ответственным представителем населения, качественно выполнять свои функции и своевременно и адекватно реагировать на возникающие вызовы. В этом контексте мы согласны с утверждением, что в Приднестровье различными способами, в том числе законодательно, формируется «симбиоз гражданской и региональной идентичностей... которые будут совпадать, раскрывая смысловую нагрузку одной с помощью другой»³.

Существование в Приднестровье самостоятельной идентичности не ставится под сомнение большинством исследователей, однако различные авторы поразному характеризуют субстантивное наполнение данного политического явле-

¹ Smith H. Russia and the European Union: Identities and Interpretations (Mutual Perception and the Construction of Identities) // From Cooperation to Partnership: Moving Beyond the Russia – EU Deadlock. Europe in Dialogue 1/2013. Bielefeld: Bertelsmann Stiftung, 2013. P. 39, 40.

² Ильин М. В., Кудряшова И. В. «Кризисы суверенитета» в современную эпоху // Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности: монография / под ред. М. В. Ильина, И. В. Кудряшовой. М.: МГИМО-Университет, 2011. С. 11.

³ История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2, ч. II / Отв. ред. В. Я. Гросул. Тирасполь : РИО ПГУ, 2001. С. 95.

ния. В значительной степени различия в подходах обусловлены идеологическими позициями самих авторов.

К примеру, прозападные исследователи, поддерживающие политический дискурс властей Молдовы, отмечают, что в Приднестровье строят идентичность «на основе антирумынских настроений (чувств)»¹. Впрочем, молдавские авторы не отрицают огромного влияния, исходящего от румынской политической элиты, которое испытывает непосредственно идентичность населения и политическая элита в самой Молдове². Сторонники молдовенизма (подхода, справедливо подчеркивающего самобытность молдавской нации) нередко используют фактор приднестровской идентичности в своих целях, утверждая, что «противоречия между Молдовой и Приднестровьем возникли не по линии "приднестровские интернационалисты - молдавские националисты", а по линии "молдавизм приднестровцев – прорумынский шовинизм кишиневских властей"»³ или же вовсе считают «противодействие процессу румынизации» главной функцией региональной идентичности Приднестровья, «формирующейся на базе исторически сложившейся модели совместного проживания левобережного населения»⁴. Не снимая значимости фактора конфликта и его этнического аспекта, отметим, что, по нашему мнению, такой подход не учитывает целого ряда особенностей приднестровской идентичности, в частности ее территориального и гражданского (политического) характера, а также того, что молдовенизм является органичной составляющей приднестровской идентичности, но не ее стержнем, и того, что идентичность в Приднестровье начала формироваться задолго до открытой фазы конфликта с Молдовой и не строилась для противодействия чему-либо: это был закономерный политический и исторический процесс. В силу объективного, естественного характера формирования приднестровской идентичности она также не может рас-

¹ Popescu N. Politica externă a Uniuneii Europene și conflictele post-sovietice. Chișinau : Cartier, 2013. P. 76.

² Драган А. И. Политика Румынии в отношении Республики Молдова на современном этапе // Проблемы постсоветского пространства. 2019. Т. 6. № 1. С. 76.

³ Шорников П. М. Молдавская этнокультурная идентичность: миф или реальность? // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 2004. № 8. С. 59.

⁴ Губогло М. Н. Тяжкое бремя конкурирующих идентичностей. Опыт Приднестровья // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 2000. № 4. С. 13.

сматриваться как некий конструкт, построенный на «антирумынизме», «поиске врага» и пр.; тупиковость и порочность такого способа формирования какой-либо идентичности убедительно обоснована в литературе¹.

Мнение о том, что «формирование региональной и гражданской идентичности Приднестровья тесно связано с распадом СССР»², часто встречается в современных исследованиях. Вместе с тем на особенности приднестровского населения указывалось гораздо раньше, когда противоречия в регионе носили латентный характер³, поэтому мы не связываем формирование идентичности с конфликтом (конфликт, скорее, оказал влияние на кристаллизацию политэлиты). Более справедливым в отношении местной политэлиты и идентичности считаем высказывание, что «война 1992 г. только укрепила приднестровскую идентичность, [местный] здоровый провинционализм и... романтизировала ситуацию»⁴.

Полагаем, что приднестровская идентичность – это самостоятельное политическое явление, которое не является производным от других факторов, а объективно формировалось на данной территории в соответствии с политическими, естественно-историческими процессами. Наличие собственной идентичности в Приднестровье позволило в короткие сроки сформировать политэлиту, которая получила политический мандат на легитимное представительство интересов населения. Справедливым считаем утверждение, согласно которому «четко выраженная региональная идентичность приднестровцев, с одной стороны, подчеркивает принадлежность народа к региону, с другой – учитывает провозглашение собственной независимости и становится основой гражданской идентичности»⁵.

Специфика приднестровской идентичности в том, что она объединяет признаки, присущие территориальной и гражданской (политической) идентичности:

¹ Федоров С. М. [Украинский кризис как катарсис] Украинский кризис: экспертная оценка. По материалам заседания Ученого Совета Института Европы РАН // Современная Европа. 2014. № 3. С. 30.

² Губогло М. Н. Указ. соч. С. 26.

³ Hill R. J. Soviet Political Elites. The case of Tiraspol. New York: St. Martin's Press. 1977. P. 14.

⁴ Степанов В. П. Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989-2014 гг.): монография / Рос. ин-т стратег. исслед.; Приднестровский гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, Ин-т истории и гос. Управления. М.: Тирасполь: 2015. С. 171.

⁵ Степанов В. П. Указ. соч. С. 125.

это способность к совместному созиданию и преодолению трудностей, привязанность к месту проживания, в меньшей степени зависящая от национальной принадлежности (высказано мнение о том, что в этом проявляется «евразийский мультикультуралистский принцип "почва выше крови"»¹), осознание себя субэтносом, отдельным приднестровским народом, а также лояльность приднестровскому политическому проекту, провозглашенной государственности Приднестровья. Сочетание регионального и гражданского (политического) элементов приднестровской идентичности обусловлено и другими факторами, такими как способность местного населения к самоорганизации и неприятие моделей политического поведения, навязываемых извне (проявлением данного фактора служит практика решения основных вопросов, связанных с государственностью, в ходе всенародных референдумов, т. е. формирование политической системы Приднестровья непосредственно населением, путем всенародного волеизъявления граждан в установленных процедурах²), отсутствие межнациональных конфликтов, «российская цивилизационная основа» местной идентичности, специфика приднестровского менталитета, связанная с тем, что исторически эта область была приграничной, восприятие истории, особенно советского периода, как «славного прошлого» и иные факторы. Следует особо отметить то, что в значительной мере основой приднестровской политической системы, кристаллизации местной гражданской (политической) идентичности и политэлиты в период дезинтеграции СССР стала «приднестровская общественная инициатива "снизу"»⁴, подкрепленная различными формами народовластия, в первую очередь всенародными референдумами и выборами.

Заслуживает внимания мнение о том, что приднестровская идентичность содержит элементы, присущие трем ее различным формам — «легитимирующей»

¹ Букарский В. В. Геополитическое значение Днестра как границы // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 2004. № 8. С. 80.

 $^{^2}$ Яковлев В. Н. Волеизъявление народа всесильно и неотменимо. Тирасполь : РИО ПГКУ, 1995. С. 7.

³ Сергеев А. Л. Приднестровье сегодня: проблемы и перспективы жизнедеятельности. М.: Рос. ин-т стратег. исслед., 2015. С. 18.

⁴ Сафонов А. М. Приднестровье: путь в будущее: книга для всех приднестровцев. Бендеры : 2013. С. 19.

(охватывает деятельность ключевых политических институтов — власти, гражданского общества, прав граждан и др.); «идентичности сопротивления» (коллективные формы сопротивления против различных форм давления, прежде всего внешнего); «проектной идентичности» (конструирование новых идентичностей, когда социально-политические акторы стремятся к созданию новых идентичностей для перераспределения функций и трансформации всей социально-политической структуры)¹.

Внутренними гарантиями сохранения идентичности являются как устойчивый уклад жизни, наличие определенных традиций и опыта совместного проживания, так и формально-юридические гарантии, прежде всего Конституция и система законодательных актов Приднестровья, реализуемые через регламентированные политико-правовые процедуры. В известной степени Конституция как высшая форма регулирования утверждает на формально-юридической основе симбиоз региональной и гражданской (политической) идентичности Приднестровья (как сказано в преамбуле, «Мы, многонациональный народ Приднестровской Молдавской Республики, соединенные общей судьбой на своей земле...»).

По мере укрепления приднестровской государственности местная идентичность приобретает новое качество и постепенно становится новой общностью — приднестровским народом. По мнению ряда авторов, приднестровский народ — это «полиэтническая общность», образовавшаяся в процессе контактов различных этносов в пределах единой территории, на основе общей истории, собственного менталитета, связанная региональной идентичностью («признак землячества»)², а также лояльностью идее о государственной независимости Приднестровья с максимально тесной интеграцией с Россией. Актуальность сохранения и развития приднестровского народа как отдельной общности подтверждена в Приднестро-

¹ Filippova O. Dimensions of Transnistrian identity in present-day political developments // Security and Development in a Complex Policy Environment: Perspectives from Moldova, Armenia, Tajikistan and Kazakhstan. Joint report of the Tampere Peace Research Institute, University of Tampere (Finland), the Caucausus Institute and the Institute for Civil Society and Regional development in Yerevan (Armenia). Yerevan: 2012. P. 41, 48.

² Бурла М. П. Население Приднестровской Молдавской Республики: научно-справочное пособие. Тирасполь: КЭГРЭ Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, 2009. С. 35.

вье в том числе и на нормативном уровне и закреплена в качестве одной из составляющих обеспечения политической стабильности и социальной справедливости в Стратегии развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019 — 2026 гг. Подчеркивается необходимость укрепления единой приднестровской идентичности и сохранения этнокультурных, языковых и иных особенностей населения.

Последние исследования показывают, что приднестровский народ как особая общность приобретает некоторые новые черты. В частности, в рамках переписи населения 2015 г. более тысячи жителей Приднестровья указали «приднестровец» в качестве этнической принадлежности. С одной стороны, это подтверждает тезис о том, что для жителей Приднестровья этническая принадлежность никогда не носила доминирующего характера; с другой стороны, представляется возможным говорить о новом содержании понятия «приднестровец», обретение этой общностью статуса субэтноса с некоторой новой этнической составляющей².

При этом, соглашаясь с безусловной значимостью такого конститутивного фактора, как лояльность государственности, мы считаем, что не стоит абсолютизировать роль данного фактора, сводить идентичность к лояльности государству. Чрезмерное влияние этатистского аспекта чревато тем, что им может пользоваться политическая элита в стремлении поставить знак равенства между лояльностью государственному проекту и лояльностью самой элите. Неверным также представляется и утверждение о том, что «население Приднестровья устает от неопределенности своей идентичности»³: такой подход основан на смешении различных политических и правовых категорий, в данном случае идентичности и политикоправового статуса. Население Приднестровья скорее устает от неопределенности политико-правового статуса республики, но не от тех общих факторов, которые его объединяют.

¹ Стратегия развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019–2026 годы (утверждена Указом Президента Приднестровья № 460 от 12 декабря 2018 года) // Официальный сайт Президента Приднестровья. URL: http://president.gospmr.org/strategiya-razvitiya/

² Феч Н. Приднестровцы: штрихи к портрету // Приднестровье. 2017. 4 марта.

³ Губогло М. Н. Указ. соч. С. 13.

Н. И. Харитонова высказала интересную мысль о том, что в условиях крайней неопределенности население Приднестровья «пребывает одновременно в двух реальностях»: с одной стороны, ощущает себя частью приднестровской общности, с другой стороны выступает носителем цивилизационной идентичности, связанной с Россией как составной частью Евразии¹.

Как представляется, приднестровский опыт формирования гражданской (политической) и территориальной идентичности в масштабах всей республики представляет интерес и для Российской Федерации, особенно в ситуации, когда, по мнению российских исследователей, «региональные политические идентичности в основных чертах сформировались только в национальных субъектах РФ», а территориальная идентичность наиболее эффективно формируется в наиболее развитых субъектах, образованных на географической основе². Кроме того, в российской литературе обращается внимание на то, что именно русская культура может стать центром формирования современной российской идентичности³. Поэтому опыт Приднестровья, где русская культура и русский язык являются ключевыми для местной идентичности, также может быть востребован в России.

Феномен идентичности и феномен политэлиты представляются неразрывно взаимосвязанными. Приднестровье вполне может считаться «самодостаточным с точки зрения самостоятельности правящей элиты»⁴, но такая «самодостаточность» не является абстрактной, ее основой выступает волеизъявление народа, который, наделяя политэлиту легитимностью в представлении его интересов, одновременно вправе ставить вопрос об ответственности политэлиты. Как отмечается в литературе, передача элите этих полномочий осуществляется в рамках заключенного между властью и народом «общественного договора о приемлемости проводимой политики, о способах, средствах и методах достижения поставлен-

¹ Харитонова Н. И. Фактор цивилизационной идентичности населения Приднестровья в разрешении приднестровского конфликта // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2019. Т. 9, № 1. С. 148.

² Кулаков С. В. Проблемы формирования региональной политической идентичности в современной России // PRO NUNC. Современные политические процессы. 2015. № 1. С. 150.

³ Кабзан Е. П. Русская культурная доминанта как основа российской политической идентичности в социологическом измерении // PolitBook. 2019. № 3. С. 41.

⁴ Харитонова Н. И. Приднестровский конфликт (1988-2012). М., 2015. С. 13.

ных политических целей»¹. Элита в такой системе должна опираться на культуру, основные традиции и ценности, менталитет общества, в котором она действует и реализует собственные цели. В свою очередь, народ, делегируя элите полномочия, понимает, что прекращение действия образованной и поддержанной им власти может привести к исчезновению того, чего он добивался и что составляет элементы его общности.

Вопрос о формировании и развитии приднестровской политической элиты во взаимосвязи с фактором идентичности представляет особую ценность, поскольку позволяет, помимо прочего, сделать вывод о легитимности и репрезентативности приднестровской политэлиты применительно к политическому процессу в целом.

По нашему мнению, формирование и последующее развитие политических элит в Приднестровье и иных государствах такого рода является закономерным процессом государственного строительства. Поэтому исследование феномена местных политических элит представляет собой, как мы считаем, научный и практический интерес.

В развитии приднестровской политической элиты мы определяем четыре основных этапа:

- 1) 1989–1992 гг. формирование приднестровской политической элиты в условиях дезинтеграции Советского Союза;
  - 2) 1992–2000 гг. институционализация политэлиты Приднестровья;
- 3) 2000–2011 гг. самодостаточность и профессионализация политической элиты Приднестровья;
- 4) с 2012 г. по настоящее время современный период, который представляется весьма неоднородным, о чем будет подробно сказано далее.

Основой для выделения данных этапов мы считаем не только темпоральный критерий, но и важные события, связанные с политическими процессами в Приднестровье и вокруг него. Так, в 1989 г. началось политическое движение, в ходе которого определились будущие лидеры приднестровской государственности. В

¹ Галинский И. Н. К вопросу о легитимности политической власти Приднестровской Молдавской Республики // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 2004. № 8. С. 81.

1992 г. закончилась вооруженная фаза острых противоречий между Молдовой и Приднестровьем, что привело к завершению формирования приднестровской политической системы и государственного аппарата и придало импульс дальнейшей институционализации приднестровской политической элиты. С 2000 г. в стране изменился характер политической системы, республика стала президентской, а итоги декабрьских выборов в парламент показали очевидные процессы формирования собственно приднестровской политической элиты. Президентские выборы 2011 г. привели к смене поколений политической элиты, и начался современный этап ее развития. В 2015-2016 гг. в результате очередного электорального цикла произошли новые изменения в составе приднестровской политической элиты на фоне острого разочарования населения в действиях предыдущего состава политэлиты, причем эти изменения носили весьма серьезный характер. В 2020 г., на фоне пандемии заболевания COVID-19 начался очередной электоральный цикл: в ноябре прошел Единый день голосования, в ходе которого был избран новый (VII) созыв Верховного Совета Приднестровья, а также сформированы местные представительные органы власти. Предварительные оценки, о которых речь пойдет ниже, показывают, что негативные тренды в развитии приднестровской политической системы пока преодолеть не удалось.

За основу анализа каждого из этапов мы берем взаимодействие политической элиты с такими политическими категориями (институтами), как состав и функции политической элиты, механизм формирования и каналы рекрутирования политической элиты, политическая система в целом, политические партии.

Формирование политической элиты Приднестровья

Для понимания процесса формирования и развития политической элиты Приднестровья нами ранее был проведен детальный ретроспективный анализ ситуации, которая складывалась на протяжении многих лет и которая в результате способствовала формированию приднестровской политэлиты, являющейся значимым субъектом во внутриполитическом процессе и неотъемлемой частью местной региональной и гражданской (политической) идентичности. Этот анализ был осуществлен с учетом процесса формирования политической элиты Молдав-

ской ССР и причин нарастания тех противоречий, которые в итоге привели к региональной дезинтеграции ^{1} .

Исследование ситуации в сравнительно-историческом аспекте позволяет говорить о серьезных диспропорциях в национальном составе населения Молдавской ССР и в составе республиканской политической элиты. Проводившаяся «молдовенизация» органов власти была непропорциональной, однако отражала принятый в этот период в СССР курс на «коренизацию аппаратов». Таким образом, «правящий класс Молдавии складывался как этнически однородная социальная группа»², в то время как в Приднестровье сформировался регион со смешанным населением, без наличия доминирующего этноса³. В политикодемографическом плане это серьезно отличало Приднестровье от остальной части Советской Молдавии.

Региональная социально-политическая и этно-социальная стратификация к началу в СССР дезинтеграционных процессов заключалась в том, что политэлита МССР была представлена молдавской этнической номенклатурой; этнические молдаване составляли большинство среди творческой интеллигенции, в сфере обслуживания и в аграрном секторе; в то время как в Приднестровье инженернотехнический персонал, управленцы в промышленном секторе, рабочие, а также ряд представителей гуманитарной интеллигенции являлись в основном русскими и украинцами. Такая политико-демографическая стратификация в последующем оказала серьезное влияние на формирование политэлиты Приднестровья.

¹ См. подробнее: Леонтьева О. В. Трансформация и смена политических элит на постсоветском пространстве в период распада СССР (на примере Молдовы и Приднестровья) // Элиты России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты: сб. науч. статей. Вып. 2. М.: Изд. Национального института бизнеса, 2012. С. 233-238; Леонтьева О. В., Ястребчак В. В. Политические элиты Республики Молдова и Приднестровской Молдавской Республики: формирование, генезис, внешние факторы // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 4. С. 86-89.

² Ожиганов Э. Н. Этнополитический конфликт в Приднестровье: причины и развитие (1989 – 1992) // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2006. № 20 (308). С. 29.

 $[\]bar{}^3$ Бомешко Б. Г. Приднестровье: годы созидания. // Феномен Приднестровья. Тирасполь : РИО ПГУ им. Т. Г. Шевченко, 2000. С. 122.

В конце 1980-х политическая элита МССР переживала серьезные трансформационные процессы: происходила масштабная интеграция в нее культурной элиты, в итоге большинство СМИ республики к началу 1989 г. контролировалось националистическими силами, которые использовали их для пропаганды идей национальной исключительности (в особенности это касалось изданий различных творческих союзов). Так, численность Союза писателей Молдавии с довоенных времен до конца 1980-х выросла в 10 раз¹. Гуманитарная интеллигенция, рекрутированная в политическую элиту, стала активным участником политических процессов, в том числе при «создании социальной базы новой элиты»². Достаточно сказать, что решающим поводом для перехода противоречий между Кишиневом и Тирасполем в открытую фазу послужили законы Молдавской ССР о государственном языке, принятые на основе разработанных Союзом писателей Молдавии проектов.

Важным этапом в развитии региональных политических процессов стало избрание 25 февраля 1990 г. нового созыва Верховного Совета МССР. Как отмечают молдавские исследователи, путем этих выборов был сформирован новый политический класс Республики Молдова³. Не оспаривая факта свободных выборов в высший представительный орган МССР и его роли в действовавшей тогда системе «всевластия советов», мы не можем согласиться с некоторыми утверждениями. Во-первых, считаем неверным тезис о том, что «новый политический класс» Молдавии был сформирован исключительно в рамках выборов в Верховный Совет, поскольку на территории МССР к тому времени действовали и партийные, и административные органы, а также городские и районные советы, исполкомы, парткомы. Во-вторых, признание «новым политическим классом» только Парламента, избранного в 1990 г., означало бы отсутствие преемственности в функционировании национальной политической элиты в Молдавской ССР, а затем и в независимой Республике Молдова. К примеру, предыдущий состав Верховного Со-

¹ Кодряну Г. Днестровский разлом. Приднестровский кризис и рождение ПМР: роль и место спецслужб. Тирасполь: ГИПП «Типар», 2002. С. 10.

² Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность: монография. С. 447.

³ Varzari P. Introducere în elitologie (Studiu). Chişinău : CE USM, 2003. P. 136.

вета МССР, несмотря на протесты приднестровских трудовых коллективов и первую в Советском Союзе политическую забастовку (август–сентябрь 1989 г.), утвердил законы о статусе государственного языка в МССР.

Для анализа генезиса политической элиты Приднестровья важное значение имеет вопрос о политической элите Молдавской ССР данного периода, поскольку приднестровская политическая элита уже начинала формироваться, но считала себя частью единой элиты союзной республики.

Поэтому можно в полной мере согласиться с другим высказыванием молдавских политологов, полагающих, что политэлита независимой Молдовы не составляла новой политической страты, поскольку внутри нее имело место перераспределение политических ролей, а представители старой политической элиты сохранили свое привилегированное положение в новой политической структуре¹. К примеру, Председателем Президиума Верховного Совета МССР был избран М. Снегур (в дальнейшем – первый президент независимой Молдовы), являвшийся с 1985 г. секретарем ЦК Компартии Молдавии по сельскому хозяйству².

В тот период нарождавшаяся приднестровская политическая элита участвовала в процессе принятия республиканских решений в рамках Верховного Совета МССР двенадцатого созыва. Достаточно сказать, что Верховный Совет первого созыва Приднестровья, избранный в ноябре 1990 г., почти на треть состоял из действующих на тот момент депутатов Верховного Совета МССР, избранных в феврале 1990 г. Во втором созыве приднестровского парламента процент лиц, имевших опыт работы в высшем представительном органе Молдавии, не превышал 10%³.

В итоге в Советской Молдавии в период движения за независимость прежняя партийно-государственная номенклатура стала основой новой политической эли-

¹ Varzari P. Op. cit. P. 137.

² Сафонов А. М. В Парламенте Молдовы и за его стенами (1988 – 1992) : записки депутата. Бендеры : «Полиграфист», 2010. С. 35.

 $^{^3}$ См., напр., биографии депутатов Верховного Совета Приднестровья в кн. : Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики: I — II созывы / под общ. ред. Г. С. Маракуцы. Тирасполь : ГИПП «Типар», 2000.

ты, но в целом борьбу за суверенитет вел «парадоксальный союз гуманитарной интеллигенции, крестьян и номенклатуры»¹.

Состав политической элиты Приднестровья, ее приоритетные функции и интересы

На первом этапе, в период формирования приднестровской политической элиты, в Приднестровье имела место качественно иная ситуация, в значительной степени уникальная для постсоветского пространства.

С 1940 года на данной территории отсутствовали надрайонные или иные автономные структуры (как, к примеру, в Абхазской АССР или Нагорно-Карабахской АО). Это не позволяло формировать и институционализировать местные политические элиты в противовес национальным республиканским, тем более что в отличие от национальных автономий формирование местной элиты по этническому признаку было затруднено в силу примерно равного представительства трех основных этнических групп среди жителей Приднестровья. При этом регион мог похвастаться самым значительным количеством национальносмешанных браков, которые являются «более тонким и надежным показателем межнациональной лояльности» и одним из определяющих факторов для идентичности приднестровцев.

В то же время агрессивная национальная политика официального Кишинева, направленная против этнических и языковых меньшинств, встретила противодействие со стороны населения Приднестровья. Ядром сопротивления выступили трудовые коллективы промышленных предприятий, на которых была организована политическая забастовка в 1989 г. Эти же трудовые коллективы стали основой для формирования органов государственной власти Приднестровья и приднестровской политической элиты в традиционном научном понимании данного термина. Трудовые коллективы при этом показали высокую способность к самоорга-

¹ Ачкасов В. А. «Изобретение традиции»: роль интеллектуальных элит в «идеологическом производстве» этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве (2009) // Власть в России: Элиты и институты: материалы седьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А. В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2009. С. 20.

² Губогло М. Н. Указ. соч. С. 28.

низации, что не дает оснований считать начало формирования приднестровской политэлиты «заговором директоров». Так, известны случаи отстранения от управления директоров отдельных предприятий по причине их противодействия забастовке. Формирование координационных забастовочных структур преимущественно рабочими, а не директорским корпусом также способствовало более активной деятельности этих органов и позволило избежать «разгрома» таких же структур в других республиках, в частности в Эстонской ССР¹.

Таким образом, на начальном этапе в Приднестровье фактически отсутствовала политическая элита в узком смысле, т. е. группа лиц, формально уполномоченная принимать общие для всех решения. Бюрократический аппарат также не был особенно разветвленным, поэтому вполне обоснованно утверждать, что в тот период в процессе формирования политической элиты важнейшую роль сыграл второй подкласс приднестровской прото-политэлиты — т.е. узнаваемые, авторитетные люди, способные влиять на общественное мнение. Такими лицами стали представители ведущих общественно-политических движений, в первую очередь забастовочного движения, а также иных общественных формирований — Женского забастовочного комитета, Черноморского казачьего войска и др.

Механизм формирования и каналы рекрутирования политической элиты Приднестровья

Формирование властных структур Приднестровья, его политической элиты осуществлялось вопреки противодействию партийно-государственных органов Союза ССР и Молдавской ССР, а не благодаря их поддержке. На функционирование партийных структур определяющее влияние оказывали республиканские органы Компартии Молдавии, в связи с чем неслучайно, что подавляющее большинство партийных органов в приднестровских районах не только не поддержали движение за государственность, но и активно ему противодействовали².

¹ Кондратович Д. Ф. Предыстория Приднестровской Молдавской Республики // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 1997. № 1. С. 58.

² Акулов Б. Н. Рабочая Рыбница: ответ национализму // Начало : сб. воспоминаний / сост. А. З. Волкова. Тирасполь : Мин-во информации и телекоммуникаций, 2010. С. 16.

Поэтому мы считаем абсолютно ошибочным утверждение о том, что «реакцией против национального движения стал не бунт меньшинств, а восстание [приднестровской] элиты, которая почувствовала, что ее могут отстранить от власти»¹. Национальная партийная номенклатура, действовавшая на территории Приднестровья, только упрочила бы своё положение в случае дальнейшего развития «национально-освободительного движения» в МССР, заняв, как и в Кишиневе, доминирующие позиции.

Остальные каналы рекрутирования политической элиты, традиционные для советского государства и общества, в Приднестровье были производными или же вообще не имели принципиального значения. В частности, партийный и комсомольский каналы не были востребованы из-за жесткой партийной дисциплины, которая требовала решительного осуждения «сепаратистских» проявлений в Приднестровье. К примеру, в первом созыве Верховного Совета Приднестровья (1990—1995 гг.) лишь 5 депутатов из 63 на момент избрания являлись работниками районных или республиканских партийных органов.

Местный партийно-государственный аппарат в своей основной массе руководствовался принципами иерархии и подчинения нижестоящих вышестоящим, т. е. руководству МССР.

Профсоюзный канал не предполагал инициативности и самостоятельности действий своих представителей, в связи с чем он также не являлся значимым. Вместе с тем трудовые коллективы действительно выступали основой первого поколения приднестровской политической элиты, однако это происходило не благодаря профсоюзному движению, а вопреки ему.

Относительную самостоятельность сохранил такой канал рекрутирования, как городские и районные Советы народных депутатов, а также иных уровней (Верховного Совета МССР или СССР). Деятельность депутатов, во-первых, основывалась на получении ими мандата непосредственно от населения и, во-вторых, предполагала поддержку ими приднестровского забастовочного и «прогосударственного» движения. Этот канал стал важнейшим источником легитимности для

¹ King Ch. Moldovenii : România, Rusia și politica culturală. Chișinau : Arc, 2002. P. 191.

самой политэлиты и её решений, так как позволял опираться на мандат, непосредственно получаемый от населения.

Значимость такого канала рекрутирования, как инкорпорация в приднестровскую политэлиту кадров из Кишинева, исследовался нами ранее¹. Отметим, что данный канал был весьма востребованным и способствовал профессионализации местной политэлиты.

Еще одним каналом рекрутирования стало вовлечение в активную профессиональную деятельность лиц, которые по возрасту или по выслуге лет уже находились на пенсии или же работали в других отраслях, но оказались весьма востребованными в силу дефицита профессиональных кадров в специфических сферах. Ветераны, имевшие значительный опыт, были задействованы при формировании таможенных органов², органов государственной безопасности и др.

Новые механизмы формирования элиты, а также демократизация общественных процессов в Советском Союзе способствовали консолидации и повышению репрезентативности формировавшейся политэлиты Приднестровья, повышению ее возможностей представлять непосредственно население этой территории (рост уровня участия жителей Приднестровья в представительных органах власти МССР в отличие от ранее существовавшего порядка; а также поддержка депутатов в трудовых коллективах).

Приднестровский Верховный Совет первого созыва был более репрезентативен в контексте анализа политической элиты, чем молдавский, поскольку именно Верховный Совет стал основой формирования приднестровских исполнительных структур, а многие парламентарии совмещали депутатскую деятельность с работой в исполнительной власти.

Таким образом, формирование политэлиты Приднестровья происходило не в рамках преобразования национальной партийно-государственной номенклатуры при участии «творческой интеллигенции», а путем инкорпорирования в институты политической власти контрэлиты. Политэлита Приднестровья не стала преем-

¹ См. подробнее: Леонтьева О. В., Ястребчак В. В. Указ. соч. С. 96.

² Приднестровский таможенный форпост: к 25-летию образования таможенных органов Приднестровья. Тирасполь : 2017. С. 99.

ником молдавской партийно-государственной номенклатуры. Ядром формировавшейся приднестровской политической элиты стали представители протестного движения, а также лица, покинувшие Молдову по мотивам дискриминации или иным причинам и занявшие посты в органах власти Приднестровья.

Организационно-функциональным механизмом формирования и легитимизации приднестровской политической элиты стали инструменты непосредственной демократии, включая референдумы, и избрание участников протестного движения на выборные должности в местных и республиканских представительных органах власти.

На формирование политической элиты Приднестровья серьезное влияние оказала вооруженная фаза молдо-приднестровского противостояния. При этом именно конфликт способствовал процессу кристаллизации и завершения как организационно-правового, так и идейно-политического формирования политэлиты. По сути, именно в период боевых действий 1992 г. приднестровская политическая элита прошла «проверку на прочность», доказав своё право на существование и жизнеспособность.

На начальном этапе межэлитная коммуникация с Молдовой имела важное значение для формирования приднестровской политэлиты. Политическая элита Приднестровья создавалась как политико-правовой механизм, как институциональное оформление действий жителей региона в ответ на возникшие вызовы. В определенной степени представляется возможным утверждать, что действия молдавских властей послужили основным консолидирующим фактором для приднестровского общества и придали импульс формированию местной политэлиты, которая стремилась подчеркнуть своё отличие от национально-государственных основ построения политической системы в Молдове.

Кроме того, приднестровская политэлита активно использовала фактор Молдовы как для внутриэлитной консолидации, так и для мобилизации населения, позиционируя Молдову как основную внешнюю угрозу. Соответственно отношение к молдавской стороне для потенциальных кандидатов на рекрутирование в приднестровский политический класс становилось одним из важнейших маркеров, в

первую очередь, относительно лояльности приднестровской политэлите: позитивное отношение к официальному Кишиневу не приветствовалось в высшем политической страте Приднестровья.

Одновременно проблематика молдо-приднестровского урегулирования с самого начала выступала для приднестровской элиты важнейшим каналом для международной легитимации и межэлитной коммуникации с другими субъектами: участвуя в переговорах на высшем и высоком уровне, приднестровская политэлита получала возможность коммуникации с зарубежными элитами, что, в свою очередь, оказывало консолидирующее влияние на приднестровскую элиту, повышало ее внутренний авторитет.

Политическая система и политическая элита Приднестровья

В рассматриваемый период приднестровская политическая система характеризовалась разрозненностью, слабостью ее формальных институтов. Согласно первой Конституции Приднестровья, основные полномочия в сфере политического управления принадлежали советам различных уровней, которые нередко брали на себя функции и исполнительных органов государственной власти.

Лишь в конце указанного периода осуществляется переход властных полномочий от представительных к исполнительным органам и к институту президента. К концу 1992 г. окончательно формируется конфигурация властных структур, которая отражает внутриэлитный консенсус первого этапа развития приднестровской политэлиты.

Ведущая роль представительных органов проявляется на данном этапе в том, что именно депутатский корпус, непосредственно избранный населением, принимает важнейшие решения. Так, Вторым Съездом депутатов всех уровней 2 сентября 1990 г. была провозглашена приднестровская государственность; первая Конституция Приднестровья, принятая парламентом в сентябре 1991 г., закрепила статус съезда всех уровней в качестве конституционного органа с широкими полномочиями. В Конституции Приднестровья 1995 г. подобной нормы уже не было.

Взаимодействие политической элиты с политическими партиями

Процесс партийного строительства начался в Приднестровье достаточно рано: уже в 1991 г. была зарегистрирована первая политическая партия — Демократическая партия Приднестровья, которая фактически стала филиалом Демократической партии России¹. В 1992 г. были зарегистрированы Партия экономической свободы и Коммунистическая партия трудящихся Приднестровья, которые в принципе соответствовали распространенному в тот период на постсоветском пространстве «тренду» распределения политического спектра на «правых» и «левых».

Однако принципиального значения для приднестровской политической системы, как и влияния на местную политическую элиту, партийное строительство на начальном этапе формирования политэлиты не имело по ряду причин.

Во-первых, приднестровское законодательство запрещало создание партийных ячеек в любых государственных организациях, учреждениях, а также на предприятиях, т. е. пошло по пути чрезвычайно широкого запрета.

Во-вторых, основная нагрузка по участию в политическом процессе возлагалась не на политические партии, а на общественные движения, в первую очередь прореспубликанского, патриотического спектра (Объединенный совет трудовых коллективов, Союз женщин Приднестровья, Черноморское казачье войско и др.). Как следствие, усиление роли общественных организаций, доказавших свою эффективность, «отодвинуло на второй план процесс институционализации политических партий»².

Уже на самом первом этапе развития политической элиты Приднестровья и государственного строительства в целом проявилась особенность партийной системы, которая сохраняется и в настоящее время: местные партии ориентируются, как правило, на российские партии и позиционируют себя в качестве их «представительств» в республике.

¹ Дирун А. В. Особенности становления многопартийности в Приднестровье в период с 1990 по 1993 год // Приднестровье в современном политическом и социально-экономическом пространстве: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Тирасполь, 2009. С. 53.

² Войт И. А. Партийное строительство и электоральные процессы в Приднестровье // Общественная мысль Приднестровья. 2012. № 1. С. 239.

Исследовав вопрос о формировании политической элиты Приднестровья, мы считаем возможным сделать некоторые выводы.

Во-первых, к периоду нарастания дезинтеграционных процессов в СССР ситуация в Приднестровье отличалась от других союзных республик. На этой территории не было своих надрайонных (автономных) органов управления, соответственно отсутствовали институциональные возможности для подготовки и функционирования местной политической элиты. Политическая элита Приднестровья формировалась путем самоорганизации, на волне протестного движения.

Во-вторых, в Приднестровье, в отличие от других республик, не возникло правопреемства новой политической элиты в отношении прежней партийногосударственной номенклатуры. Приднестровская политическая элита формировалась преимущественно из представителей контрэлиты, основой которой стало забастовочное движение конца 1980-х гг.

В-третьих, приднестровская политическая система изначально развивалась без опоры на партийное строительство. В Приднестровье на первом этапе были востребованы другие каналы рекрутирования в нарождавшуюся элиту, а партийный механизм был скорее «данью» распространенным тенденциям, чем реальной общественной потребностью.

В-четвертых, в рассматриваемый период политическая система Приднестровья в значительной степени воспроизводила союзную политико-управленческую модель, основанную на доминировании представительных органов власти. Из Верховного Совета ПМР и местных советов происходила кристаллизация приднестровской политэлиты, а также ее легитимизация.

В-пятых, для приднестровской политэлиты начального этапа определяющими функциями стали консолидирующая, лидерская, а также функция ситуативного реагирования, что в значительной мере было связано с внутриполитическими процессами и с давлением извне.

В-шестых, формирование приднестровской политической элиты происходило как неотъемлемая часть общего процесса развития и укрепления региональной и гражданской (политической) идентичности в Приднестровье. Элита и идентич-

ность взаимно дополняют друг друга; они получили серьезный импульс к дальнейшему развитию после вооруженного конфликта 1992 г.; политическая идентичность служит важнейшим источником для легитимности осуществления элитой своих функций. Нам представляется, что опыт формирования идентичности в Приднестровье может быть востребован и в Российской Федерации как фактор укрепления государственно-политического единства и укрепления общероссийской политической идентичности с сохранением национальных и территориальных особенностей.

В-седьмых, особенности формирования политэлиты и идентичности в Приднестровье предполагают высокий уровень общественного контроля за действиями элиты, а также активное участие народа в политических процессах, которое сама элита по мере укрепления пытается ограничить.

§ 2. Институционализация политической элиты Приднестровья

Данный этап (1992–2000 гг.) начинается с завершением вооруженной фазы противостояния между Молдовой и Приднестровьем: с этого времени приднестровская политическая элита окончательно обретает самостоятельность и прилагает более активные усилия для институционального оформления своего статуса. За рассматриваемый период политэлита дважды принимала значимые решения по формализации собственного статуса: в 1995 г. и в 2000 г., когда вносились изменения в приднестровскую политическую систему.

Состав политической элиты Приднестровья, ее приоритетные функции и интересы

В период 1992–2000 гг. состав приднестровской политической элиты постепенно приобретает институализированные характеристики. Основой политэлиты становятся высшие должностные лица в государственной иерархии, в то время как роль двух подклассов политэлиты в широком смысле, в особенности второго, постоянно меняется.

Частичное снижение «удельного веса» второго подкласса в политической элите Приднестровья было связано с рядом объективных и субъективных факторов. Во-первых, многие представители забастовочного движения по итогам начального этапа развития политической элиты уже оказались интегрированы в другие элитные группы, прежде всего в политэлиту в узком смысле, непосредственно принимающую решения. Во-вторых, окончательный переход к рыночной экономике привел к тому, что права трудовых коллективов как основы второго подкласса были существенно ограничены в новых условиях. Соответственно и возможности для вовлечения общественных деятелей в политику также стали ограничены.

В то же время в рассматриваемый период сегмент второго подкласса постепенно наполняется уже не общественными деятелями (интеллектуалами, лидерами забастовочного движения и др.), а представителями промышленности и нарождающейся бизнес-элиты, которые активно воздействуют на первый под-

класс посредством создания «политических крыльев» для экономического сектора. Через эти механизмы экономическая элита Приднестровья стремится влиять на политическую, образуя различные форматы представительства в органах власти, в первую очередь в парламенте.

Политическая элита основывалась на таких властно-политических институтах, как парламент и президент, причем роль парламента по-прежнему оставалась достаточно высокой.

Приднестровская политическая элита (парламентский сегмент) в целом отражала национальный состав местного населения.

Так, в парламенте первого созыва из 60 избранных депутатов русских было 25 человек, украинцев – 21, молдаван – 12, гагаузов – 2, болгар, евреев и туркмен – по одному¹. Заметные диспропорции вполне объяснимы: во-первых, именно этнические русские и украинцы активно выступили в борьбе за приднестровскую государственность и, следовательно, проявили наибольшую активность в избирательных кампаниях. Во-вторых, для Приднестровья с весьма высоким процентом смешанных браков вопрос национальности никогда не был приоритетным и зачастую люди сами не могли определить собственную национальность, в связи с чем выбирали «путь наименьшего сопротивления», указывая в качестве национальности «русский».

Во втором созыве приднестровского парламента ситуация с национальным соотношением существенно изменилась. Большинство составили этнические украинцы (26 депутатов), этнических молдаван и русских было избрано 17 и 19 соответственно, болгар — 5, гагаузов и евреев — по одному, что значительно уменьшило диспропорции первого созыва. Можно предположить, что, во-первых, снижение «удельного веса» этнических русских связано с массовым выездом многих людей на постоянное место жительства в Россию, причем этот процесс ускорился не столько с распадом СССР, сколько с событиями 1992 г. Во-вторых, молдавское население стало в большей мере ассоциировать себя с воссозданной

¹ Бомешко Б. Г. Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики, 1990-2010 гг. Бендеры : Полиграфист, 2010. С. 26

приднестровской государственностью, активнее включившись в процессы государственного строительства и укрепления приднестровской государственности (впрочем, приднестровские молдаване изначально были интегрированы в политическую элиту: первый вице-президент, первый руководитель приднестровской гвардии, первый председатель парламента были этническими молдаванами). Втретьих, определенная «украинизация» политэлиты Приднестровья связана со многими объективными факторами – исторической принадлежностью значительной части территории Приднестровья Херсонской и Подольской губерниям; большим числом родственных связей жителей республики с населением Украины; устойчивыми производственными связями приднестровской промышленности с украинскими коллегами; сохранявшейся вплоть до середины 2000-х гг. лояльностью Украины к «приднестровскому проекту».

Тенденции пропорционального представительства различных этнических групп в приднестровской политической элите, заложенные на данном этапе, сохранились до настоящего времени и в целом подтверждают репрезентативность приднестровских органов власти в национальном контексте.

К числу задач, имевших особое значение для приднестровской политической элиты в рассматриваемый период, можно отнести упрочение легитимности элиты при реализации функции межэлитной коммуникации. Приднестровская политэлита прилагала усилия для фиксации своей легитимности, которая обеспечивала бы ей, помимо прочего, международные гарантии правосубъектности, т. е. способности выступать от имени приднестровского населения, нести ответственность за свои решения. По сути, приднестровская политическая элита стремилась к тому, чтобы зарубежные политэлиты воспринимали ее как равную им, что обеспечивало бы ей сопоставимые возможности с другими элитами, включая интересы в сфере трансграничного бизнеса, торговли, инвестиций и пр.

В 1994 г. был начат официальный переговорный процесс между Молдовой и Приднестровьем, направленный на поиск путей нормализации двусторонних отношений. Для приднестровской политической элиты именно переговорный про-

цесс стал важнейшим источником (ресурсом) международно-правовой легитимизации.

Постепенно в число задач входит стремление политэлиты к сохранению своего господствующего положения, что обусловливает инициированные в данный период изменения в политической системе и формирование новых каналов рекрутирования. Условием пребывания в политэлите становится лояльность представителей обоих подклассов ее верхней страте.

Механизм формирования и основные каналы рекрутирования политической элиты Приднестровья

Приднестровская политическая элита постепенно переходит к традиционному механизму формирования, основанному на соответствующих каналах рекрутирования и взаимодействии внутриэлитных групп. При этом каналы рекрутирования элиты существенно меняются по сравнению с первым этапом развития политэлиты, хотя тип рекрутирования остается преимущественно открытым.

Такой канал рекрутирования, как забастовочное движение и его институциональная основа — Объединенный совет трудовых коллективов (ОСТК), с распадом СССР и образованием собственных управленческих структур стал определяющим для формирования первого поколения приднестровской политэлиты. Лидеры движения И. Смирнов, А. Волкова, В. Рыляков, Б. Акулов, И. Мильман, А. Караман и другие активисты заняли ключевые посты в исполнительной, законодательной и судебной власти.

Вместе с тем уже к 1995 г., т. е. в канун выборов Верховного Совета Приднестровья второго созыва, ОСТК фактически утратил лидирующее положение в общественно-политической жизни республики. В исследованиях указывается, что ОСТК участвовал в предвыборной кампании как избирательный блок «Трудовое Приднестровье» данный блок по итогам парламентских выборов данный блок не был представлен в Верховном Совете в качестве самостоятельной политической силы. Несмотря на формальное существование ОСТК как общественной организации вплоть до настоящих дней, современный ОСТК представляет собой скорее пло-

 $^{^1}$ Бомешко Б. Г. Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики, 1990-2010. С. 9.

щадку для встреч заслуженных участников забастовочного движения, о которых действующая политэлита вспоминает преимущественно по случаю юбилеев возрождения приднестровской государственности.

Вооруженное противостояние стало отправной точкой для создания военного сегмента политической элиты, причем из двух составляющих. Во-первых, на основе участия в боевых действиях были окончательно сформированы органы военного управления и силовой блок в приднестровском политическом механизме.

Во-вторых, непосредственные участники вооруженного конфликта пополнили ряды приднестровской политической элиты, т. е. участие в боевых действиях 1992 г. также можно считать каналом рекрутирования приднестровской политэлиты (к примеру, первый руководитель приднестровской гвардии стал Главным военным инспектором при Президенте Приднестровья, а первый руководитель Управления обороны Приднестровья впоследствии возглавил Государственный комитет по вопросам внешнеэкономической деятельности). Выходцы из силового блока, участвовавшие в боевых действиях, и позднее занимали высокие посты в приднестровской власти (к примеру, вице-президент в 2006–2011 гг.).

Однако следует признать, что для Приднестровья рекрутирование в политическую элиту через канал участия в боевых действиях было скорее дополнительным фактором, позитивно влияющим на перспективы того или иного кандидата, нежели необходимым условием, как это было, например, на Кавказе, где вооруженные конфликты характеризовались более высокой степенью интенсивности и продолжительности, чем в Приднестровье.

В Приднестровье роль военной элиты, несмотря на наличие кровопролитного вооруженного конфликта, оказалась не столь существенной. В значительной степени это объясняется тем, что государственные структуры Приднестровья в основном были сформированы до открытой фазы вооруженного конфликта, соответственно силовики выполняли свои функциональные задачи в рамках уже созданного управленческого механизма.

Кроме того, продолжительность конфликта в Приднестровье была меньшей, чем на Кавказе, и территориально боевые действия затронули локальные местно-

сти, в то время как на основной территории сохранялась гражданская администрация.

Этап 1992—2000 гг. стал периодом формирования новых, непосредственно приднестровских каналов рекрутирования политэлиты, а также создания в республике условий для ее подготовки, что в значительной степени облегчалось «переформатированием» работы местного вуза.

Приднестровский университет был создан в 1930 г. как педагогический институт и являлся одним из старейших вузов Советской Молдавии. Трансформация всего общественно-политического уклада конца 1980-х – начала 1990-х обусловила изменение статуса института и преобразование его в Приднестровский государственный университет (ПГУ), по модели классического университета.

За годы независимости Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко стал настоящей «кузницей кадров» для местной политической элиты, «крупным научно-педагогическим центром, способным сделать честь любому государству» В рамках модели «классического университета» были открыты факультеты, которые ранее отсутствовали в структуре вуза и которые имели первостепенное значение для укрепления кадров на управленческих должностях (юристы, экономисты, политологи, социологи и др.).

С этого времени ПГУ становится полноценным каналом рекрутирования приднестровской политической элиты в присущих классическим образовательным центрам форматах (неформальные знакомства, сообщества выпускников, практика в государственных структурах и т. д.). В этот же период приднестровская образовательная система окончательно закрепляется в российском образовательном пространстве, что позволяет в 1999–2000 гг. провести аккредитацию ПГУ им. Т.Г. Шевченко в образовательной системе России и на основании межведомственного протокола между профильными министерствами РФ и Приднестровья обеспечить эквивалентность приднестровских дипломов российским².

¹ Смирнов И. Н. Жить на нашей земле. М.: Советский писатель, 2001. С. 127.

² Шалыгин М. В., Ястребчак В. В. Российская Федерация – Приднестровская Молдавская Республика: Сборник документов. М.: ИЦ «Новая реальность», 2014. С. 21.

В рассматриваемый период создавались и другие механизмы подготовки различных сегментов политической элиты, к примеру силового блока. В 1993 г. учебный центр Тираспольского городского отдела внутренних дел был реформирован в школу милиции, в 1996-м – в училище органов внутренних дел С момента своего образования данный учебный центр выступал основой формирования кадрового состава не только органов внутренних дел, но и других силовых структур Приднестровья, например Министерства государственной безопасности, а в дальнейшем стал высшим учебным заведением.

Специфичным для Приднестровья может считаться национальный канал рекрутирования политической элиты: по негласному внутриэлитному консенсусу позиции вице-президента и Председателя Верховного Совета традиционно занимали этнические молдаване (посты № 2 и № 3 в приднестровской властной иерархии).

Такая традиция была особенно значимой в первые годы существования приднестровской государственности: присутствие этнических молдаван в составе приднестровской политэлиты должно было подтверждать общенародный характер борьбы за независимость, безотносительно к национальной принадлежности. Более того, рекрутирование этнических молдаван в высшие страты приднестровской политэлиты давало дополнительные основания для того, чтобы руководство могло заявлять о правопреемстве Приднестровья в отношении Молдавской ССР, а также обосновывало слово «Молдавская» в полном наименовании Приднестровского государства («Приднестровская Молдавская Республика»). Активное вовлечение представителей молдавской этнической группы в политическую элиту республики давало убедительные основания для опровержения тезиса об «ущемлении» прав этнических молдаван русскоязычными приднестровцами. Позднее, с формированием непосредственно приднестровской политической элиты национальный признак стал менее значимым, и этническая принадлежность высших должностных лиц утратила свою социально-политическую роль.

¹ Смирнов И. Н. Вместе с Россией. Тирасполь : ТИПАР, 2007. С. 131.

Специфика Приднестровья как непризнанного государственного образования обусловливает и специфику местных национальных организаций, которые не могут считаться обычными «очагами национальной культуры», а выполняют ряд функций (интегрирующую, балансирующую и др.) общегосударственного характера. Кроме того, руководители национальных организаций занимают, как правило, некоторые позиции в приднестровских государственных или «окологосударственных» общественных институтах, таких как Общественная палата, поэтому вполне могут считаться представителями приднестровской политической элиты в широком смысле.

Национальные организации (относятся ко второму подклассу политэлиты в широком смысле) изначально не являлись каналом рекрутирования в местную политическую элиту; тем не менее они оказывали определенное влияние на её формирование, в том числе в рассматриваемый период. К примеру, с 1997 г. Союз украинцев Приднестровья возглавлял В. Боднар – единственный депутат Верховного Совета первых пяти созывов. В. Тулгара, председатель Союз молдаван Приднестровья, был депутатом Верховного Совета первых трех созывов. Г. Антюфеева и В. Арестов, в разное время возглавлявшие Союз русских общин Приднестровья (причем в период их руководства данная организация отличалась высокой степенью эффективности), являлись депутатами Верховного Совета (В. Арестов – первых двух, Г. Антюфеева – третьего и последующих созывов), а также занимали ответственные посты в исполнительных органах власти. По сути, в республике стало практикой взаимное «делегирование» руководителей национальных организаций в представительную ветвь власти и наоборот: членство руководителей национальных организаций в Верховном Совете должно было подчеркивать связь представительного органа с людьми разных национальностей и гарантировать широкую поддержку «приднестровского проекта» со стороны всех без исключения общественных / национальных групп. Тем самым обеспечивалась «горизонтальная мобильность» приднестровской политэлиты.

Политическая система и политическая элита Приднестровья

В 1995 г. произошло существенное изменение в приднестровской политикоправовой системе. Завершавший свою деятельность Верховный Совет первого созыва вынес на всенародный референдум проект новой Конституции, голосование
по которому состоялось одновременно с выборами в Верховный Совет второго
созыва. Новая приднестровская Конституция закрепила постепенный переход
полномочий от представительных органов к исполнительным, сохранив, однако,
существенные полномочия парламента и президентско-парламентскую республику как базовую модель государственного устройства. Избрание Верховного Совета второго созыва проходило в условиях достаточно жесткой политической конкуренции.

Принципиально важно для понимания электоральной ситуации в Приднестровье, что с момента начала создания республиканских представительных органов (с 1990 г.) и до настоящего времени выборы в парламент проводятся по мажоритарной системе, т. е. вне зависимости от модели формирования парламента (до 2000 г. – двухпалатный, позже – однопалатный) в нём заседают исключительно «одномандатники». С одной стороны, это существенно снижает роль политических партий в местном избирательном процессе, поскольку членство в той или иной партии формально не является каналом рекрутирования в политэлиту через механизм выборов. С другой стороны, политические партии всё равно участвуют в избирательном процессе, поддерживая тех или иных кандидатов, которые, в свою очередь, руководствуются общими партийными установками и партийными ресурсами. В некоторой степени можно согласиться с тем, что на определенных этапах развития приднестровской политико-правовой системы деятельность политических партий являлась отражением формирования и борьбы элитных групп¹.

В 2000 г. приднестровский «истеблишмент» предпринял дополнительные усилия по сохранению лидирующих позиций. В частности, была утверждена новая редакция ряда ключевых положений Конституции, в соответствии с которой Приднестровье было преобразовано в президентскую республику, а роль парла-

¹ Алпатин П. А. Партийная система Приднестровья как отражение борьбы элитных групп // Аналитический бюллетень ИСПИРР. 2020. № 1-2. С. 57.

мента — существенно ограничена. В силу этого Верховный Совет в определенной степени отказался от лидирующих позиций по формированию местной политэлиты; вместе с тем были созданы условия для прихода к власти непосредственно приднестровской политической элиты, которая меньше зависела бы от внешних и исторических факторов.

Помимо четкого закрепления того факта, что Приднестровье является президентской республикой, конституционные поправки 2000 г. изменили механизм формирования политической элиты в узком смысле. Если до этого центральным органом исполнительной власти было правительство как самостоятельный институт, то теперь вводился институт кабинета министров, который не обладал самостоятельными полномочиями. Верховный Совет никак не мог повлиять на кадровую политику президента применительно к исполнительной власти; для отрешения парламентом от должности любого должностного лица в исполнительной вертикали требовался запуск полноценной процедуры импичмента, что даже гипотетически вряд ли представлялось возможным.

Следует признать, что эти изменения в политической системе в значительной степени способствовали профессионализации политэлиты, а также ее интеграции и консолидации. Ядро политэлиты окончательно переместилось к позиции президента, от которого стала напрямую зависеть судьба большинства её представителей; при этом глава Приднестровья не препятствовал появлению новых лиц на региональной политической сцене. Поправки 2000 г., изменившие характер политической системы республики, в немалой степени обусловили то, что с этого времени понятие «политическая элита» всё больше начинало ассоциироваться с исполнительной властью.

Взаимодействие политической элиты с политическими партиями

В рассматриваемый период происходит становление приднестровской партийной системы. Создаются и участвуют в различных электоральных циклах такие партии и блоки, как местные Коммунистическая партия (в компартии происходит раскол, что приводит к формированию двух конкурирующих друг с другом партий), Аграрная партия, «Движение за развитие Приднестровья», Партия наро-

довластия, партия «Народный Союз» и др. На данном этапе закладывается одна из основных характеристик партийной системы республики: партии становятся не массовыми движениями, а выраженными лидерскими структурами, что соответствует политической системе Приднестровья, которая носит персонализированный характер. Кроме того, партии (за редким исключением) становятся выразителями не столько общественных интересов, сколько политических интересов или политэлиты (так называемые «партии власти»), или крупного бизнеса.

Основные политические силы в электоральной парламентской кампании этого этапа были сгруппированы в три блока: «левые», «центр», «патриоты», без выраженного «правого» сегмента¹.

Особого внимания изучаемый период в контексте укрепления позиций приднестровской политэлиты заслуживает и в силу того, что в рамках избирательной кампании 1995 г. была предпринята первая попытка создания приднестровской «партии власти» — «Движения за развитие Приднестровья» (ДЗРП). Данное общественное движение было представлено преимущественно административным персоналом разных структур, профсоюзными деятелями, депутатами советов различных уровней, научной-технической интеллигенцией². С одной стороны, движение претендовало на максимально широкий охват всех групп вне зависимости от общественно-политической стратификации. С другой стороны, лидирующие роли в нем занимали именно представители высшего управленческого звена как промышленности, так и государственного аппарата, что предопределяло статус движения в качестве «центристского». Формально ДЗРП и его симпатизанты получили порядка 80% голосов избирателей³, однако в дальнейшем оно утратило свои позиции.

Специфика приднестровского прообраза «партии власти» состояла в том, что ДЗРП пыталось снизить радикализм местных «левых» (в чем, по сути, повторяло путь таких партий, как «Наш дом – Россия», или аналогичных украинских / мол-

¹ Дирун А. В., Бобкова Е. М., Лысенко В. В. и др. Политические партии, движения и организации Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь: 2004. С. 44.

² Приднестровье: выбор пути. Тирасполь: Фонд «Причерноморье», 1995. С. 38.

³ Бомешко Б. Г. Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики, 1990-2010. С. 91.

давских партий). Значительное внимание ДЗРП уделяло политической проблематике, представляя собой «умеренное» крыло политэлиты. В программных документах Движение высказывалось за строительство общего с Молдовой государства, что было довольно неожиданным для приднестровской политэлиты; причем взгляды ДЗРП разделял тогдашний глава внешнеполитического ведомства Приднестровья В. Лицкай¹.

Приднестровский опыт создания «партий власти» не является чем-то уникальным. Такого рода структуры были эффективными лишь на конкретном историческом этапе, после чего в силу различных факторов (уход из власти ключевых должностных лиц и т. п.) эти институты становились мало востребованными, а на смену им приходили новые общественные движения и партии.

Более того, ситуацию вполне оправданно характеризовали как «обострение борьбы между сторонниками и противниками [рыночных] реформ»², поскольку, как отмечено выше, в Приднестровье наблюдалась крайне высокая степень активности «левого» движения, пытавшегося через парламент занять доминирующие позиции в механизме государственного управления и в политической элите Приднестровья, хотя лидером «левого блока» выступал профессор В. Яковлев, одновременно являвшийся и депутатом Верховного Совета Приднестровья, и ректором ПГУ им. Т. Шевченко (до 1996 г.). «Левый блок», рассчитывавший на победу в условиях сложной социально-экономической ситуации, действовал наиболее организованно в рамках кампании 1995 г., однако это не принесло ему серьезного успеха, а его представительство в приднестровском парламенте как было, так и осталось незначительным.

Хотелось бы вновь обратить особое внимание на одну из тенденций в формировании местной партийной системы, которая в рамках внутриэлитного консенсуса сохранялась в рассматриваемый период: практически все основные политические силы выступали (и выступают сейчас) своеобразными «клонами» аналогичных по сути и целям политических сил РФ.

¹ См., напр.: Приднестровье: выбор пути. Тирасполь, 1995. С. 18, 48.

² Там же. С. 24.

К примеру, приднестровские коммунисты раскололись по российской модели на «непримиримых» и «конформистов», причем последние, тесно сотрудничающие с КПРФ и Партией коммунистов Молдовы, в целом остаются узнаваемыми в партийной системе Приднестровья и в настоящее время.

Приднестровские «либерал-демократы», заявившие о себе как об отдельной партии в середине 1990-х, вполне предсказуемо пошли по пути «старших товарищей» из России.

К следующему электоральному циклу, т. е. в канун выборов в Верховный Совет 2000 г., электоральная кампания в Приднестровье также не особенно отличалось от российской. Например, силами ряда крупных промышленных структур было создано общественно-политическое движение «Единство Приднестровья», всячески подчеркивавшее своё фактическое тождество с весьма популярным в 1999 г. российским «Единством», хотя на деле было ближе к российскому блоку «Отечество – вся Россия». По сути, в Приднестровье кампания 2000 г. отличалась от предвыборной ситуации 1995 г. тем, что основные «баталии» развернулись не между «правыми» и «левыми», а между отдельными сегментами правоцентристского блока, которые отражали интересы крупного бизнеса.

Действовавшая политическая элита республики расценила масштабную избирательную кампанию «Единства Приднестровья» как угрозу своему доминирующему положению, особенно с учетом того, что это движение опиралось на сегмент крупных промышленных предприятий, весьма влиятельных в приднестровской политической системе рассматриваемого периода, а также на определенные ресурсы в Российской Федерации, в особенности блока «ОВР». В итоге регистрация данного движения была отменена, а его лидеры лишены статуса кандидатов в депутаты.

«Левые» силы и на уровне отдельных персоналий, и на уровне организованных структур в Приднестровье к 2000 г. существенно деградировали и не могли составить серьезной конкуренции «правым» политформированиям. Деградация «левых» была обусловлена отсутствием в их рядах узнаваемых лидеров, а также

отсутствием новых программных идей на фоне тиражирования старых лозунгов, что снизило мобильность «левых»¹.

Впервые в партийной системе формируются общественно-политические движения «правого» спектра: к таковым относится движение «Обновление», связанное по местным экспертным оценкам с крупным финансово-промышленным холдингом «Шериф», который в то время только становился серьезным игроком на политическо-экономическом поле Приднестровья, но уже выдвигал амбициозные задачи по делегированию своих представителей в приднестровскую политическую элиту.

Подводя итог рассмотрению второго этапа развития политической элиты Приднестровья, мы считаем возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, происходит институционализация приднестровской политической элиты: данная группа осознает свою самостоятельность и стремится решать задачи через политические институты и органы государственной власти. Посредством реформирования политической системы политэлита Приднестровья переносит «элитный центр» в сегмент исполнительной власти, в особенности к институту президентства и его окружению.

Во-вторых, в данный период создаются новые, специфические каналы рекрутирования приднестровской политической элиты, а также происходит переориентация процесса подготовки кадров для политэлиты на местные возможности (изменяется статус местных учебных заведений, причем Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, реформированный по модели классического университета и вошедший в образовательное пространство РФ, становится кузницей кадров для политэлиты). Выделяется и национальный канал рекрутирования элиты.

В-третьих, формируются основные характеристики партийной системы Приднестровья: ее ситуативность, зависимость от электоральных циклов, привязка к конкретным персоналиям, а также задействование базовых моделей, присущих партийной системе России. При этом значение «левых» политических сил суще-

 $^{^1}$ Дирун А. В., Бобкова Е. М., Лысенко В. В. и др. Указ соч. С.52.

ственно снижается, их представители уходят из политической элиты, а основная политическая конкуренция разворачивается между «правыми» и «центристами».

В-четвертых, приднестровская политическая элита уделяет особое внимание своей внутри- и внешнеполитической легитимности. Во внутриполитическом контексте приднестровская политэлита поступательно выравнивает диспропорции в этническом представительстве, обеспечивая тем самым более высокий уровень репрезентативности. На внешнем периметре приднестровская политэлита активно реализует функцию межэлитной коммуникации с аналогичными акторами за рубежом.

§ 3. Самодостаточность и профессионализация политической элиты Приднестровья

По нашему мнению, период 2000–2011 гг. может рассматриваться как ключевой этап в формировании собственно приднестровской политической элиты. Парламент, избранный в декабре 2000 г. уже по новым правилам, а также вторая волна партийного строительства середины 2000-х стали ключевыми предпосылками для прихода к власти новых лиц, т. е. для смены поколений элиты. Рубеж веков выступил «точкой отсчета» для начала смены элит в постсоветских государствах, и Приднестровье не было в этом плане исключением.

Состав политической элиты Приднестровья, ее приоритетные функции и интересы.

Наиболее значимой тенденцией рассматриваемого периода становится укрепление политической элиты как верхней страты политэлиты в широком смысле, а также ее первого подкласса. Каналы внешнего рекрутирования уменьшаются; первые роли играют представители уже не постсоветской, а собственно приднестровской политэлиты, поэтому мы предлагаем термин «самодостаточность» для характеристики данного периода.

Влияние бизнес-элиты остается достаточно сильным, но бизнес-элита уходит «в тень», а ее лидеры избегают публичности, предпочитая действовать через такие институты, как политические партии, т. е. первый подкласс, и представителей бизнес-элиты в органах власти, особенно в парламенте. Соответственно роль второго подкласса формально снижается, но на деле остается достаточно весомой.

В данный период в республике сохранялись крупные промышленные предприятия, влиявшие как на благополучие населения, так и на перспективы развития приднестровской государственности в целом. Местное бизнес-сообщество достаточно окрепло для того, чтобы претендовать на оставшийся от СССР промышленный потенциал, однако еще не обладало достаточными ресурсами для того, чтобы стать собственниками этого потенциала классическими рыночными методами, т.е. через выкуп предприятий по адекватной цене. Нарождавшиеся местные

бизнес-группы предпочли пойти по проторенной в других республиках дорожке: делегировать своих представителей во власть, что в последующем должно было облегчить приватизацию интересующих объектов с помощью административного ресурса.

Во многом благодаря выбору такого подхода крупнейший торговопроизводственный холдинг Приднестровья, ООО «Шериф», стал в период 2000— 2011 гг. собственником ряда крупных предприятий, включая региональные телефонные сети, Тираспольский винно-коньячный завод «KVINT», тираспольское хлопчатобумажное объединение «Тиротекс» и др., а его представители заняли значимые позиции в составе приднестровской политэлиты, создав себе стартовый политический капитал.

В принципе, приднестровский бизнес изначально пошел в политику для укрепления своих экономических возможностей; в дальнейшем, как и в других государствах, политические амбиции и необходимые ресурсы позволили бизнесу трансформировать свои экономические возможности в политическую власть, а представители бизнеса, делегированные в органы власти, стали неотъемлемой частью местной политической элиты. Интересной представляется точка зрения, согласно которой внутриэлитная конкуренция в данный период «была похожа на битву старой и новой экономической элиты, т.е. руководства промышленной отрасли и компании "Шериф"»¹, хотя, на наш взгляд, значение борьбы бизнес-групп внутри приднестровской элиты не стоит переоценивать.

Считаем вполне оправданным говорить о том, что Верховный Совет, избранный в 2000 г., стал основой для формирования собственно приднестровской политической элиты.

Во-первых, парламент этого созыва был вполне репрезентативен с этнической точки зрения: из 43 избранных депутатов 15 являлись этническими украинцами, 13 – русскими, 10 – молдаванами, 2 – болгарами, также были представлены один еврей, гагауз и чуваш; причем примерно в таких же пропорциях по нацио-

¹ Strautiu E. A comparative analysis of the development on the two banks of the Dniester river: implemented policies, desirable policies. Sibiu: Techno Media, 2015. P. 110.

нальному признаку соревновались и кандидаты в депутаты (украинцев – 52, русских – 39, молдаван – 34)¹. Так что новый состав приднестровского парламента вполне отражал соотношение различных этнических групп в приднестровском обществе, а также свидетельствовал об их достаточно высоком уровне интеграции в общественно-политическую жизнь республики.

Во-вторых, в новом составе приднестровского парламента резко возросло присутствие выпускников местных вузов, в первую очередь ПГУ им. Т. Г. Шевченко. В новоизбранном Верховном Совете обладателей новых специальностей, открытых в ПГУ после распада СССР, было не менее 10%.

Важнейшей функцией приднестровской политической элиты рассматриваемого периода стала функция ситуативного реагирования, прежде всего в силу вмешательства внешнего фактора во внутриполитические процессы, а также начала серьезного давления на приднестровскую экономику. Наряду с данной функцией, приднестровская политическая элита, в особенности ее президентский сегмент, умело реализовывала лидерскую и интегративную функции, что позволило в короткие сроки добиться широкой общественной консолидации в 2006 г. Следует, однако, признать, что достигнутая консолидация не приобрела долгосрочного характера и уже к новому избирательному циклу приднестровское общество пришло в состоянии усталости от сложившейся ситуации.

Механизм формирования и основные каналы рекрутирования политической элиты Приднестровья

Состав приднестровского парламента, завершавший свой мандат в 2000 г., принял конституционные поправки, существенно ограничившие роль Верховного Совета в управлении государством. Вместе с тем парламентский канал попрежнему оставался важным каналом рекрутирования приднестровской политической элиты, поскольку через него во власть пришли новые люди, опиравшиеся на прямую поддержку населения в качестве источника легитимности (а не только на отношение к ним президента).

 $^{^{1}}$ Соин Д. Ю. Законодательная власть Приднестровья в зеркале выборов 2000 / под ред. В. И. Проценко. Тирасполь, 2001. С. 9.

Выборы в Верховный Совет Приднестровья третьего созыва стали ключевым источником формирования новой приднестровской политической элиты. Во многом это объясняет определенный разрыв между парламентами второго и третьего созывов, в частности то обстоятельство, что большинство повторно выдвинувшихся кандидатов в депутаты из числа парламентариев второго созыва проиграли в избирательной кампании своим конкурентам (из выдвинувшихся 43 депутатов второго созыва в третий парламент было избрано лишь 8 человек, что вполне обоснованно рассматривается как поражение прежней политической элиты, связанное с тем, что ее представители «не смогли четко сформулировать ответ на вопрос о результатах своей работы в течение предыдущих 5 лет» 1). Добавим также, что вопрос об «отчетности» за прежние пять лет вполне органично дополнялся потребностью в переменах, т. е. в смене поколений политической элиты Приднестровья.

В приднестровский парламент третьего созыва были впервые избраны лица, которые в дальнейшем заняли ключевые посты в приднестровской политической иерархии. Так, в 2000 г. в Верховный Совет были избраны депутаты Е. Шевчук (в 2011–2016 гг. – Президент Приднестровья), А. Каминский (в 2009–2012 гг. – Председатель Верховного Совета Приднестровья, в 2011 г. – кандидат на пост Президента), А. Сипченко (будущий глава пропрезидентской партии «Возрождение»), И. Казмалы (один из руководителей холдинга «Шериф»), П. Степанов (министр промышленности Приднестровья в 2007–2011 гг., председатель правительства Приднестровья в 2012–2013 гг.) и др.

Выборы 2000 г. стали своеобразным водоразделом между различными поколениями приднестровской политической элиты, вернее, между ее последним постсоветским и первым приднестровским поколениями.

Начиная с этого состава парламента усиливаются такие тенденции в рекрутировании политической элиты, как её профессионализация, взаимное делегирование представителей элиты между законодательным и исполнительным сегментами политэлиты, а также между политэлитой и бизнес-элитой, обретение по-

¹ Д. Соин. Указ. соч. С. 56.

литэлитой новых качеств, предполагающих её большую закрытость для внешних каналов. По сути, приднестровская политическая элита становится более профессиональной и закрытой, что вполне соответствует аналогичным тенденциям на постсоветском пространстве.

Приднестровская политэлита развивает наметившуюся в более ранние периоды тенденцию к «самовоспроизводству». В частности, укрепляются позиции ПГУ; параллельно усиливается роль кузницы кадров для местных силовиков: в 2002 г. местная школа милиции преобразуется в Высший юридический колледж МВД Приднестровья, а в 2003 г. – в Тираспольский юридический институт (ТЮИ) МВД Приднестровья¹. Примечательно, что новый приднестровский вуз изначально не участвовал в значимых международных мероприятиях, где ставился вопрос относительно эквивалентности дипломов Приднестровья международным требованиям, т. е. ТЮИ ориентировался преимущественно на формирование местной политэлиты (в силовом блоке).

В рассматриваемый период большее распространение получил личный канал рекрутирования политической элиты. К примеру, министром здравоохранения стал бывший заведующий кардиологическим отделением Тираспольской республиканской клинической больницы, неоднократно сопровождавший в качестве лечащего врача Президента в командировках. Таможенную службу возглавил старший сын президента, в то время как младший — занял кресло депутата парламента в 2005 г. и стал лидером одной из политических партий. Аналогичная тенденция сохранится и в дальнейшем.

Политическая система и политическая элита Приднестровья

Рассматриваемый период был отмечен несколькими серьезными внутриэлитными кризисами в Приднестровье, которые имели значение для всей внутриполитической ситуации в республике и оказали серьезное влияние на конфигурацию местной политической элиты.

Так, в 2003 г. исполнительная власть предприняла ряд усилий по дискредитации молодого и амбициозного представителя нового поколения приднестров-

¹ Смирнов И. Н. Вместе с Россией. Тирасполь: ТИПАР, 2007. С. 131.

ской политэлиты — Е. Шевчука, активное участие которого в работе Совместной конституционной комиссии по созданию совместного федеративного государства с Молдовой¹ (инициированной всё той же исполнительной властью) стало поводом для ряда информационно-пропагандистских выпадов со стороны консервативного крыла приднестровской политэлиты². Впрочем, этот конфликт не только не помешал, но, напротив, способствовал дальнейшему развитию политической карьеры Е. Шевчука.

Второй кризис состоялся в 2009 г., когда ряд парламентариев, представляющих «Обновление», инициировал в Приднестровье масштабную конституционную реформу, направленную на ограничение полномочий президента (так называемая «инициатива семнадцати»). По-видимому, молодое поколение приднестровской политической элиты попыталось взять реванш за неудачи 2006 г., о которых речь пойдет ниже.

Депутаты попытались расширить полномочия парламента в формировании исполнительных органов власти посредством возвращения в приднестровскую политическую систему института правительства.

Предложенная инициатива встретила резкое отторжение той части политической элиты, которая ориентировалась на Президента Приднестровья. С президентской стороны был запущен механизм встречной конституционной реформы, в проекте которой полномочия парламента были бы еще больше ограничены. Президентская вертикаль попыталась апеллировать к широким слоям населения и предложить проведение референдума о конституционной реформе, однако данная законодательная инициатива президента была отклонена Верховным Советом.

¹ Пришедшийся на рассматриваемый период федеративный процесс стал довольно существенным фактором для развития приднестровской политической элиты. Молдавская сторона оказалась более критичной к предложенной концепции. В итоге усилиями молдавской политэлиты при значительном давлении Запада федеративная модель урегулирования была отвергнута, а политические элиты сторон конфликта окончательно убедились в нецелесообразности взаимной инкорпорации, предпочтя сохранить независимый статус.

² Внутриэлитные кризисы в Приднестровье случались и ранее, к примеру во время избирательной кампании 1995 г., однако они имели скорее идеологический характер и касались преимущественно борьбы «левых» идей с нарождавшимися правоцентристскими подходами, в то время как конфликт 2003 г. носил действительно характер борьбы нового со старым, присущий непосредственно Приднестровью.

В развернувшейся публичной полемике, в которую был вовлечен широкий круг представителей политэлиты, было отмечено, что «события середины – конца 2009 г. раскололи приднестровское общество и привели к тому результату, которого не могли добиться недруги почти за 20 лет»¹.

К концу 2009 г. был достигнут и оформлен внутриэлитный компромисс между непосредственно политической элитой Приднестровья и бизнес-элитой, мнение которой было определяющим для парламентского большинства. Основной автор «инициативы семнадцати» Е. Шевчук покинул пост спикера парламента, в дальнейшем – и лидера партии «Обновление», а также отозвал свои инициативы. Президент отозвал свои конституционные инициативы, освободил от должности главы своей администрации тогдашнего вице-президента (фигура которого была также раздражающим фактором во внутриэлитных противоречиях) и согласился на создание совместного с парламентом механизма разработки конституционной реформы.

Окончательно данный компромисс был оформлен в 2011 г. с внесением в Конституцию согласованных поправок, в соответствии с которым Приднестровье по-прежнему оставалось президентской республикой, но в политическую систему возвращался институт правительства — центрального органа исполнительной власти; президент выводился «за скобки» и формально переставал быть главой исполнительной власти, хотя все назначения, кроме главы правительства, мог осуществлять самостоятельно.

Отставка Е. В. Шевчука в значительной мере способствовала формированию его имиджа как политика, «пострадавшего» и от «старой» элиты, и от «олигархов», что позитивным образом сказалось во время президентской избирательной кампании 2011 г.

Взаимодействие политической элиты с политическими партиями

¹ Караман А. А. Становление правового государства и гражданского общества в Приднестровской Молдавской Республике // Гражданское общество и правовое государство: Опыт становления и перспективы развития: сб. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Тирасполь, 2010. С. 39.

Развитие приднестровской политической системы получило серьезный импульс в 2000 г., после утверждения обновленной версии закона «О политических партиях». Закон зафиксировал сроки, в течение которых партии должны были подтвердить свой правовой статус, в противном случае они подлежали ликвидации.

К периоду 2005—2006 гг., т. е. к очередному политико-избирательному циклу, новая генерация приднестровской политэлиты подошла как организационно и морально подготовленная самостоятельная политическая сила.

В 2005 г. состоялись очередные выборы в Верховный Совет, по итогам которых «наиболее влиятельной силой в парламенте стало общественное движение "Обновление", выражающее интересы бизнес-элиты Приднестровья, и конкретно – крупнейшей и влиятельнейшей в Приднестровье предпринимательской и финансовой структуры – ООО "Шериф"»¹, причем один из лидеров данной партии – Е. Шевчук возглавил приднестровский парламент в конце 2005 г.

Указанная избирательная кампания могла бы считаться «второй версией» приднестровской попытки создания «партии власти», однако это не совсем так. Во-первых, «Обновление» воспринималось как оппозиционное движение, которое даже своим названием пыталось предложить избирателю альтернативу в сравнении с прежним политическим курсом приднестровских властей. Во-вторых, ситуация в государстве стала весьма специфичной: победа «Обновления» на парламентских выборах привела к тому, что президент в президентской республике утратил основную часть рычагов влияния на местный парламент, где основные полномочия оказались сосредоточены в руках крупного бизнеса. Иными словами, на выборах 2005 г. победила не «партия власти», а партия, претендующая на такой статус, т. е. «Обновление» рассчитывало на дальнейшее укрепление своих позиций, что и было сделано во время президентской избирательной кампании 2011 г., когда «Обновление» пошло на открытый конфликт с исполнительной властью и попыталось помочь тогдашнему лидеру партии, спикеру парламента А. Каминскому стать главой Приднестровья.

 $^{^1}$ Коробов В., Бянов Г. Обновление Приднестровья. Херсон : Надднепряночка, 2006. С. 3.

Активность молодого и амбициозного политика Е. Шевчука, поддержанного ведущей региональной финансово-экономической силой в лице холдинга «Шериф», стала очевидной для приднестровских избирателей. Уже в начале 2006 г. Е. Шевчук, опираясь на парламентские ресурсы и крупнейшую парламентскую фракцию «Обновление», на депутатскую группу «ЗУБР» («За объединение Украчны, Белоруссии и России»), созданную по аналогии с подобными движениями в упомянутых странах, а также на финансовую помощь ключевого «донора» движения «Обновление», запустил очевидную собственную избирательную кампанию (в декабре 2006 г. проводились президентские выборы в Приднестровье, причем мало кто сомневался в успехе молодого поколения приднестровской политэлиты).

Параллельно с середины 2000-х гг. в Приднестровье начинается мощная вторая волна партийного строительства, которую некоторые авторы даже называют «политическим блицкригом»¹. За период 2006–2007 гг. в республике регистрируются в качестве политических партий «Обновление», Народно-демократическая партия «Прорыв», Патриотическая партия Приднестровья (во главе с сыном тогдашнего Президента Приднестровья), «Народная воля Приднестровья», Приднестровская республиканская партия, немногим позже – «Справедливая республика».

При этом партийное строительство в Приднестровье по-прежнему следовало основным тенденциям, заложенным ранее: практически все партии ориентировались на конкретный аналог в России («Обновление» – на «Единую Россию», Патриотическая партия Приднестровья – на «Справедливую Россию», «Народная воля Приднестровья» – на партию с аналогичным названием во главе с С. Н. Бабуриным). Кроме того, партии оставались персонифицированными структурами (как и в целом политическая система Приднестровья), которые были узнаваемыми прежде всего благодаря своим лидерам.

¹ Коробов В. Становление многопартийности в Приднестровье : новые политические реалии и старые призраки // Вестник Центра исследований Южно-украинского пограничья. 2007. № 1-2. С. 27.

Партийное строительство отражало в целом расстановку сил в межэлитных противоречиях, а также то, что в политэлите Приднестровья начал формироваться альтернативный центр в виде парламента. По сути, партии различались не партийными подходами к будущему государства, а тем, какую из групп политэлиты та или иная партия поддерживает (исполнительный или представительный сегмент).

Заслуживает внимания то, что партийное строительство развернулось уже после парламентской избирательной кампании 2005 г. Это свидетельствует о том, что основные планы идеологов партийного строительства были связаны с президентской кампанией 2006 г. (по крайней мере, для «Обновления») и созданием массовой поддержки новых лиц в элите.

Однако на процесс развития приднестровской политической элиты серьезно повлиял внешний фактор, без понимания которого весьма сложно анализировать внутреннюю логику формирования местной политэлиты и тех событий, которые обусловили ее дальнейшее развитие.

Начиная с 3 марта 2006 г. украинская сторона отказалась пропускать через свою территорию приднестровские грузы, не имеющие таможенно-документального оформления в Молдове¹. Обязательным условием получения разрешительных документов стала необходимость регистрации приднестровских предприятий в РМ и получение в молдавских органах власти всех необходимых разрешений.

Эти действия украинской и молдавской сторон предсказуемо были расценены приднестровским руководством как экономическая блокада.

Во внутреннем периметре действия Молдовы и Украины стали медвежьей услугой для новой генерации политэлиты Приднестровья во главе с Е. Шевчуком: на фоне блокады руководство республики во главе с И. Смирновым не просто сохранило за собой политическую инициативу, но и сумело ее трансформировать в ресурс сохранения власти. Более того, «старая гвардия» смогла заставить молодое

¹ Совместное заявление Премьер-министров Украины и Республики Молдова от 30 декабря 2005 года // Сборник документов, относящихся к Совместному заявлению Премьер-министров Молдовы и Украины. Кишинев, 2006. С. 13.

поколение действовать в унисон, обеспечивая тем самым видимость широкого общественного консенсуса.

В 2006 г. приднестровская политическая элита, сконцентрированная вокруг Президента ПМР И. Смирнова, продемонстрировала лучшие качества «кризисных менеджеров», т. е. умение оперативно реагировать на возникающие вызовы, быстроту и качество реакции, способность использовать внешние факторы для достижения внутриполитических целей и т.д. Президент И. Смирнов воспользовался ситуацией для подтверждения своей незаменимости на посту главы Приднестровья, что было воспринято и международными субъектами, и местным населением. Согласно данным по итогам президентских выборов 2006 г., И. Смирнов одержал убедительную победу, а его потенциальные конкуренты предпочли даже не выставлять свои кандидатуры.

Таким образом, новое поколение местной политэлиты было вынуждено на том этапе отказаться от дальнейшего участия в конкурентной борьбе, поскольку его изначально неплохие стартовые позиции не позволяли соперничать со «старшими товарищами».

Новое поколение приднестровской политической элиты в итоге не смогло попасть «в тренд» региональных политических процессов: смена поколений была отложена до конца 2011 г., т. е. до следующего электорального цикла, что негативно сказалось на качестве приднестровской политической элиты рассматриваемого периода.

Процесс смены поколений в приднестровской политэлите был отброшен назад вследствие влияния внешнего фактора: по сути, совместные действия Украины и Молдовы обеспечили первому приднестровскому президенту И. Смирнову переизбрание на новый срок в 2006 г., хотя все предпосылки для создания серьезной политической конкуренции в республике были созданы уже к концу 2005 г.

С одной стороны, Приднестровье избежало «цветных революций» происходивших в 2003—2006 гг. на постсоветском пространстве, когда новые поколения местных политических элит занимали лидирующие позиции во властных структурах соответствующих республик. В Приднестровье также были созданы все не-

обходимые условия для смены поколений в политической элите. Победа Е. Шевчука на президентских выборах 2006 г. казалась вполне предрешенным делом, помешать которому вряд ли могли бы местные факторы.

С другой стороны, в Приднестровье произошла искусственная «заморозка» процесса смены элит, когда прежнее поколение политэлиты получило благодаря внешнему давлению возможность показать свою эффективность. Эта «заморозка» привела к деградации приднестровской политической элиты: накопленный в парламентских стенах опыт требовал реализации на уровне управления государством в целом, однако условий для этого не было. По сути, Е. Шевчук и представляемая им команда не смогли вовремя реализовать свой потенциал. Факт «перегорания» нового поколения приднестровской политической элиты из-за того, что она не сумела прийти к власти в положенный срок, т. е. в 2006 г., еще потребует детального анализа, однако уже сейчас понятно, что кризисы 2013—2016 гг., связанные непосредственно с пребыванием нового поколения приднестровской политэлиты у власти, во многом обусловлены его неготовностью к тем вызовам и угрозам, которые формировались в период 2006—2011 гг. – в период «несбывшихся надежд» и «неизбранных лидеров».

Подводя итоги исследования данного этапа развития приднестровской политической элиты, мы считаем возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, приднестровская политическая элита развивалась в целом в соответствии с общими тенденциями развития аналогичных субъектов в других постсоветских странах. Это проявилось, помимо прочего, в ее постепенной профессионализации, тенденции к большей закрытости, способности к самовоспроизводству, а также в попытках приднестровского крупного бизнеса делегировать во власть своих представителей для отстаивания собственных экономических интересов.

Во-вторых, к 2000 г. окончательно оформляется собственно приднестровская политическая элита, которая приходит на смену постсоветскому поколению политэлиты. Приднестровская политическая элита опирается на свои традиции, ка-

налы рекрутирования, а также является репрезентативной для представления интересов местного населения.

В-третьих, к 2006 г. в Приднестровье были созданы необходимые институциональные и политические предпосылки (высокий уровень представительства крупного бизнеса в приднестровском парламенте, наличие у нового поколения политэлиты достаточных информационных и финансовых ресурсов и пр.) для смены поколений политической элиты, что, однако, не было реализовано из-за вмешательства внешнего фактора. В итоге смена поколений политэлиты была перенесена на пять лет. За этот период потенциально новое поколение приднестровской политэлиты основательно деградировало.

В-четвертых, в Приднестровье в рассматриваемый период укрепляется партийная система, основанная на изменении партийного законодательства. За короткое время происходит формирование сразу нескольких политических партий, которые продолжают сложившиеся ранее традиции, в частности проявляют лидерскую сущность, выражают интересы конкретной группы в политической элите, а также ориентируются на партийную систему России. Утрата интереса к той или иной партии со стороны соответствующей элитной группы или персоналии приводит к остановке такого партийного проекта в целом.

В-пятых, изменение в 2011 г. политической системы Приднестровья стало результатом внутриэлитного консенсуса, позволившего на тот момент основным центрам принятия решений сохранить свои позиции без существенных имиджевых потерь. В то же время достигнутый компромисс не учитывал объективной картины, которая сложилась в Приднестровье, в первую очередь в части оценки действий элиты со стороны местного населения. Кроме того, в конце 2011 г. президентский сегмент политической элиты не сумел обеспечить преемственность проводимого курса в значительной мере из-за чрезмерной уверенности в победе на выборах и недооценки общественных настроений, игнорирования уровня доверия населения и его оценок в отношении политэлиты.

§ 4. Состояние приднестровской политической элиты в контексте последних электоральных циклов. Изменения в политической элите Приднестровья и перспективы ее развития

Президентские выборы 2011 г. обусловили значительные изменения в структуре и составе политической элиты Приднестровья, когда к власти пришел новый Президент Е. Шевчук и его команда. Динамика данного процесса стала своеобразной реализацией концепта смены элит, который мог бы реализоваться в Приднестровье ранее. Более того, специфика такой смены элит в значительной степени обусловила ту ситуацию, которая сложилась по итогам электорального цикла 2015–2016 гг. и которая влияет на формирование новых трендов в рамках электорального цикла 2020–2021 гг.

Победа Е. Шевчука на президентских выборах 2011 г. позволила некоторым авторам даже говорить в целом о смене политической элиты Приднестровья¹. Нам такой подход не представляется оправданным с научной и фактической точек зрения.

Во-первых, в течение длительного времени сам Е. Шевчук являлся одним из наиболее заметных представителей местной политэлиты. На протяжении более чем 10 лет к моменту избрания на пост Президента Е. Шевчук занимал ответственные посты в законодательной власти, включая должности Председателя Верховного Совета (декабрь 2005 г. – июнь 2009 г.) и лидера «Обновления» (до лета 2010 г.). Как справедливо отмечают местные эксперты, эта политическая сила смогла на теме «противодействия тому, производной чего во многом являлась сама, выстроить кампанию»² и победить.

Причиной отставки Е. Шевчука с поста спикера парламента стал внутриэлитный конфликт. Одновременно Е. Шевчук достаточно долгое время занимал

¹ Галинский И. Н. Модернизация системы государственного управления Приднестровской Молдавской Республики в новых политических условиях // Общественная мысль Приднестровья. 2012. № 2. С. 46.

² Пинчук А. Ю. Концепция критики приднестровской власти // Вестник Центра социальнополитических исследований, содействия безопасности и информационных технологий «Прогноз». 2012. № 1. С. 5.

пост руководителя «Обновления», которое имело самую большую парламентскую фракцию и контролировало парламентское большинство.

Несмотря на уход с должностей лидера партии и спикера парламента, Е. Шевчук сохранил депутатский мандат, а в ходе парламентской избирательной кампании 2010 г. проходил по спискам партии «Обновление», поддержавшей его в качестве кандидата по одномандатному округу. Таким образом, Е. Шевчук не «выпадал» из приднестровской политической элиты.

Во-вторых, руководство Е. Шевчуком Комиссией Верховного Совета по внешней политике и международным связям, а в последующем и Верховным Советом в целом позволило ему обеспечить прямые связи с зарубежными политическими элитами. Первым шагом в реализации межэлитной коммуникации с зарубежными политическими элитами стал этап 2003 г., когда Е. Шевчук возглавлял приднестровскую делегацию в Совместной конституционной комиссии. Более того, в отличие от представителей приднестровского руководства, против которых с 2003 г. Европейский Союз, США и некоторые другие страны ввели визовые ограничения (что обоснованно рассматривалось некоторыми авторами как попытка воздействия на политическую элиту Приднестровья 1), Е. Шевчук достаточно свободно участвовал в международных мероприятиях за пределами Приднестровья. Самым известным международным событием с участием Е. Шевчука до его избрания на пост президента можно считать конференцию по приднестровской проблематике в Уилтон-парке (Великобритания) в сентябре 2008 г. В дальнейшем для Е. Шевчука стал более выраженным российский вектор, и ему удалось обеспечить контакт с рядом представителей российской политэлиты, которые демонстрировали ему политическую поддержку, в том числе во время президентских выборов.

В-третьих, команда Е. Шевчука, неэффективность которой стала одной из причин поражений в ходе электорального цикла 2015–2016 гг., также не возникла

¹ См., напр.: Муцушика Ш. Евросоюз и Россия о проблеме Приднестровья // Приднестровье в макрорегиональном контексте Черноморского побережья: Сборник статей / Научный редактор К. Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2008. С. 145.

² Шевчук Е. В. Нам здесь жить... Тирасполь : ЗАО «ТИПАР», 2010. С. 63.

«из ниоткуда». Подавляющее большинство новых назначенцев имело опыт работы в качестве подчиненных Е. Шевчука в аппарате Верховного Совета в тот период, когда он возглавлял высший законодательный орган Приднестровья, или же работали в аппарате руководимых им комитетов и комиссий парламента. Иными словами, повысился статус тех, кто ранее входил в состав первого подкласса политической элиты в широком смысле. Кроме того, в состав политэлиты в узком смысле вошли лица, которые и ранее входили в нее (экс-министр промышленности в правительстве прежнего президента стал премьер-министром в 2012 г.; чиновник, занимавший более десяти лет пост главы Дубоссарского района, член Центральной избирательной комиссии, после выборов был назначен руководителем приднестровских органов государственной безопасности, а в 2014 г. — секретарем местного Совета безопасности; сохранил свою должность глава приднестровской делегации в руководстве миротворческим процессом в регионе и т. д.).

Е. Шевчук выступил выразителем настроений серьезной части приднестровского электората, причем ключевой предвыборный «месседж» Е. Шевчука «За перемены!» стал его наиболее успешным электоральным проектом. Приднестровское население, в котором были сильны протестные настроения, поддержало курс на перемены, связывая с ним смену персоналий в политической элите республики. Зарубежные исследователи объясняли победу Е. Шевчука прежде всего «ожиданиями населения относительно снижения уровня коррупции и повышения стандартов жизни»¹, хотя, по нашему мнению, ключевым фактором всё же был запрос на персональные изменения в составе политической элиты, на вовлечение в политическую деятельность молодых лиц. К тому же к моменту президентских выборов в глазах электората Е. Шевчук решил одну из ключевых задач: он сумел сформировать у избирателей впечатление «равноудаленности» как от действующей власти в лице И. Смирнова, находившегося к тому времени на президентском посту 20 лет, так и от холдинга «Шериф», который воспринимался как монополист, диктующий свои условия населению и пользующийся преференциями вла-

¹ Oleksy P., Calus K. Expectations and reality collide in Tiraspol // New Eastern Europe. 2013. № 2 (VII). P. 98.

сти. Е. Шевчук стал, по сути, «третьей силой», с приходом к власти которой население связывало свои ожидания, тем более что потребность «в реальных переменах, а не их имитации, была куда выше, чем сбалансированность оценок»¹. Соответственно завышенные ожидания населения, надежды на немедленное изменение ситуации к лучшему не позволили дать адекватную оценку потенциалу Е. Шевчука и его команды, анонсированной им программы развития республики («Программа 555», которая так и не была представлена публично) и другим факторам.

Впрочем, на тот момент победа Е. Шевчука представлялась вполне предопределенной на фоне социологических исследований, подтверждавших, что тогдашнее руководство оказалось «неспособным вывести из кризиса, решить многие проблемы»².

Заложенные в период выборов ключевые постулаты кампании, в том числе упомянутый выше «За перемены!», а также «Порядок будет», стали основой для целеполагания пришедшего к власти нового поколения приднестровской элиты: новые лица во власти, появившиеся на волне протестного голосования, артикулировали протест против той системы, которая их сформировала и «воспитала». Поэтому они пытались абстрагироваться от прежнего состава политэлиты, подчеркнуть начало абсолютно нового этапа приднестровской государственности. В некоторых сферах представители новой команды старались просто не упоминать о действиях своих предшественников, в некоторых – предпочитали подвергать действия экс-руководителей достаточно острой критике, обвиняя их в созданных проблемах.

Во время электорального цикла 2015–2016 гг. оппоненты Е. Шевчука в целом применяли схожую риторику, хотя и не пользовались четкими лозунгами. Основной посыл избирателям был также ориентирован на необходимость перемен, готовность и способность претендентов изменить существующую ситуацию, а также обеспечить решение таких острых социальных проблем, как коррупция, изби-

¹ Пинчук А. Ю. Указ. соч. С. 5.

² Бобкова Е. М., Олейников С. В. Приднестровье как цивилизационно-исторический феномен : монография. Тирасполь : Изд-во Приднестр. ун-та, 2015. С. 168.

рательность в применении законодательства, родственные связи во власти и т. п. При этом В. Красносельский, преемник Е. Шевчука на посту Президента Приднестровья, регулярно использовал во время своей кампании «правоохранительную» риторику, включая цитаты из советской киноклассики («Вор должен сидеть в тюрьме», «Честь имею» и т. п.), подчеркивая свою принадлежность к системе МВД в прошлом.

Как представляется, оба электоральных цикла подтвердили существование в Приднестровье общественного запроса на серьезные социально-политические изменения, причем этот запрос четко артикулировался именно на фоне избирательных кампаний, когда эксплуатация тезиса о неэффективности действующей власти или оппонентов достигала своего пика. Кроме того, ожидания электората были в значительной степени связаны с уровнем благосостояния населения, а невозможность (неспособность) каждого нового поколения политической элиты достичь быстрых и ощутимых результатов неизбежно приводила к очередному этапу разочарования и, как следствие, новому формированию запроса на перемены.

Претворение в жизнь приведенных электоральных слоганов Е. Шевчука должно было обеспечить приоритетное выполнение приднестровской политэлитой мобилизационной, консолидирующей и лидерской функций.

В частности, идея о «порядке» активно использовалась для обоснования мобилизационной функции приднестровской политической элиты. В СМИ активно обсуждалась тематика украинского кризиса 2014 г., социального недовольства в Молдове, острой фазы социально-экономического кризиса в Приднестровье. Данные вызовы в их внешнем и внутреннем измерении нацеливали местное население на консолидацию вокруг приднестровской политической элиты того периода, а любые попытки подвергнуть критике действия приднестровского руководства накануне электорального цикла 2015–2016 гг. представлялись тогдашним поколением политэлиты как «стремление дестабилизировать ситуацию».

При этом политическая элита, пытаясь мобилизовать местное население на борьбу с внешними и внутренними вызовами, в качестве главной консолидирующей идеи предлагала саму себя, т. е. консолидация должна происходить непо-

средственно вокруг приднестровской политэлиты, а не вокруг неких абстрактных идей и ценностей. Политэлита Приднестровья пыталась отождествить в сознании населения понятия «руководство страны» и «государство» в целом, что дает основания для приоритетности такого критерия оценки общественных настроений, как персональная лояльность власти. Лица, выражающие критические оценки, становятся оппонентами не только и не столько власти, сколько государству в целом.

Новый состав приднестровской политической элиты, пришедший к власти в 2015—2016 гг., в меньшей степени ставил задачу мобилизации населения. Используемые лозунги достаточно абстрактны; в качестве ключевого консолидирующего начала нередко выдвигается внешний фактор — наличие общественного консенсуса в Приднестровье относительно безусловной приоритетности отношений с Россией и связанной с этим фактором системы ценностей (уважение к семейным (традиционным) ценностям, православие, историческая и культурная преемственность, поликультурность и др.). Вопрос персональной лояльности имеет меньшее значение в силу особенностей механизма формирования приднестровской политэлиты, о которых речь пойдет ниже, однако проявления персональной «нелояльности», т. е. персонифицированных критических выпадов, воспринимаются достаточно остро.

Вопросу внутренней консолидации нынешняя приднестровская политическая элита также пытается уделять определенное внимание. В частности, в общем виде принципы внутренней консолидации сформулированы на основе концепции «трех С»: политической Стабильности, экономической Самодостаточности, социальной Справедливости. При этом политическая стабильность предполагает и внутри-, и внешнеполитическое (независимость и курс на интеграцию с Россией) измерения.

Для приднестровской политэлиты большое значение традиционно имеет внешний фактор как еще один элемент в реализации мобилизационной и консолидирующей функций, причем значение этого фактора существенно возрастает после начала украинского кризиса 2014 г. Приднестровская политэлита неизменно обращается к тезисам о «недружественном окружении», «внешней угрозе» и подобным практически с момента своего формирования. Украинские события

лишь усиливают востребованность данного фактора в реализации консолидирующей функции. При этом приднестровская политэлита нередко ссылается на внешние факторы в оправдание принимаемых непопулярных решений в социальной сфере. Одним из примеров такого рода стала увязка в приднестровском политическом дискурсе решения о фактической «заморозке» с 1 марта 2015 г. 30% заработных плат работникам бюджетной сферы, пенсий и других бюджетных выплат с неблагоприятной конъюнктурой на внешних рынках и ограничительными действиями со стороны Молдовы и Украины, а также с необходимостью укрепления обороноспособности Приднестровья по причине «украинской угрозы». В качестве иных примеров можно привести решение о девальвации приднестровской валюты в 2017 г., отказ от индексации пенсий и выплат бюджетникам на протяжении 2017–2018, 2020 гг. и другие решения, которые также объяснялись внешними факторами.

В целом нередко приписываемый Приднестровью «синдром осажденной крепости» может в определенной степени считаться выражением именно стремления к реализации консолидирующей функции элиты. Недружественные проявления в отношении Приднестровья, территориально «запертого» между Украиной и Молдовой, действительно имеют место на протяжении всей новейшей истории приднестровской государственности, что позволяет приднестровской политэлите неизменно их использовать. Вместе с тем допускаемая некоторыми авторами абсолютизация данного фактора как якобы свидетельства подавления в Приднестровье всех гражданских свобод пишена, по нашему мнению, каких-либо оснований. Современные информационные технологии обеспечивают населению возможность получения альтернативной информации, а в такой ситуации даже массированное применение государством подчиненного ему медиа-ресурса не дает особого эффекта. Люди, имея возможность получения различной информации и выражения своих мыслей, сами способны принимать осознанные решения, что и проявилось в период последних электоральных циклов.

¹ См., напр.: Munteanu I. and others. Moldova on its way to democracy and stability. From the post-soviet space into the world of democratic values. Chisinau: Cartier, Bons Offices, 2005. P. 148.

Следует обратить внимание еще на один элемент в реализации консолидирующей и мобилизационной функций, связанный с внешним фактором. Представители всего спектра приднестровской политэлиты традиционно пытаются апеллировать к аналогиям с популярными представителями политической элиты других стран, в первую очередь Российской Федерации. Претенденты на ключевые посты в приднестровской властной иерархии традиционно используют с целью «экстраполяции» те или иные характеристики ведущих российских политиков.

Наиболее востребованная черта — это принадлежность к силовым структурам (и нынешний лидер Приднестровья, и его предшественник имеют опыт службы в системе МВД и часто используют этот фактор в качестве свидетельства принадлежности к «силовикам»). В кампании 2015–2016 гг. использовались также отсылки к опыту российской политэлиты по «равноудалению олигархов».

Наконец, сам факт публичных контактов с представителями российского руководства может выступать одним из конкурентных преимуществ в политической борьбе в Приднестровье, а уровень и регулярность таких контактов рассматривается как один из важнейших показателей эффективности приднестровской политэлиты.

Обращает на себя внимание такая характерная составляющая реализации приднестровской политэлитой мобилизационной и лидерской функций, как «негативная консолидация», т. е. попытка мотивировать сохранение за собой лидерских позиций и власти в целом преимущественно за счет критики оппонентов. Так, во время электорального цикла 2011 г. Е. Шевчук строил свою кампанию в значительной мере на критике и действовавшей тогда власти, и крупного бизнеса в лице холдинга «Шериф». Он же в период выборных кампаний 2015–2016 гг. стремился сосредоточить избирателей на необходимости противодействия местным «олигархам», в которых легко угадывались представители всё того же крупного бизнеса. Попытка оппонентов команды Шевчука изменить этот тренд в 2016 г. имела серьезное значение для успеха кампании в целом, хотя, безусловно, и ошибки тогдашней исполнительной власти, ее непопулярные решения активно использовались в политической конкурентной борьбе. Нынешний состав по-

литэлиты, не имея заметных конкурентов на внутриполитическом пространстве, в меньшей степени нуждается в такого рода «негативной консолидации» и использует её приёмы косвенно, прежде всего во время привлечения к ответственности представителей прежней элитной группы.

Лидерская функция политической элиты Приднестровья, как и в других государствах, проявляется в ее стремлении взять под контроль все основные рычаги и инструменты государственной политики. В Приднестровье, впрочем, реализация этой функции со стороны политической элиты приобретает несколько гипертрофированные формы, поскольку местная политэлита нередко пытается взять под контроль и те сферы, которые, как правило, должны оставаться менее «зарегулированными» (деятельность СМИ, вопросы свободы слова, возможность осуществления научных контактов только по согласованию с государственными структурами и т. д.).

К примеру, Е. Шевчук, придя к власти, приложил усилия для прекращения функционирования ряда дискуссионных площадок в приднестровском сегменте сети «Интернет» после того, как на этих ресурсах возрос уровень критики в адрес нового руководства. Политэлита, пришедшая к власти в 2015–2016 гг., не предпринимает видимых действий в отношении свободы слова, однако это может быть обусловлено тем, что основные приднестровские СМИ лояльны действующей политэлите, а в сегменте соцсетей власть (за редким исключением) воздерживается от дискуссий.

По нашему мнению, риски такого подхода состоят в возможном нарастании тенденций к большей закрытости приднестровской политической элиты, ее стремлению к полной автономизации и неприятию критики в свой адрес. Мы согласны с тем, что закрытость элиты неизбежно ведет к ослаблению государства¹, поэтому в обозримой перспективе Приднестровье может столкнуться с новыми серьезными вызовами, не будучи подготовленным к эффективному реагированию на них. Электоральный цикл 2015–2016 гг. не привел к созданию новых «соци-

 $^{^{1}}$ Керимов А. Д. Стратегические просчеты российской политической элиты. М. : Норма : ИН-ФРА-М, 2011. С. 34.

альных лифтов» или к росту их эффективности, а лишь способствовал перераспределению существовавших ранее каналов рекрутирования элиты. Аналогичные тренды проявились и во время нового избирательного цикла, стартовавшего в 2020 г.

Лидерская функция приднестровской политэлиты в полной мере отражается в тезисе, озвученном Е. Шевчуком во время его президентства в своем ежегодном послании органам государственной власти и народу Приднестровья: «Время выбрало нас»¹. Это высказывание актуально и для нынешней генерации приднестровской политэлиты. Тем самым политэлита подчеркивает собственную роль в государственно-управленческих процессах и подтверждает готовность нести ответственность за их реализацию, хотя при этом не приемлет критики в свой адрес.

Кроме того, приднестровская политэлита четко дает понять, что будет реагировать на любые попытки передачи лидерской функции другим силам — неважно, оппозиции или внешним игрокам, и требует уважения своего нынешнего статуса. В то же время сегодняшний состав политэлиты Приднестровья, в отличие от предшественников, считает возможным обращаться за отдельными рекомендациями к другим поколениям местной политэлиты, в особенности к «отцамоснователям» государственности, рассчитывая на укрепление собственных позиций за счет их авторитета. При этом по мере укрепления позиций потребность в учете мнения первых поколений приднестровской политэлиты снижается.

Проявления лидерской функции приднестровской политэлиты можно анализировать на примере ряда внешних действий и инициатив. В частности, к таковым следует отнести провозглашение курса на евразийскую интеграцию «национальной идеей» Приднестровья² во время президентства Е. Шевчука. В соответствии с итогами референдума 2006 г. относительно курса республики подавляющее большинство населения высказалось в поддержку идеи независимости с последу-

¹ Ежегодное послание Президента Приднестровья Е. Шевчука к народу и органам государственного управления Приднестровья от 26 февраля 2015 года // ИА REGNUM. URL: https://regnum.ru/news/polit/1899755.html

² Концепция внешней политики Приднестровской Молдавской Республики // Дипломатический вестник Приднестровья. 2012. № 2 (8). С. 134.

ющим «свободным присоединением к Российской Федерации»¹. За период, прошедший после 2006 г., приднестровская политэлита приложила максимум усилий для того, чтобы в общественном сознании тезис о независимости совпадал с интеграцией в Россию; иными словами, между тезисом о независимости и тезисом об интеграции с Россией был поставлен знак равенства. В соответствии с таким подходом евразийская интеграция была провозглашена «выбором народа Приднестровья»², сделанным на референдуме 2006 г.

Кроме того, в течение 2017–2018 гг. приднестровская политическая элита пошла на согласование ряда политических компромиссов в рамках переговорного процесса с Республикой Молдова. Некоторые из достигнутых договоренностей были подвергнуты острой критике со стороны приднестровских общественных организаций, в первую очередь патриотической направленности (объединений защитников Приднестровья, иных движений). Речь шла о соглашениях по вопросам функционирования «румынских школ» на территории Приднестровья, выдачи «нейтральных» номерных знаков для приднестровского автотранспорта и др. Представители приднестровской политической элиты вынуждены были регулярно мотивировать свои действия, обосновывая их возможностью наступления более тяжелых последствий.

Нынешняя генерация приднестровской политической элиты, в отличие от предшественников, больше внимания уделяет некоторым другим своим функциям, в частности стратегическому прогнозированию. Политэлита пытается сформулировать стратегическое целеполагание и закрепить его на уровне отдельного документа. Если предвыборная программа ныне действующего президента («Народная программа В. Красносельского»³) носила в значительной мере прикладной характер и была в большей степени ориентирована на достижение электорального результата, то в настоящее время президентским указом утверждена

¹ См., напр.: Штански Н. В. Украинский кризис и международное признание Приднестровья // Молдово-приднестровский регион. 2014. № 3-4. С. 39.

² «Основное направление внешней политики Приднестровья – развитие отношений с Россией» // Дипломатический вестник Приднестровья. 2012. № 2 (8). С. 150.

³ Народная программа [кандидата в президенты Приднестровья] В.Н. Красносельского // URL: https://www.flipsnack.com/vkrasnoselsky/ftjavlflh.html

Стратегия развития Приднестровья до 2026 г. Основой Стратегии выступают такие упомянутые выше принципы, как внутри- и внешнеполитическая стабильность, экономическая самодостаточность и социальная справедливость. Работа над реализацией стратегии «трех С» должна осуществляться всеми ключевыми сегментами приднестровской политической элиты с привлечением общественных структур¹.

Приднестровская элита, во-первых, пока не ведет работы по долгосрочному планированию, ограничиваясь среднесрочной перспективой. Во-вторых, планирование четко привязано к очередным срокам электорального цикла: завершение 8-летнего срока стратегии «трех С» будет совпадать с очередной президентской кампанией и окончанием второго потенциального президентского срока ныне действующего главы государства.

В 2020 г. особую значимость для Приднестровья приобрела функция ситуативного реагирования на различные вызовы, причем реализация этой функции строилась на задействовании элементов мобилизационной и консолидирующей функций. Речь идет о пандемии заболевания COVID-19, в противодействии которой отразились наиболее существенные характеристики и задачи приднестровской политэлиты. Так, уже 31 января 2020 г. Указом Президента Приднестровья был введен ряд ограничений, в частности, ограничен въезд на приднестровскую территорию иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывающих из Китайской Народной Республики или из стран с подтвержденными случаями заболевания коронавирусом².

2 марта 2020 г. в Приднестровье был создан Оперативный штаб по профилактике и предотвращению распространения вирусной инфекции в Приднестровье. Руководство Оперштабом было возложено на главу МВД Приднестровья, с

¹ Стратегия развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019–2026 годы (утверждена Указом Президента Приднестровья № 460 от 12 декабря 2018 г.) // Официальный сайт Президента Приднестровья: URL: http://president.gospmr.org/strategiya-razvitiya/

² Указ Президента Приднестровья № 32 от 31 января 2020 г. «О превентивных мерах по недопущению распространения на территории Приднестровской Молдавской Республики коронавирусной инфекции» // Официальный сайт Президента Приднестровья. URL: http://president.gospmr.org/pravovye-akty/ukazi/o-preventivnih-merah-po-nedopuscheniyu-rasprostraneniya-na-territorii-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-koronavirusnoy-infektsii.html

предоставлением МВД новых полномочий. 16 марта Президент Приднестровья подписал Указ о введении на территории Приднестровья чрезвычайного положения, которым устанавливался целый ряд ограничений и который, с неоднократными изменениями и пролонгацией, действовал до отмены 16 июня 2020 г.¹

Несмотря на отмену режима чрезвычайного положения, многие ограничения были сохранены, как и ключевые полномочия Оперативного штаба². Наиболее резонансной стала возможность для большинства населения покидать территорию Приднестровья и въезжать в республику только по согласованию с Оперативным штабом вплоть до мая 2021 г. (в мае Президент Приднестровья принял решение восстановлении существовавшего до пандемии режима пересечения границы) и сохранение иных карантинных мер. В данном случае политэлите пришлось проявить и лидерские качества, поскольку на её уровне были приняты весьма непопулярные решения; кроме того, власти были поставлены перед необходимостью сделать непростой выбор в ситуации серьезного внутреннего недовольства и необходимости реализации комплекса санитарно-эпидемиологических мер.

В Приднестровье также сохраняет актуальность качественное определение состава политэлиты. Эмпирическим путем нами установлено, что в восприятии политических элит приднестровским населением определяющим является пре-имущественно структурно-функциональный подход. Так, 45,7% населения полагает, что в понятие «политическая элита» входят президент и приближенные к нему лица; 34% считает, что в политическую элиту входят чиновники, занимающие руководящие посты во всех ветвях государственной власти вне зависимости от степени приближенности к президенту; только 20,3% включают в политическую элиту авторитетных членов общества в целом, в том числе высших должностных лиц, общественных деятелей, партийных лидеров, ученых и журнали-

¹ Указ Президента Приднестровья № 98 от 16 марта 2020 г. «О введении чрезвычайного положения на территории Приднестровской Молдавской Республики» // Официальный сайт Президента Приднестровья. URL: http://president.gospmr.org/pravovye-akty/ukazi/o-vvedenii-chrezvichaynogo-polojeniya-na-territorii-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki.html

² См., напр.: Постановление Правительства Приднестровья№ 209 от 15 июня 2020 г. «О введении ограничительных мер (карантина) по предотвращению распространения коронавирусной инфекции COVID-19» // Официальный сайт Правительства Приднестровья. URL: http://gov-pmr.org/item/17755

стов, т. е. рассматривают политическую элиту в широком смысле данного термина ^{1} .

В ходе проведенного нами экспертного опроса среди действующих и бывших представителей политэлиты Приднестровья также преобладал структурный подход к определению элиты (74% респондентов). Следует, однако, отметить, что среди бывших представителей элиты был выше процент тех, кто упомянул о моральных качествах (53%) и об ответственности (44%) как обязательных условиях принадлежности к политической элите, чем среди действующих представителей политэлиты (38% и 29% соответственно)².

Такие результаты экспертного опроса и социологических исследований коррелируют с аналогичными опросами в России. Так, опрос, проведенный международным изданием «Совершенно секретно» среди российских государственных и общественных деятелей, журналистов, политологов, показал, что вопрос о моральных качествах элиты является крайне важным примерно для половины респондентов, преимущественно для общественных деятелей и журналистов. Государственные деятели обратили внимание в большей степени на функциональные обязанности как основной критерий отнесения к политической элите, т. е. участие в принятии и реализации управленческих решений. Только треть опрошенных указала на ответственность как важнейший критерий принадлежности к элите³.

Большое количество тех, кто включает в политическую элиту президента и его окружение, связано с традиционно высоким для Приднестровья уровнем персонализации политики, а также с президентской республикой как основой политического устройства Приднестровья. Во многом этим обусловлено то, что и в обыденном сознании, и в экспертных дискуссиях применительно к политической

¹ Исследование выполнено кафедрой социологии Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко в период с 28 апреля по 17 мая 2013 г. во всех административнотерриториальных единицах Приднестровья на основе методических и методологических разработок автора. Образец анкеты приведен в приложении № 3.

² Опрос проводился в период с 1 по 29 сентября 2017 г. лично диссертантом. Всего опрошено 20 человек, среди которых представители исполнительной власти, занимавшие ранее и занимающие руководящие должности на момент опроса, депутаты Верховного Совета разных созывов.

³ Знакомьтесь, элита: кто в России несет ответственность за страну // Совершенно секретно – Украина. 2013. № 3 (286).

элите Приднестровья первое место занимает обсуждение президентской вертикали, с которой, как правило, связывают и этапы в развитии политической элиты в целом.

В 2012—2013 гг. приднестровская политэлита пыталась расширить базу своей поддержки за счет лиц и институтов, которые могут считаться субъектами второго подкласса политической элиты в широком смысле. Речь идет об активизации таких структур, как Общественная палата Приднестровья, различные общественно-консультативные советы при органах государственной власти и т. д.

Аналогичные действия были предприняты новым поколением политэлиты в 2016-2020 гг., когда осуществлялись попытки расширения общественного участия в политической жизни государства. Основными форматами такого расширения стали Совещательное собрание первых приднестровских депутатов при избранном в конце 2015 г. новом созыве парламента, вновь реорганизованная Общественная палата и созданный по аналогии с российской структурой «Общеприднестровский народный форум» (ОНФ ПМР). Дополнительно в Приднестровье была создана база для расширения возможностей общественного контроля за деятельностью политэлиты. К 2018 г. была сформирована законодательная база относительно основ осуществления общественного контроля, в первую очередь по линии Общественной палаты и $OH\Phi^1$. Однако на данном этапе пока не представляется возможным судить о том, в какой мере институты и структуры, созданные в период электорального цикла, готовы к реальным функциям общественного контроля за действиями политэлиты, пусть и закрепленным в законодательстве, и к тому, чтобы служить еще одним востребованным каналом рекрутирования политэлиты.

¹ См., напр.: Закон Приднестровской Молдавской Республики от 29 декабря 2017 г. № 402-3-VI «Об основах общественного контроля в Приднестровской Молдавской Республике» // Официальный сайт Президента Приднестровья. URL: http://gos-pmr.ru/pravovye-akty/zakoni/zakon-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-ob-osnovah-obschestvennogo-kontrolya-v-pridnestrovskoy-moldavskoy-respublike-.html; Закон Приднестровской Молдавской Республики от 24 ноября 2017 г. № 335-3-VI «Об Общественной палате Приднестровской Молдавской Республики» // Официальный сайт Президента Приднестровья. URL: http://gos-pmr.ru/pravovye-akty/zakoni/zakon-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-ob-obschestvennoy-palate-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-.html

На современном этапе основными форматами взаимодействия политической элиты в узком смысле и обоих подклассов политэлиты становятся: 1) совместные мероприятия заинтересованных органов власти и некоммерческих организаций (НКО), постоянные общественные комиссии при структурах власти; 2) совместная разработка и реализация программ за счет бюджетных и иных средств, финансирование программ и проектов НКО на условиях государственного заказа¹; 3) существенное повышение роли мажоритарной парламентской фракции «Обновление», в заседаниях которой участвуют представители исполнительной власти, что в значительной степени придает этим заседаниям функции «нулевого чтения» законопроектов; 4) прямое инкорпорирование представителей второго подкласса, в особенности крупного бизнеса, непосредственно в политическую элиту в узком смысле. При этом крупный бизнес благодаря этим механизмам имеет возможность прямого влияния на решения политэлиты в узком смысле слова, а также контроля за ходом реализации принятых решений. Такая ситуация свидетельствует о том, что реальное место бизнес-элиты в структуре политэлиты в широком понимании может существенно отличаться от теоретической (идеальной) модели.

Механизм формирования и каналы рекрутирования политической элиты Приднестровья

В настоящее время наиболее актуальные каналы рекрутирования в приднестровскую политическую элиту условно можно разделить на территориальный, учебный, административно-профессиональный и личный.

Территориальный канал дает больше возможностей для рекрутирования в местную политэлиту тому, кто является уроженцем или прожил долгое время в той же административно-территориальной единице, что и Президент Приднестровья. В период 2012—2016 гг. речь шла о городе Рыбнице и Рыбницком районе, с которыми помимо тогдашнего президента Е. Шевчука были непосредственно связаны глава правительства и целый ряд руководителей ведомств. В настоящее время функцию такого канала рекрутирования выполняет значимый для действую-

¹ Худяков Р. И. Гражданское общество в Приднестровской Молдавской Республике // Гражданское общество и правовое государство : опыт становления и перспективы развития: Сборник по итогам Межд. науч.-практ. конф. Тирасполь : 2010. С. 110

щего Президента Приднестровья В. Красносельского город Бендеры, также «делегировавший» ряд представителей на высшие государственные должности.

Вновь отметим, что подобная ситуация не является уникальным изобретением Приднестровья. Территориальный канал рекрутирования политэлиты используется подавляющим большинством современных государств: достаточно вспомнить команду «питерских», массово занявших основные посты в российской политической элите после 2000 г., или же «днепропетровский клан», который оказал непосредственное и серьезное влияние на формирование общесоюзной и украинской политической элиты.

Ранее в самом Приднестровье территориальный канал рекрутирования также играл значимую роль, хотя и был менее выраженным. Данный канал был весьма заметен на начальном этапе, после чего на некоторое время утратил значимость и вернул позиции лишь с укреплением и профессионализацией политэлиты, формированием у нее собственных традиций и каналов.

Учебный (или образовательный) канал рекрутирования приднестровской политэлиты характеризуется существенным ростом значимости приднестровского высшего образования, по крайней мере по сравнению с первыми поколениями постсоветской политэлиты Приднестровья. В созыве Верховного Совета, избранном в 2015 г., более 22% депутатов получили базовое образование в приднестровских вузах (в основном в ПГУ); около 17% депутатов имели дипломы ПГУ о втором высшем образовании. Кроме того, примерно 19% депутатов получили базовое или второе высшее образование в тираспольских филиалах различных российских и украинских вузов, что также свидетельствует о значимости территориального образовательного канала формирования местной политэлиты. В VII созыве Верховного Совета, избранном в 2020 г., около 1/3 депутатов получили базовое высшее или второе высшее образование в приднестровских вузах или в приднестровских филиалах российских или украинских вузов 1.

¹ Здесь и далее данные по возрасту, профессиональному опыту и региону получения образования представителей политэлиты и иным характеристикам приводятся на момент вступления ими в соответствующий статус (избрание депутатом или назначение на должность в исполнительной власти).

В исполнительной власти учебный канал имеет еще более существенное значение. Так, 46% представителей высшего правительственного звена получили базовое образование в Приднестровском государственном университете. Около 32% чиновников высшего звена получили базовое или второе высшее образование в филиалах российских и украинских вузов на территории Приднестровья, что также говорит о приоритетности местного образования.

На втором месте по степени притягательности для приднестровской политэлиты располагаются вузы Украины (23% парламентариев прежнего созыва, около 25% депутатов нового созыва, 22% руководителей центральных органов исполнительной власти) и Молдовы (25% парламентариев прежнего созыва и аналогично в новом созыве и 23% руководителей центральных органов исполнительной власти). Наиболее популярными направлениями учебы в зарубежных вузах являются экономическое и военное (Одесса, Киев), а также медицинское и аграрное (Кишинев).

В российских вузах получили базовое высшее образование около 21% парламентариев прежнего и нового созывов (из них 40% – в тираспольских филиалах российских вузов), а также 9% руководителей исполнительной власти. При этом российская образовательная система как источник второго высшего образования является наиболее популярной и для депутатов Верховного Совета, и для руководства правительственных структур. Кроме того, в российских образовательных центрах представители высшего управленческого звена Приднестровья проходят различные курсы повышения квалификации и другие обучающие курсы (в этом плане Российская Федерация обладает своего рода «эксклюзивом» среди зарубежных вузов, поскольку о прохождении аналогичных курсов в Молдове или на Украине никаких сведений в биографиях депутатов или руководителей исполнительной власти нет).

Таким образом, в приднестровской политической элите есть четко выраженные тенденции к локализации образования: и в исполнительном, и в законодательном сегментах большинство составляют выпускники приднестровских вузов или местных филиалов российских и украинских вузов, где фактически обучение

осуществляется тем же профессорско-преподавательским составом. На основе эмпирических данных и личного опыта взаимодействия с представителями депутатского корпуса и исполнительной власти можно сделать вывод о том, что и в дальнейшем по мере профессионализации и укрепления приднестровской политэлиты «удельный вес» депутатов и представителей исполнительной власти с приднестровским базовым высшим образованием будет возрастать.

Востребованность украинских и молдавских вузов связана с их территориальной близостью к Приднестровью, что дает возможность осуществлять обучение без длительного отрыва от привычного круга общения. В то же время получение в российских вузах второго высшего образования, как и повышение профессиональных навыков в российских образовательных центрах, свидетельствует об осознанности выбора представителей политэлиты республики в пользу расширения профессиональных навыков на основе российских образовательных программ, с учетом провозглашенного курса на гармонизацию политико-правовых систем Приднестровья и России.

При этом образовательный канал рекрутирования не только создает определенный круг знакомств и контактов; получение образования в Приднестровье способствует формированию системы ценностей у соответствующих лиц. В итоге данный канал обеспечивает не просто рекрутирование в политэлиту, а её непосредственное формирование, т. е. создание политической элиты с собственным мировоззрением и подходами.

Административно-профессиональный канал рекрутирования в приднестровскую политэлиту сводится преимущественно к наличию совместного опыта работы у её представителей в государственных, коммерческих или иных структурах. Речь идет о том, что, к примеру, подавляющее большинство представителей приднестровского правительства 2012–2016 гг. имели опыт работы в аппарате Верховного Совета под руководством тогдашнего Президента ПМР Е. Шевчука (в основном речь идет о сотрудниках аппарата комитетов и постоянных комиссий парламента; прямое вовлечение депутатов в деятельность исполнительной власти путем их назначения на высшие должности было довольно незначительным). Та-

кой административный опыт на разных этапах был у трех из пяти вицепремьеров, а также большинства министров и у представителей судебной власти.

Эта тенденция сохранилась и после смены власти в 2016 г., однако приобрела новые особенности, сохранившиеся и в рамках нового электорального цикла, стартовавшего в 2020 г.

Во-первых, расширилось инкорпорирование представителей депутатского корпуса в исполнительный сегмент власти (в связи с новыми назначениями сложили мандаты 11% депутатского корпуса в созыве Верховного Совета 2015 г., включая избранного президентом В. Красносельского).

Во-вторых, стал гораздо более выраженным и узкопрофильным характер специализации представителей политэлиты: около 25% депутатов Верховного Совета VI и VII созывов имеют опыт службы в системе Министерства внутренних дел на различных должностях, а среди избранных в 2015 г. депутатов чуть менее 10% в разное время занимали должность руководителя одного и того же территориального подразделения внутренних дел — УВД г. Бендеры. Выходцы из системы МВД занимают ключевые посты в Администрации Президента, Аппарате Совета безопасности, Министерстве обороны, Следственном комитете, Государственном таможенном комитете и других структурах исполнительной власти. Руководство холдинга «Шериф», формально не представленное в органах государственной власти, также имеет большой опыт работы в системе МВД.

Наконец, одной из важнейших особенностей, характеризующих каналы рекрутирования сегодняшней политэлиты Приднестровья, является масштабная инкорпорация в политическую элиту представителей крупного бизнеса, так или иначе связанных или непосредственно с холдингом «Шериф», или с его «политическим крылом» – партией «Обновление».

Так, в Верховном Совете, избранном в 2015 г., «Обновление» располагало мажоритарной фракцией, официально насчитывавшей 21 (из 43) депутата, однако, как представляется, численность фракции была бы значительно выше, если бы не было принято политического решения о том, что количество депутатов во фракции не должно превышать половины от общего числа депутатов. Поэтому, к при-

меру, ни спикер парламента, ни его заместитель не входили в состав парламентской фракции, хотя оба являлись членами партии «Обновление», а вице-спикер — ее председателем (аналогичная ситуация с партийными лидерами сохранилась и в парламенте, избранном в 2020 г.). По нашим оценкам, исходя из анализа биографических данных депутатов Верховного Совета VI созыва, с холдингом «Шериф» и (или) с партией «Обновление» тем или иным образом был связан (имел опыт работы или членства в партии) 31 депутат, что обеспечивало крупному бизнесу устойчивое конституционное большинство в прежнем созыве парламента. В новом созыве парламентская фракция «Обновления» пока официально не сформирована (по крайней мере, об этом не сообщалось в СМИ), однако, согласно большинству экспертных оценок, все 33 депутата, избранные в Верховный Совет Приднестровья в 2020 г., лояльны «Обновлению». Более половины депутатов указало на партийный стаж в «Обновлении» или на опыт работы в структурах холдинга «Шериф» в биографических данных во время избирательной кампании или в информационно-справочных материалах для парламентского портала.

В иных государственных структурах холдинг «Шериф» и «Обновление» также представлены на высоком уровне (к примеру, к данным структурам имели в разное время непосредственное отношение председатель правительства, глава центробанка, двое вице-премьеров, некоторые министры, около половины глав административно-территориальных единиц и др.).

Мы не склонны использовать термин «олигархи» к представителям приднестровского крупного бизнеса в силу их ресурсов и небольшой территории Приднестровья. Однако мы разделяем мнение о том, что в данном случае вполне можно говорить о приближении бизнес-элиты к политической элите настолько, что представители бизнеса «сами начинают олицетворять власть» 1, тем более с учетом нахождения в сфере их прямого контроля медиа-ресурсов, а также возможности прямого влияния на выработку, принятие и реализацию политических решений.

 $^{^1}$ А.А. Мухин. Бизнес-элита и государственная власть : Кто владеет Россией на рубеже веков? М. : Издательство ГНОМ и Д, 2001. С. 4.

Аналогом приднестровского административного канала рекрутирования применительно к России может считаться так называемый «чекистский крюк», о котором в свое время велась оживленная дискуссия в российских СМИ и экспертных исследованиях¹, в том числе с участием высоких должностных лиц². В приднестровском случае речь идет о совместной работе потенциальных кандидатов на попадание в высшие социальные страты с действующим Президентом ПМР не только в Аппарате Верховного Совета, но и в правоохранительных органах. Вместе с тем существенным отличием является то обстоятельство, что в Приднестровье опыт работы в системе правоохранительных органов как канал рекрутирования взаимно дополняется массовой инкорпорацией в элиту представителей крупного бизнеса.

Личный канал рекрутирования долгое время сохранял свою востребованность у различных поколений приднестровской политической элиты. В 2015 г. состоялась свадьба тогдашних Президента Приднестровья и министра иностранных дел, заместителя Председателя Правительства Приднестровья по международным делам (в данном случае, вероятно, следует вести речь о «двустороннем» характере личного канала рекрутирования); министры здравоохранения имели опыт лечения или консультирования высших должностных лиц и (или) их родственников до и после назначения на министерский пост. Современная генерация приднестровской политэлиты менее публична в таких вопросах; более того, есть основания говорить скорее о «профессиональной лояльности», «корпоративизме», чем о персональной лояльности высшим должностным лицам. Однако родственные и аналогичные им отношения влияют на различные аспекты внутриэлитных взаимоотношений.

Взаимодействие политической элиты с политическими партиями

Современное развитие политических институтов Приднестровья характеризуется крайне низким уровнем сотрудничества политической элиты и политических партий. Первооснова политических партий, т. е. их ярко выраженный персо-

 $^{^1}$ Кургинян С. Е. Качели. Конфликт элит – или развал России? М. : МОФ ЭТЦ, 2008. С. 643.

² Черкесов В. Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев // Коммерсант. 2007. 9 октября.

нифицированный, лидерский характер, снижает их востребованность в политическом процессе: представители политической элиты Приднестровья предпочитают иные механизмы позиционирования себя в общественном мнении. Как следствие, кандидаты на членство в политической элите нередко избегают указания партийной принадлежности, особенно в период электоральных циклов.

На востребованности партий в политическом процессе негативно сказывается и то, что в Приднестровье по-прежнему действует мажоритарная избирательная система, в результате которой выборы в представительные органы власти превращаются в соревнование одиночек, а не идей. Поэтому вполне резонным представляется высказанное в приднестровском политическом дискурсе мнение о том, что сохранение мажоритарной избирательной системы ведет к «фактическому лишению граждан права избирать» и тормозит развитие института общественных объединений¹.

Тематика избирательной реформы неоднократно становилась предметом внутриэлитных дискуссий, причем возможное введение пропорциональной или смешанной системы голосования — то немногое, в чем совпадают точки зрения значительного числа представителей экспертного сообщества и партийных кругов², хотя на уровне законодательных инициатив нет даже признаков потенциального изменения избирательной системы.

Заслуживает внимания также то обстоятельство, что партийная принадлежность практически не упоминалась кандидатами в депутаты в рамках избирательных кампаний 2015 и 2020 гг. Кандидаты предпочитали представлять избирателям свои личные качества и (или) позиционировать себя как «независимых» («самовыдвиженцев»). Во многом это связано еще с одной особенностью партийной системы Приднестровья — четкой увязкой в общественном сознании конкретных партий с теми или иными элитными группами. Усталость населения от сложив-

¹ Немченко П. А. Мажоритарная система выборов депутатов представительных органов власти как нарушение права граждан избирать // Имидж государства и защита прав человека: реалии, проблемы, перспективы: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Тирасполь, 2008. С. 114.

² См., напр.: Галинский И. Н. Мировой опыт реформирования избирательных систем: востребованность и эффективность // Материалы Международного круглого стола по обсуждению реформы избирательной системы Приднестровья. Тирасполь: 2012. С. 60.

шейся ситуации обусловливает падение доверия как элитам, о чем будет сказано ниже, так и партийным структурам.

В целом же, как отмечается представителями приднестровской науки, спецификой политических партий в Приднестровье является безликость их программ, «невнятная идентификация» в местном политическом пространстве. Более того, на современном этапе трудно говорить вообще о какой-либо партийной системе в Приднестровье, поскольку межпартийная конкуренция практически отсутствует, что ведет к дальнейшей деградации этого сегмента общественно-политической жизни.

Справедливым следует признать утверждение о так называемой «лабильности» приднестровской партийной системы, которая определяется как «малая укорененность партий в обществе, слабость партийного ресурса в политической борьбе»² и низкий уровень доверия политическим партиям в целом (как будет показано ниже), их социально-политической легитимности и способности выступать выразителем интересов не только отдельных социально-политических групп, но и всего населения в целом.

За последние годы перестали существовать (фактически и юридически) сразу несколько партийных проектов. Так, партия «Возрождение», изначально нацеленная на поддержку Е. Шевчука после избрания его президентом, фактически прекратила существование уже к концу второго года его президентства. Приднестровский партийный проект ЛДПР, а также некоторые другие проекты утратили актуальность после переезда их руководителей за пределы Приднестровья, что в очередной раз говорит о персонификации приднестровских партий. Иные партийные проекты закончились практически сразу после завершения учредительных съездов или же после вхождения в состав надпартийных структур (к примеру, в состав приднестровского ОНФ).

¹ Бобкова Е. М. Организационная структура гражданского общества // Общественная мысль Приднестровья. 2012. № 2. С. 28.

² Войт И. А. Политические партии в Приднестровье: проблемы и тенденции развития // Аналитический бюллетень Института социально-политических исследований и регионального развития. 2018. № 1. С. 30.

В настоящее время можно говорить о двух основных политических партиях в Приднестровье — «Обновлении» и Приднестровской коммунистической партии (ПКП).

«Обновление», связанное соглашениями о сотрудничестве с ВПП «Единая Россия», сегодня в значительной степени выполняет ту же функцию, что и «ЕР». В Приднестровье это «партия власти», которая располагает достаточным представительством в парламенте и в исполнительных структурах. При этом есть важное отличие: «Обновление» является не только политическим институтом и в определенной степени «карьерным лифтом», но еще и структурой, прочно ассоциируемой с интересами крупного бизнеса. В силу этого «Обновление» выступает надпартийным механизмом, близким к квазигосударственному, посредством которого бизнес делегирует своих представителей в политическую элиту и осуществляет мониторинг действий элиты. «Обновление» не ведет активной деятельности в политическом смысле этого слова, а сосредоточилось преимущественно на социально-экономических и гуманитарных проектах и межпартийных контактах, прежде всего с «единороссами», дополняя государственные механизмы в тех или иных сферах.

Приднестровская коммунистическая партия в этом смысле более соответствует классическому пониманию политической партии. ПКП восстановила единство лишь в период 2012–2014 гг. – в известной степени в силу того, что некоторые партийные лидеры ушли из жизни или утратили интерес к политической активности. В период 2012–2016 гг. лидеры ПКП поддерживали президентский сегмент политэлиты, избегая публичных дискуссий даже в случае принятия исполнительной властью непопулярных решений. После избирательного цикла 2015-2016 гг. ПКП заявила о своем уходе в оппозицию, однако её конформистская позиция в предшествующий период привела к тому, что партия так и не смогла подтвердить свои претензии на статус ведущего оппозиционного формирования.

Приднестровские коммунисты пытались заявить о себе несколькими протестными акциями в 2017 г. и в мае—июне 2018 г., однако эти акции были малочисленными. Тем не менее приднестровская власть достаточно жестко отреагиро-

вала на попытки организации массовых мероприятий, в отношении которых не было получено соответствующих разрешений, итогом чего стало привлечение к ответственности ряда активистов — сторонников руководства ПКП и прежнего состава политэлиты, а также приговор к реальному лишению свободы лидера ПКП, депутата Верховного Совета О. Хоржана и лишение его мандата в связи с вынесенным приговором, в том числе за применение насилия в отношении сотрудников правоохранительных органов. По информации СМИ, жесткая позиция политэлиты Приднестровья создала определенные сложности в межэлитной коммуникации, прежде всего с Россией.

Несмотря на попытки привлечь внимание к своей деятельности, ПКП не располагает достаточной поддержкой и ресурсами для того, чтобы участвовать в реальной политической конкуренции, в том числе в силу активного сотрудничества руководства компартии с прежним составом политэлиты.

Таким образом, в Приднестровье к настоящему времени сложилась специфическая ситуация. Партийные структуры не соответствуют своему традиционному политическому предназначению, поскольку не имеют внятных политических целей, идеологического базиса, а также не располагают возможностью прямого участия в борьбе за политическую власть в силу особенностей формирования институтов власти. Для Приднестровья весьма характерна ситуация, когда «ни одна из предлагаемых партиями идей не проверяется на подтверждаемость» поскольку по причине низкой востребованности партий в местной политической системе у них нет ни четких идей и социальных установок (программ), ни возможности применить их на практике.

Немаловажным является взаимодействие политических партий и молодежи, которая справедливо рассматривается партиями как «активный электоральный ресурс, позволяющий обеспечивать омоложение партийных кадров»². Вместе с

¹ Капитонов С. А. Политические партии в системе государственной власти // Актуальные проблемы государствоведения: сб. научных трудов / Под общ. ред. С. Н. Бабурина. М. : Изд-во РГТЭУ, 2010. С. 200.

² Сковиков А. К., Скутина С. Г., Фалина А. С. Политические партии и российская молодежь: диалог на современном этапе // PolitBook. 2018. № 4. С. 70.

тем, как и в России, востребованность молодежи обычно возрастает во время электоральных процессов, хотя «Обновление» следует признать более активным в работе с молодежью и вне электоральных циклов.

При этом ведущая политическая партия Приднестровья, «Обновление», представляет собой востребованный канал рекрутирования политэлиты, но не в партийном смысле, а скорее в качестве механизма, субсидиарного вертикальной мобильности политэлиты и рекрутирования из крупного бизнеса. ПКП, не имея ресурсов для реальной борьбы за власть, стремилась к комфортному существованию посредством организации публичных мероприятий, получения ресурсов от идеологически близких структур и спонсоров либо же активного взаимодействия с политэлитой, как это было в период 2012–2016 гг. Как представляется, возможные изменения роли партий могут быть связаны преимущественно с переходом к смешанной избирательной системе.

Политическая система и политическая элита Приднестровья. Оценка качества и эффективности политической элиты республики

В период 2012—2016 гг. отличительной чертой политический системы Приднестровья являлось то, что для политической элиты республики была характерна высокая степень институциональной и персональной нестабильности при гипертрофированном уровне лояльности президенту. Институциональная нестабильность выражалась в постоянных организационных изменениях в структурах исполнительной власти и т. п. Персональная нестабильность проявлялась в регулярных изменениях руководства центральных органов власти Приднестровья (начиная с января 2012 г. до конца 2016 г. сменилось три председателя правительства; только один из семи руководителей административно-территориальных единиц Приднестровья сохранил свой пост; ни один из руководителей центральных органов исполнительной власти не сохранил своей должности; в Министерстве юстиции, к примеру, сменилось восемь министров за этот период). В итоге руководители высшего звена вряд ли чувствовали себя в полной мере комфортно и не всегда могли сосредоточиться исключительно на выполнении стоящих перед ними задач. На первом месте значились личная лояльность, а не профессиональные ка-

чества того или иного руководителя или вопросы реальной организационно-политической целесообразности.

Регулярное организационное перестраивание правительственных структур свидетельствовало, на наш взгляд, об отсутствии долгосрочного прогноза и стратегического планирования у прежнего поколения приднестровской политической элиты, в особенности у сегмента, связанного с президентской вертикалью. Иными словами, политическая элита пыталась осуществлять лидерскую и мобилизационную функции на ситуативной основе, в интересах сохранения собственной власти, а не в интересах долгосрочного государственного развития. В значительной степени это проявилось в связи с тем, что предвыборная программа Е. Шевчука 2011 г., названая им «Программа 555», так и осталась совокупностью «заявлений, лозунгов, призывов и обращений» не получив политического оформления и систематизации. Иных документов, которые могли бы рассматриваться как стратегические для прежнего состава политической элиты, представлено не было.

Крайне высокая степень политической циркуляции политэлиты в сегменте исполнительной власти в период 2012—2016 гг. обусловила довольно резкое омоложение в руководстве центральных органов исполнительной власти: средний возраст членов правительства составлял около 41 года в сравнении с 48,8 года у членов парламента. Рекрутирование молодежи в политическую элиту является здоровым сигналом в демократическом обществе, однако представляется важным сохранять баланс молодости и опыта, не допуская оттока квалифицированных кадров. После парламентских выборов 2015 г. средний возраст депутатов составил 46,4 года, т. е. высший представительный орган помолодел. К настоящему времени возрастной баланс в исполнительном и законодательном сегментах выровнялся, и средний возраст в центральных структурах исполнительной власти (высшие должностные лица правительства, главы министерств и государственных служб с самостоятельным статусом) составляет 45,2 года; средний возраст глав административно-территориальных единиц составляет 49,8 года. В состав Вер-

 $^{^1}$ Бондаренко В. Н. Критерии приднестровской власти по Евгению Шевчуку // Прогноз. 2012. № 1. С 7.

ховного Совета, избранного в 2020 г., вошли 4 депутата в возрасте до 40 лет, восемь — до 50 и 21 депутат — старше 51 года ^{1} .

Завершение электорального цикла 2015–2016 гг. привело к стабилизации в политической элите и ее более или менее постоянному кадровому составу. Такая стабильность обеспечена особенностями действующих ныне каналов рекрутирования политэлиты Приднестровья и тем, что кадровые решения являются результатом внутриэлитных договоренностей.

Складывающаяся практика, равно как и существовавшая ранее персональная нестабильность политической элиты, соответствует тенденции ее нарастающей закрытости, поскольку мобильность носит преимущественно горизонтальный либо вертикально-иерархический характер и достигается за счет перемещения одних и тех же лиц на различные посты, а не путем инкорпорации в политическую элиту представителей других слоев населения.

Следует обратить внимание, что действующим составом политэлиты Приднестровья был принят ряд институционально-правовых решений, направленных на сохранение своего доминирующего положения. Так, сокращено число депутатов Верховного Совета с 43 до 33 при сохранении мажоритарной системы голосования, а также уменьшено число депутатов местных советов примерно на треть за счет изменения способа формирования избирательных округов². В связи с принятием соответствующих законодательных актов выборы в Верховный Совет Приднестровья и местные представительные органы власти 2020 г. прошли уже по новым правилам.

¹ Никитин А. Согласно парламентским традициям // Приднестровье. 2020. 10 декабря.

² Конституционный закон Приднестровской Молдавской Республики от 23 июля 2019 г. № 141-КЗИ-VI «О внесении изменения в Конституцию Приднестровской Молдавской Республики» // Официальный сайт Президента Приднестровской Молдавской Республики. URL: http://president.gospmr.org/pravovye-akty/zakoni/konstitutsionniy-zakon-pridnestrovsaskoy-moldavskoy-respubliki-o-vnesenii-izmeneniya-v-konstitutsiyu-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-.html; Закон Приднестровской Молдавской Республики от 30 июля 2019 г. № 158-ЗИД-VI «О внесении изменений и дополнений в Избирательный кодекс Приднестровской Молдавской Республики» // Официальный сайт Президента Приднестровской Молдавской Республики. URL: http://president.gospmr.org/pravovye-akty/zakoni/zakon-pridnestrovskoy-moldavskoy-respublis-vnesenii-izmeneniy-i-dopolneniy-v-izbirateljniy-kodeks-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-.html

Кроме того, в Приднестровье пошли по пути отказа от минимальной явки на выборы всех уровней. Теперь, как следует из принятых законодательных норм, выборы будут признаваться состоявшимися вне зависимости от количества избирателей, принявших участие в голосовании.

Текущее состояние политической системы Приднестровья свидетельствует о преодолении серьезного внутриэлитного кризиса, связанного с электоральным циклом, стартовавшим парламентской кампанией и завершившимся президентской кампанией в декабре 2016 г. Мы рассматриваем данные кампании в качестве двух частей единого электорального цикла, приведшего к радикальному изменению состава политэлиты. Масштабы внутриэлитного кризиса носили очевидный характер и впервые в новейшей истории Приднестровья поставили ситуацию на грань гражданского противостояния и общественного раскола. В то же время преодоление внутриэлитного кризиса не привело к восстановлению полноформатного диалога между политэлитой и населением, что отразилось в итогах парламентских выборов 2020 г., о которых будет сказано ниже.

Основное противостояние развернулось по линии президентской вертикали и партии «Обновление», которая контролировала парламентское большинство и являлась объектом жесткой критики со стороны президента. Итогом парламентских выборов 2015 г., которые впервые в истории Приднестровья прошли в один день с местными выборами (единый день голосования), стала убедительная победа тех кандидатов, которые демонстрировали лояльность холдингу «Шериф» («Обновлению») или напрямую им поддерживались, а также критиковали исполнительную власть (несмотря на то, что риторика и наглядная агитация кандидатов, поддерживаемых исполнительной властью, была значительно агрессивнее).

Победа оппонентов Е. Шевчука на выборах в Верховный Совет и в большинство местных советов позволила им создать надежные стартовые предпосылки для президентской кампании, в том числе путем острой критики президентской вертикали и правительства, использования полномочий парламента для оппонирования правительственным решениям, а также с учетом большинства голосов в Центральной избирательной комиссии и т. п.

Мы полагаем, что динамика развития внутриполитических и внутриэлитных процессов на начальном этапе приднестровского электорального цикла 2015–2016 гг. воспроизвела в значительной степени две модели, получившие распространение на постсоветском пространстве.

Президентская вертикаль стремилась изначально действовать по условной российской модели, когда политическая власть является основной целью внутриполитической борьбы, а уже с ее помощью реализуются иные интересы, в том числе в сфере бизнеса. В рамках этой модели политэлита стремится, по крайней мере формально, дистанцироваться от крупного бизнеса, использует «антиолигархическую» риторику, ставит во главу угла тезисы о социальной справедливости и т. п. Политическая власть в такой ситуации является ключевой ценностью, тогда как иные ценности производны и рассматриваются как «сопутствующие блага».

При этом политэлита периода президентства Е. Шевчука воспроизвела данную модель весьма фрагментарно, без создания иных сопровождающих её механизмов, в первую очередь без организации институциональных форматов поддержки, без расширения межэлитной мобильности, без создания более разветвленной системы социальных лифтов и пр. Борясь за власть, представители политэлиты 2012—2016 гг. видели в ней гарантии сохранения личного элитного статуса, своего членства в элите, но при этом не предпринимали каких-либо системных действий, к примеру в сфере партийного строительства, рассчитывая лишь на административные рычаги и воздействие подконтрольных СМИ на население.

«Обновление», напротив, пыталось воспроизвести условную украинскую (молдавскую) модель, когда политическая власть является главным образом не целью, а средством сохранения и реализации интересов крупного бизнеса, различных бизнес-групп, которые делегируют во власть своих представителей. Обеспечив надлежащую, гарантированную защиту собственных интересов по итогам первой фазы электорального цикла (парламентских выборов), крупный бизнес увидел дополнительные возможности для укрепления своих позиций и усиления влияния на политическую элиту. Итак, закрепившись в парламенте,

«Обновление» оказало содействие в борьбе за президентский пост тогдашнему спикеру – В. Красносельскому, который в итоге и одержал убедительную победу. Оппоненты Шевчука, по сути, провели две кампании – одну, оборонительную (парламентскую), за сохранение и укрепление имевшихся позиций, и вторую, наступательную, за пост президента.

При этом «Обновление», в отличие от президентского сегмента политэлиты, уделило гораздо больше внимания институциональным механизмам и форматам борьбы за политическую власть, в том числе посредством создания общественных структур, которые выполняли функцию мобилизации электората и вовлечения в политическую борьбу максимально большого числа социальных групп. К таким институтам можно отнести упоминавшийся выше Общеприднестровский народный форум, который позволил оппонентам Е. Шевчука вести предвыборную кампанию не только с позиций активной критики существовавшей на тот момент политэлиты, но и с позиции консолидации населения на внепартийной основе, под эгидой широкой общественной кампании. По сути, для решения электоральных задач оппоненты Е. Шевчука использовали концепт «эмпаурмента», т. е. вовлечения в политический процесс максимально широкого спектра социальных групп, создания форматов для выражения их позиции, хотя и без массовой инкорпорации представителей этих групп в состав политэлиты в дальнейшем.

Таким образом, в Приднестровье в рамках электорального цикла 2015—2016 гг. политическая борьба осуществлялась преимущественно на фоне конкуренции двух условных моделей («российской» и «украинской»), однако с очевидной региональной спецификой, которая состояла в их взаимопроникновении и взаимном дополнении.

В период острой фазы внутриэлитного кризиса Е. Шевчук и его окружение (политическая элита в узком смысле) стремились обеспечить видимость социально-экономического благополучия посредством жестких монетарных механизмов, например, путем искусственного поддержания стабильного курса приднестровского рубля к доллару США на протяжении нескольких лет, в то время как валюты всех сопредельных государств, а также России прошли через девальвационные

процессы. Стремление избежать инфляционного давления было названо в качестве одного из обоснований «тяжелого, но неординарного и вынужденного решения» сократить выплаты бюджетникам¹. Тем самым, по нашему мнению, получил подтверждение тезис А. Панарина о том, что «элита усмотрела в "низах общества" источник экономического зла — разрушительную инфляцию. Якобы это их давление на государство обесценивает экономические усилия»². Интересы населения были поставлены на второе место.

Характерно, что на втором этапе электорального цикла, весной—летом 2016 года, стороны внутриэлитного противостояния поменялись ролями: с марта уже Верховный Совет выступал против ослабления курса приднестровского рубля, в то время как президентская вертикаль настаивала на девальвации. Очевидно, что в этом также прослеживалась логика избирательной кампании: парламентское большинство, выдвинувшее своего кандидата на президентские выборы, стремилось «не допустить обнищания народа», в свою очередь, президентская вертикаль, понимая сложности с курсообразованием, пыталась набрать очки за счет борьбы с «черным рынком» валюты и поддержки экспортеров, которым выгодна слабая национальная валюта³.

На этом фоне, с учетом крайне непопулярного решения приднестровского руководства об удержании 30% выплат бюджетникам в обществе нарастало недовольство действиями местной политической элиты, что в конечном итоге привело не только к внутриполитическому кризису, но и к очередной смене большей части приднестровской политической элиты. Об этом свидетельствует ряд данных, полученных и рассчитанных нами эмпирическим путем.

Актуальность полученных данных представляется весьма высокой, поскольку позволяет не только увидеть соотношение количественных показателей и каче-

¹ Шевчук Е. В. О ситуации в Приднестровье: политические спекуляции, некоторые цифры, факты. Тирасполь : 2015. С. 26.

 $^{^2}$ Панарин А. С. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой // Наш современник. 2001. № 11. С. 114.

³ Уже после электорального цикла, в июне 2017 г., логика экономических процессов возобладала: политэлита Приднестровья пошла на серьезную девальвацию местной валюты (порядка 40%), что стало первым заметным непопулярным решением новой власти и вызвало волну острой критики.

ства и эффективности политэлиты, но и сделать выводы о прямой корреляции соответствующих показателей с итогами электоральных циклов 2011 и 2015–2016 гг., а также с результатами межэлекторальных периодов, в первую очередь в контексте вопроса об ответственности политической элиты. Помимо перечисленного появляется возможность определить тенденции в развитии института политической элиты Приднестровья.

Для оценки качества и эффективности приднестровской политической элиты мы рассчитывали воспользоваться такими показателями, как уровень доверия населения Приднестровья органам власти, индекс развития человеческого потенциала, а также децильный коэффициент неравенства доходов.

Нами была предпринята попытка рассчитать индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Однако это оказалось невозможно: в 2010—2011 гг. была существенно изменена методика расчета на международном уровне данного индекса и введены новые показатели, в частности ожидаемая средняя продолжительность обучения населения, еще продолжающего образование, а также уровень валового национального дохода (ВНД) при паритете покупательной способности. Как свидетельствует публикуемая отчетность, по указанным, а также по некоторым другим показателям, необходимым для вычисления ИРЧП, расчет индексов органами статистики Приднестровья не осуществляется.

Тот факт, что за годы после изменения методики расчета ИРЧП в Приднестровье не были внесены корректировки во внутренние методики, может говорить или об отсутствии необходимых ресурсов (материальных, кадровых и др.) для осуществления соответствующих расчетов, или о незаинтересованности политэлиты в транспарентности оценки уровня развития государства и политической системы.

Аналогичная ситуация сложилась и по расчету децильного коэффициента. Если доходы наименее обеспеченных социальных групп в Приднестровье (в соответствии с методикой – 10% населения, в Приднестровье это пенсионеры и получатели разного рода социальных пособий) еще можно вычислить на основе публикуемой статистической отчетности, то произвести расчет доходов наиболее обеспеченных групп населения исходя из открытых данных не представляется возможным в силу ряда причин. Во-первых, в статистической отчетности отсутствуют данные по доходам домохозяйств. Во-вторых, не производится учет доходов самозанятых, так называемых «патентщиков», которые платят лишь фиксированные суммы за патент, а реальные данные по доходам не предоставляют. Втретьих, отсутствуют данные по доходам от предпринимательской деятельности, за исключением доходов от малого бизнеса (организаций с численностью работников до 50 человек), а также средней зарплаты работников некоммерческих организаций. В-четвертых, в публикуемой статистической отчетности отсутствуют данные по заработным платам сотрудников силовых структур и таможенных органов. В-пятых, не приводятся средние данные по иным доходам граждан. Таким образом, доход наиболее обеспеченных 10% населения не может быть рассчитан. Нам представляется, что отсутствие такого рода данных связано как с объективными (отсутствие средств для внедрения тех или иных методик, отсутствие доступа к международным фондам, которые могли бы выделить соответствующие средства, и т. п.), так и с субъективными факторами (отсутствие данных по доходам силовых и таможенных структур).

Следует также учитывать статус непризнанности приднестровской государственности международными институтами: как следствие, у приднестровской политэлиты не возникает дополнительных обязательств по обеспечению транспарентности собственной деятельности, что не позволяет в полной мере определить уровень ее эффективности исходя из данных международных индексов.

При оценке уровня доверия мы воспользовались достаточно широко применяемыми «одномерными» индексами доверия, вычисляемыми на основе созданной в 2008 г. Левада-центром обновленной методики расчета индекса социальных настроений (формула приведена в первой главе настоящей работы). По нашему мнению, полученные результаты дают представление о преобладающих оценках политической элиты Приднестровья в общественном мнении.

Мы понимаем, что индекс доверия не может являться единственным критерием для всесторонней оценки общественного мнения применительно к тому или

иному сегменту политической элиты. Однако нам представляется возможным считать данный показатель наиболее востребованным в контексте целей настоящего исследования, поскольку именно уровень доверия населения политическим институтам наиболее рельефно отражает оценки граждан в отношении политических институтов, качества и эффективности их функционирования, динамику данных оценок и позволяет исследователям и самой политической элите прогнозировать возможные последствия тех или иных действий.

Приходится также констатировать, что из-за пандемии заболевания COVID-19 и введенных в силу этого различных ограничений на проведение массовых мероприятий нам не удалось провести полноформатные исследования уровня доверия различным политическим институтам в 2020 г. В то же время для целей настоящего исследования мы считаем весьма показательными и репрезентативными итоги выборов в Верховный Совет нового созыва (ноябрь 2020 г.).

В приложении № 1 содержатся исходные таблицы для расчета приводимых ниже индексов доверия различным политическим институтам.

Рассмотрим динамику изменения индексов доверия отдельным политическим институтам.

Рис. 2. Динамика изменения доверия Президенту Приднестровья в 2009–2019 гг.

На графике (рис. 2) видно, как менялся уровень доверия приднестровского населения институту президентства. Низкий уровень в 2009–2011 гг. связан с тем, что жители Приднестровья устали от прежнего поколения политической элиты,

которое традиционно отождествлялось с президентом и его ближайшим окружением. Есть все основания полагать, что такой уровень доверия стал главной причиной избрания в декабре 2011 г. нового президента; соответственно этим же объясняется резкий рост доверия институту президентства в 2012 г., связанный с ожиданиями населения, его уверенностью в немедленных переменах в лучшую сторону. Рост доверия данному институту говорит и о его высоком уровне политической легитимности.

Вместе с тем нарастание негативных тенденций во внутри- и внешнеполитической сфере после 2012 г., а также неспособность президента и его команды адекватно ответить на эти вызовы привели к серьезному падению данного индекса к началу следующего электорального цикла. Снижение индекса доверия президенту стало наиболее заметным в данный период, что во время президентской избирательной кампании подтвердилось итогами голосования.

Пика падения индекс доверия президенту достиг во время избирательной кампании 2016 г., когда Е. Шевчук и его окружение подверглись резкой критике с разных сторон. Важным фактором стало то, что спикер нового созыва Верховного Совета В. Красносельский практически сразу начал избирательную кампанию, а депутаты в подавляющем большинстве включились в деятельность по поддержке спикера и критике президента.

Соответственно завершение электорального цикла и избрание нового главы республики в 2016 г. существенно повысило рейтинг доверия президенту. Однако объективная необходимость принятия непопулярных решений, невозможность незамедлительного выполнения своих обещаний и завышенный уровень ожиданий населения привели уже в следующем после выборов году к падению рейтинга доверия президенту. В известной степени повторилась ситуация, сложившаяся после выборов 2011 г., но тогда уровень ожиданий был заметно выше, что и обусловило более высокий постэлекторальный рейтинг и более резкое его падение.

К настоящему времени в связи со стабилизацией ситуации, проведенной индексацией пенсий и зарплат бюджетникам в начале 2019 г. рейтинг доверия президенту несколько вырос, однако низкий уровень явки на парламентских выборах 2020 г. и усталость населения от ограничений, связанных с COVID-19, косвенно свидетельствуют о падении доверия всем институтам власти и могут негативно сказаться на обеспечении политической легитимности президентской избирательной кампании и данного политического института в целом.

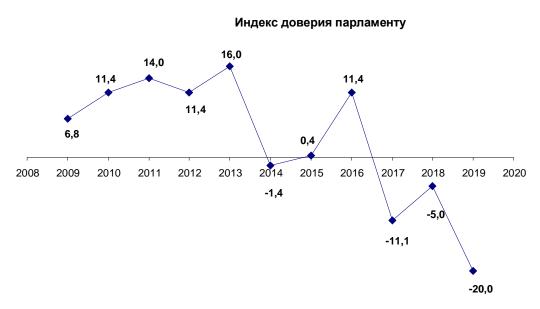

Рис. 3. Динамика изменения доверия Верховному Совету Приднестровья в 2009–2019 гг.

По нашему мнению, рост доверия парламенту в период 2009–2012 гг. (рис. 3) связан с тем, что в общественном мнении Верховный Совет воспринимался как политический институт, оппозиционный президентскому окружению, в первую очередь благодаря присутствию в нем будущего Президента Приднестровья Е. Шевчука, который активно использовал парламентские возможности в избирательной кампании для донесения своих идей до максимально широкого круга избирателей. Кроме того, Верховный Совет ассоциировался с попытками ограничить в 2009–2010 гг. полномочия Президента Приднестровья И. Смирнова, с острой критикой в его адрес во время рассмотрения президентской инициативы о поправках к Конституции, а также во время кампании 2011 г.

Падение доверия Верховному Совету после президентских выборов 2011 г. связано, по нашему мнению, с большим кредитом доверия в отношении избранного нового президента, недоверием к тем институтам, которые могли бы помешать новому поколению политэлиты. Кроме того, парламент не сумел противо-

стоять очевидной тенденции к монополизации государственной власти президентской вертикалью. Уже в 2012 г. Верховный Совет отказался от какого-либо противодействия решениям Е. Шевчука и его команды.

На доверии Верховному Совету негативно сказывалось нарастание внутриэлитного конфликта между президентской вертикалью и парламентским большинством, в первую очередь блокирование пропрезидентскими депутатами работы парламента в канун старта электорального цикла 2015 г. (для населения наиболее принципиальным является то, что Верховный Совет не работает, а не то, из-за кого это происходит). Кроме того, в восприятии населения парламент представлялся как «оплот» крупного капитала (или олигархов), чему в немалой степени способствовала пропагандистская активность президентского сегмента политэлиты данного периода.

Выборы нового созыва Верховного Совета в 2015 г., прошедшие в условиях жесткой конкурентной борьбы, в соответствии с классическими постулатами политической науки, послужили каналом представления интересов различных социально-политических групп в органах власти, подтвердили «возможность и эффективность» контроля за деятельностью политэлиты, применения к ней мер политической ответственности.

Созыв парламента 2015 г., более активно включившийся в оппонирование президентской вертикали, в значительной степени смог добиться повышения уровня доверия парламентским институтам. Именно Верховный Совет, избранный в 2015 г., во главе с будущим президентом В. Красносельским резко оппонировал Е. Шевчуку и членам его команды, ввел в практику трансляцию заседаний Верховного Совета в прямом эфире с жесткой критикой подчиненного Е. Шевчуку правительства и т. д. Парламент инициировал ряд антикоррупционных расследований в отношении действовавшей тогда власти (хотя не все из них волучили логическое завершение), а также принял ряд законодательных инициатив, уточ-

¹ Сирик В. А. Выборы высшего законодательного органа ПМР в контексте механизмов реальной демократии: социально-политические аспекты и перспективы // Международное право и реалии современного мира: Приднестровская Молдавская Республика как состоявшееся государство: научн. изд. Тирасполь: ЦСПИ «Перспектива», 2006. С. 263.

нявших и укреплявших полномочия Верховного Совета, стал активнее участвовать в решении социальных вопросов.

Однако с достижением внутриполитического консенсуса уровень доверия Верховному Совету падает. Это, помимо прочего, связано с рядом факторов, таких как: участие в принятии непопулярных решений в начальный период после электорального цикла, закрытость работы парламента (прекращение трансляций парламентских заседаний в прямом эфире вскоре после президентских выборов, прекращение трансляций в прямом эфире работы вспомогательных институтов — Совещательного собрания первых приднестровских депутатов), а также уход парламента из публичной сферы.

И нами, и другими исследователями ранее обращалось внимание на те вызовы, с которыми приднестровская политическая элита могла столкнуться в контексте нового электорального цикла 2020—2021 гг. В частности, указывалось на риски, связанные с обеспечением явки избирателей¹, проблемой выбора и возможной проблемой легитимности нового парламентского созыва в целом².

Как показали итоги голосования, большинство из приведенных рисков проявилось на практике. Одним из наиболее заметных факторов стала невысокая явка избирателей: по окончательным данным Центральной избирательной комиссии Приднестровья, явка составила 28,06% от списочного состава избирателей³.

О недовольстве населения свидетельствовала не только низкая явка, частично объяснимая пандемией коронавируса, но и высокие результаты кандидата «против всех», который по-прежнему присутствует в приднестровских избирательных бюллетенях: впервые в приднестровской истории на выборах в высший законодательный орган против всех кандидатов в Верховный Совет проголосовало 23 493 избирателей, или около 20,4% граждан, принявших участие в голосова-

¹ Леонтьева О. В. Репрезентативность политической элиты Приднестровья в контексте очередного избирательного цикла // Политическое представительство и публичная власть : трансформационные вызовы и перспективы. Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием РАПН'2020, Москва, МПГУ, 27-28 ноября 2020 г. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М. : Изд. МПГУ, 2020. С. 305.

² Дирун А. В. Три вызова для избирательной кампании в Верховный Совет Приднестровья в 2020 году // Аналитический бюллетень ИСПИРР. 2020. № 1-2. С. 73, 76.

³ Нефёдов К. Будет второй тур // Приднестровье. 2020. 8 декабря.

нии¹. Не менее тревожные тенденции для политической элиты сложились и на выборах в местные представительные органы власти: к примеру, из почти 30 тысяч избирателей, проголосовавших на выборах в столичный Тираспольский городской Совет, 8272 избирателя, или около 27,7%, также проголосовали против всех². По ряду округов по выборам депутатов сельских советов против всех проголосовало большинство избирателей, в связи с чем в марте 2021 г. там были организованы новые выборы.

Проблема с выбором и политической конкуренцией также проявила себя по нескольким направлениям. В частности, впервые на приднестровских парламентских выборах появилось такое большое количество округов, где в качестве кандидата был зарегистрирован только один претендент (таких округов было 23 из 33), а всего на 33 места депутатов Верховного Совета претендовало 45 кандидатов³. При этом на мандат высшего представительного органа претендовало 32 депутата предыдущего созыва, и только одному из этих претендентов не удалось вновь стать депутатом парламента. Таким образом, из 33-х мандатов в Верховном Совете нового созыва 31 мандат получен депутатами прежнего созыва.

Стремление ведущих общественно-политических сил и их представителей сохранить лидирующие позиции обусловило применение достаточно специфических методов ведения агитационной кампании, что также может рассматриваться как составная часть проблемы выбора. В частности, практически ни у кого не было сформулированной программы действий, даже в альтернативных округах: информация в агитационных изданиях концентрировалась преимущественно вокруг отчетов кандидатов в депутаты Верховного Совета о проделанной ранее работе как законотворческого порядка, так и в контексте решения хозяйственно-бытовых проблем на конкретных округах⁴. Мы не оспариваем значимость решения депута-

¹ Результаты выборов депутатов Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики 29 ноября 2020 года // Приднестровье. 2020. 3 декабря.

² Результаты выборов в Тираспольский городской Совет народных депутатов XXVI созыва // Днестровская правда. 2020. 8 декабря.

³ Никитин А. Единый день голосования: некоторые итоги // Приднестровье. 2020. 1 декабря.

⁴ См., напр.: Мира и добра вашему дому // Агитационный материал кандидата в депутаты Верховного Совета Приднестровья по избирательному округу № 28 «Центральный» г. Тирасполь.

тами всех уровней решения повседневных проблем избирателей, тем более что сложно не согласиться с утверждением о том, что «депутат должен уметь слушать и слышать своих избирателей, проявлять последовательность и настойчивость» при поиске способов и источников разрешения их проблем¹, однако нам сложно согласиться со сформировавшейся в Приднестровье практикой агитации исключительно посредством информирования о результатах депутатской деятельности, тем более что функции политической элиты гораздо более многогранны.

В целом состоявшиеся выборы в представительные органы власти Приднестровья показали достаточно серьезные проблемы во внутриполитической системе Приднестровья и недостаток прямой коммуникации политэлиты и населения. Если рассматривать состоявшиеся выборы как своеобразный «референдум о доверии» политической элите (по крайней мере на уровне Верховного Совета), то результаты, с одной стороны, позитивны для парламентариев: 31 депутат сохранил свои мандаты, в Верховном Совете только два новых депутата. С другой стороны, эта «победа» может оказаться пирровой, если тенденции политического абсентеизма будут сохраняться, а дистанция между населением и властью будет увеличиваться. Отсутствие политической конкуренции, как отмечалось экспертами, чревато «косностью» политических структур, утерей ими «чувства реальности, гибкости и дееспособности»², может создать трудности в восприятии политической легитимности приднестровской политэлиты и своим населением, и в межэлитной коммуникации.

Внимание политэлиты к данной ситуации особенно актуально с учетом того, что 2021 г. – это год президентских выборов в Приднестровье, а для Приднестро-

Тирасполь, 2020; А у нас каждый в курсе событий // Агитационный материал кандидата в депутаты Верховного Совета Приднестровья по избирательному округу № 27 «Партизанский» г. Тирасполь. Тирасполь : 2020; Отчет о проделанной работе депутата Верховного Совета за 2016—2020 гг. по избирательному округу № 41 «Краснодонский» г. Тирасполь. Тирасполь : 2020 г.

¹ Добров А. Мы все – одна городская власть: Интервью с председателем Тираспольского городского Совета народных депутатов // Приднестровье. 2021. 22 января.

² Моспанов А. В. Без политического «нерва». Приднестровье готовится к выборам // Аналитический бюллетень ИСПИРР. 2020. № 1-2. С. 70.

вья как самопровозглашенного государственного образования легитимность политических институтов представляет особую ценность.

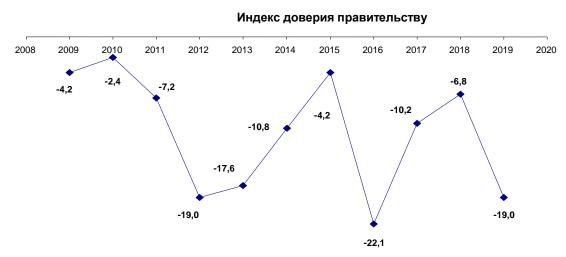

Рис. 4. Динамика изменения доверия Правительству Приднестровья в 2009–2019 гг.

Негативное отношение к правительству в динамике с 2009 г. следует рассматривать в обобщенном контексте (рис. 4): Правительство как центральный коллегиальный орган исполнительной власти в Приднестровье появилось только в 2012 г., ранее это был совещательный орган при Президенте Приднестровья (кабинет министров), который не воспринимался как самостоятельный центр принятия решений. Падение доверия к правительству в период 2010—2011 гг. необходимо рассматривать через призму общего падения доверия к институту президентства и окружению главы государства, которое во многом отождествлялось с самим президентом.

Первый пик недоверия правительству приходится на 2012–2013 гг., т. е. на период начала разочарования населения в новой властной команде, которая не соответствовала ожиданиям приднестровцев. Рост доверия, который проявился впоследствии, по нашему мнению, напрямую коррелирует с резким падением доверия президенту: внутриэлитные взаимоотношения на данном этапе не позволили президенту использовать традиционную практику и превратить правительство в «громоотвод» для непопулярных решений. Президент разделял с правительством ответственность за такие решения в полной мере. Кроме того, нами используются данные исследований, которые проводились после возвращения населению 30%

зарплат и пенсий, удерживаемых на протяжении 2015 г. Выплата населению задолженностей, особенно по пенсиям, носила разовый (одномоментный) характер, что создало видимость роста благосостояния и положительно отразилось на уровне доверия правительству.

Правительство, в особенности председатель, назначенный уже после избрания парламента в 2015 г., стремилось дистанцироваться от прямого вовлечения во внутриполитический кризис, однако так и не стало самостоятельным центром принятия решений в политической системе Приднестровья.

Резкое падение уровня доверия правительству в 2016 г. связано с президентской избирательной кампанией. Правительство стало основным объектом критики на заседаниях Верховного Совета, которые, как отмечалось выше, на тот момент транслировались в прямом интернет-эфире. В политическом противостоянии 2016 г. члены правительства отстаивали интересы президента, а также самостоятельно принимали некоторые решения, которые становились предметом острой критики парламентариев и лояльных Верховному Совету экспертов. Однако сам председатель правительства смог избежать прямой вовлеченности в противостояние и впоследствии был назначен советником новоизбранного Президента Приднестровья В. Красносельского.

После окончания электорального цикла уровень доверия правительству начал постепенно возрастать, однако с 2018 г., одновременно с рейтингом доверия парламенту, стал существенно падать. По-видимому, это вызвано тем, что руководство правительства активно присутствует в публичной сфере, однако такую активность население не связывает с достижением реальных успехов и ростом благосостояния граждан. Кроме того, ряд конфликтов между парламентом и правительством в 2018–2019 гг., несмотря на отсутствие публичных дискуссий, не остался не замеченным населением, тем более что представители правительства отстаивали необходимость существенного сокращения социальных расходов.

Рис. 5. Динамика изменения доверия политическим партиям Приднестровья в 2009–2019 гг.

Низкий уровень доверия партиям (рис. 5) обусловлен тем, что приднестровское население не видит в них реального субъекта политических процессов: партии не выдвигают кандидатов и не имеют перспектив присутствия в парламенте по партийным спискам из-за мажоритарной избирательной системы; кандидаты предпочитают не упоминать о своей партийной принадлежности и т. д. Партии не принимали активного участия в политических процессах, ограничиваясь в основном социально-гуманитарной проблематикой.

Активизация политической деятельности партий в период электорального цикла 2015—2016 гг. была связана преимущественно с принадлежностью руководства той или иной партии к конкретному сегменту политической элиты, но не была обусловлена идеологическими ценностями партий. Тем не менее активная вовлеченность «Обновления» и Приднестровской компартии в электоральный процесс способствовала росту доверия политическим партиям, по крайней мере население увидело в них реальных участников политических процессов. В особенности это касается «Обновления», которое активно обращалось к внутриполитической риторике, а также публично подчеркивало свои связи с «Единой Россией» (что традиционно имеет большое значение для приднестровского населения), включая открытие общественной приемной «ЕР» в Приднестровье в партнерстве с «Обновлением», встречи с депутатами Государственной Думы от «ЕР».

После окончания электорального цикла уровень доверия партиям снизился, затем, видимо на фоне конфликта приднестровской политэлиты с руководством

компартии, несколько повысился, после чего вновь резко упал. В случае с политическими партиями приводимые данные скорее свидетельствуют о том, что рейтинг доверия к ним, его рост или падение зависят от их публичной активности, а не от реальных итогов их деятельности.

Наряду с высказанным выше мнением о том, что серьезные изменения в развитии партийной системы возможны прежде всего при изменении мажоритарной избирательной системы, согласимся также с тезисом о том, что развитие партий ограничивается и другими факторами, в числе которых «режим власти президентской республики, малочисленность партий», их активизация преимущественно в период электоральных циклов и др. 1

Из приведенных данных² видно, что уровень доверия населения к политической элите и иным политическим институтам в последние годы неуклонно снижается, за некоторыми исключениями. Как справедливо отмечают приднестровские исследователи, у населения нарастает политический абсентеизм, нежелание активно участвовать в политических процессах, снижается доверие к госструктурам как субъектам, способным легитимно защитить права, свободы и личное достоинство граждан³, что ведет к негативным оценкам качества и эффективности политэлиты и к соответствующим итогам электоральных циклов.

Нами также проведен экспертный опрос, в котором респондентами выступили представители различных поколений политической элиты Приднестровья. По оценкам экспертов, в последние годы эффективность приднестровской политической элиты снизилась (72% респондентов), а в качестве маркеров снижения такой

¹ Харитонова Н. И. Атрибуты государства в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. Вып. № 37. С. 97. URL: http://e-

journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2013/vipusk__37._aprel_2013_g._/pravovie_i_polititcheskie_aspe kti_upravlenija_/kharitonova.pdf

² Опросы проводились ежегодно в 2009–2019 гг. кафедрой социологии Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко во всех административно-территориальных единицах Приднестровья по репрезентативной выборке городского и сельского населения объемом 960 человек в возрасте от 18 лет и старше на основе методических и методологических разработок автора. Опросы осуществлялись методом анкетирования респондентов. Результаты ранее не публиковались. Образец анкеты приведен в приложении № 2.

³ Бобкова Е. М., Олейников С. В. Приднестровье как цивилизационно-исторический феномен: монография. Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2015. С. 157.

эффективности были указаны социально-экономический кризис и неспособность исполнительной власти повысить уровень реального благосостояния населения (81,2%), закрытость процесса принятия решений (63,3%), волюнтаризм и непрофессионализм при принятии управленческих решений (54,8%)¹.

Результаты проведенных исследований в сочетании с показателями, приведенными в приложении № 1 к настоящей работе, позволяют говорить о наличии в Приднестровье прямой взаимосвязи между индексами доверия, показателями жизненного уровня населения и итогами электоральных циклов, что может считаться важным критерием соответствия реальности провозглашаемой демократичности политического процесса.

Оценка населением уровня своего благосостояния, а также эффективности и качества политической элиты выступает в значительной степени предпосылкой для доверия (недоверия) политической элите. В свою очередь, уровень доверия из идеального формата превращается в реальный (осязаемый) в ходе участия населения в политических процессах, важнейшим из которых являются избирательные процедуры.

Неспособность разных поколений приднестровской элиты соответствовать ожиданиям населения и эффективно решать стоящие перед ними задачи привела к двум последовательным сменам генераций в местной политэлите, каждая из которых характеризовалась своими особенностями в отношении структуры, элитогенеза и других аспектов. При этом можно говорить о формировании в Приднестровье устойчивого алгоритма, связанного с социально-экономической нестабильностью и особенностями формирования местной политэлиты, при котором население ожидает быстрых и серьезных изменений в социальном положении и эти ожидания приводят к изменениям в составе элиты. Однако отсутствие немедленных изменений на фоне персонификации элиты порождает столь же быстрое разочарование и рост недоверия элите, генерируя очередные завышенные ожидания в отношении конкурирующих элитных групп. Пока сложно прогнозировать, к

¹ Опрос проводился в период с 1 по 29 сентября 2017 года лично диссертантом. Всего опрошено 20 чел., среди которых представители исполнительной власти, занимавшие ранее и занимающие руководящие должности на момент опроса, депутаты Верховного Совета разных созывов.

каким результатам этот алгоритм может привести в конце электорального цикла 2020–2021 гг., однако приведенные выше тенденции к нарастающей закрытости политэлиты и отчуждению населения от участия в управлении делами государства не могут не вызывать озабоченности в силу возможных вопросов относительно политической легитимности самой политэлиты Приднестровья, её способности быть выразителем совокупного общественно-политического интереса.

Не вызывает сомнений, что ситуация в Приднестровье может быть охарактеризована тем, что при рассмотрении вопроса об ответственности и дееспособности политическая элита «имеет предельно широкий мандат легитимности со стороны общества»¹; более того, ответственность политической элиты для приднестровцев является важной гарантией ее легитимности. Запрос на ответственность политэлиты дополняет запрос на перемены, который формируется в обществе в соответствии с приведенным механизмом.

Итоги последних электоральных циклов свидетельствуют о том, что в Приднестровье вопрос об ответственности представителей политической элиты решается преимущественно в пользу политической формы ответственности в виде итогов выборов или экскорпорации отдельных представителей политэлиты из ее состава. Принимая участие в голосовании, население формализует уровень доверия элите и оценку ее качества и эффективности, которая может выявляться эмпирическим путем во время различных исследований. Вновь подчеркнем, что обеспечить политическую легитимность в условиях низкой явки, стагнации политических процессов и недостатка конкурентной политической среды и других существенных факторов может оказаться крайне затруднительным.

Следует, однако, обратить внимание на то, что в период 2017–2020 гг. в Приднестровье возросла востребованность правовой ответственности представителей элиты, в том числе за коррупционные деяния, а также за действия, которые, по мнению компетентных органов, нанесли значительный ущерб правам и законным

¹ Орлов Д., Бадовский Д., Виноградов М. Консервативная модернизация: конфигурация власти и новая политическая повестка дня // АПЭКТЕКСТЫ: Сборник аналитических докладов, рейтингов ведущих политиков, статей и комментариев к 10-летию Агентства политических коммуникаций. М.: «Onebook.ru», 2014. С. 43.

интересам граждан. Так, из состава прежней политэлиты Приднестровья к уголовной ответственности были привлечены экс-руководители Центрального банка, Государственного таможенного комитета, Министерства внутренних дел и некоторые другие должностные лица. Ведется заочное уголовное преследование в отношении экс-президента Е. Шевчука, а также бывшего премьер-министра и ряда экс-вице-премьеров и экс-министров. В то же время пока нет достаточных оснований с уверенностью предполагать, насколько в дальнейшем правовые формы ответственности будут применяться не только к бывшим, но и к действующим представителям политической элиты в случае наличия законных оснований.

Основные тенденции в развитии политической элиты Приднестровья в обозримой перспективе могут быть обозначены следующим образом.

1. Продолжится нарастание тенденций к закрытости политэлиты, дальнейшее сокращение каналов рекрутирования. Этот тренд реализуется, помимо прочего, за счет принятия ряда институционально-правовых установлений (сокращения числа депутатов всех уровней, отмена порога явки и других) Такая ситуация будет объективно способствовать снижению темпов циркуляции элит, увеличению дистанции между избирателями и депутатами и т.д.

Любые выборы и референдумы будут признаваться в Приднестровье состоявшимися вне зависимости от количества избирателей, принявших участие в голосовании, в силу отмены порога явки. Это в сочетании с решением о сокращении числа депутатов также может способствовать нарастанию уже сформировавшихся тенденций к политическому абсентеизму и снижению интереса населения к участию в политических процессах.

Скорее всего, сохранится приоритетность существующих сегодня базовых каналов рекрутирования политической элиты за счет представителей крупного бизнеса и выходцев из системы МВД. Подобная ситуация наблюдается и в России, особенно в части вовлечения во власть крупного бизнеса, однако есть и различия: как отмечают некоторые российские авторы, в РФ представители бизнеса в основном становятся частью парламентского сегмента политэлиты, а «федеральная административная элита» является более профессионализированной и «авто-

номной от бизнеса»¹, в то время как в Приднестровье этот тренд сказывается и на парламентском, и на президентском сегментах.

Свою востребованность административный канал рекрутирования политэлиты показал на примере ситуации с пандемией заболевания COVID-19, когда основные функции по выполнению специальных норм в приднестровском законодательстве были возложены именно на систему МВД.

2. В литературе высказано предположение, что уже сейчас наблюдается «негласная борьба» между «консервативно настроенным ядром политического класса» (силовиками, представителями патриотических организаций, окружением первого Президента Приднестровья И. Смирнова) и «либералами» («новыми менеджерами»), которые представлены в основном в правительстве, его аппарате, в социальных НКО, бизнес-структурах². Нам видится, что сегодня действия приднестровской политэлиты представляют собой, скорее, симбиоз различных моделей: во внутриполитической сфере, особенно в экономике, преобладают преимущественно либеральные подходы, в то время как во внешнеполитической сфере политэлита стремится подчеркивать жесткость подходов, наличие «красных линий» в отношении того, что касается суверенитета Приднестровья.

Вместе с тем и на внешнем периметре принимаются и реализуются решения, которые воспринимаются как «вынужденный компромисс» (компромисс по режиму торговли между Приднестровьем и Европейским Союзом 2015 г., договоренности 2017–2018 гг. с Молдовой по автомобильным номерам для приднестровского автотранспорта, функционированию «румынских школ» в Приднестровье и др.) и не в полной мере соответствуют позиции основного ядра «консерваторов». В ряде исследований обоснованно обращается внимание на то, что, к примеру, компромисс по торговле с Евросоюзом может поставить под угрозу

¹ Теев Д. Б. Бизнес как источник рекрутирования федеральной административной и политической элиты России // Власть и элиты. Т. 5. Гл. ред. А. В. Дука. СПб. : Интерсоцис, 2018. С. 74-75. Следует, однако, учитывать, что данный автор фактически отождествляет парламентский сегмент с политэлитой в целом, с чем мы не можем согласиться.

² Табак В. Н. Внутриполитическое развитие Приднестровья (2017 — первое полугодие 2018 года) // Аналитический бюллетень Института социально-политических исследований и регионального развития. 2018. № 1. С. 25.

«политическую самостоятельность» приднестровской политэлиты и ее связи с Москвой, а стремление приднестровского руководства представить данный компромисс как «победу» в значительной степени нивелировалось тем, что за эти годы данные договоренности так и остались непубличными и не были обнародованы¹. «Нормализация отношений между Россией и Евросоюзом», которая рассматривается многими авторами как обязательный постсанкционный этап², пока что не стала частью политической реальности и межэлитной коммуникации.

В социально-экономической сфере политэлита не могла и далее игнорировать фактор роста цен, в связи с чем, хотя и с опозданием, пошла в начале 2019 г. на разовую индексацию пенсий и выплат бюджетникам, а также продлила решение о заморозке тарифов, принятое после девальвации местной валюты в 2017 г. В то же время уже при принятии бюджета на 2020 г. возможность новой индексации была отклонена в связи с сохранявшейся на тот момент неопределенностью в решении «газовой проблемы» между Россией и Украиной (вопрос является чрезвычайно чувствительным для приднестровской экономики).

В мае 2021 г. индексация выплат большинству категорий бюджетников была произведена, причем она была обусловлена не столько требованиями законодательства и объективными процессами, сколько сочетанием внешних и внутренних факторов — ситуацией с пандемией коронавируса, возможностью поступления запланированных средств в бюджет Приднестровья из внешних источников, а также очередным электоральным циклом, в рамках которого дополнительные социальные выплаты, как и индексация действующих, традиционно выступают одним из инструментов влияния политической элиты на настроения избирателей.

3. Вряд ли следует ожидать большей открытости политэлиты в освещении ее деятельности, тем более в ситуации, когда основные республиканские СМИ подконтрольны тем или иным сегментам политэлиты в рамках общего политического

¹ Кандель П. Е. Россия и ЕС: этнополитические конфликты на постсоветском пространстве // Европа XXI века. Новые риски и вызовы : [Монография] / [Ал. А. Громыко, В. В. Журкин, В. П. Федоров и др.] ; под общ. ред. Ал. А. Громыко, В. П. Федорова. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. С. 463, 465.

 $^{^2}$ Загорский А. В., Цельнер В. Модернизация механизмов сотрудничества России и ЕС. Доклад № 27 / 2016. М. : НП РСМД, 2016. С. 6.

консенсуса. К примеру, приднестровская политэлита отказалась от существовавшей в 2016 г. практики прямых трансляций пленарных заседаний Верховного Совета в сети «Интернет». Исключение будет составлять, скорее всего, освещение успехов и достижений властных структур. Приднестровская политэлита попрежнему практически не представлена в соцсетях и ограничивается мониторингом ситуации.

Приднестровские исследователи обращают в связи с этим внимание на то, что политическая элита всё реже советуется с народом по стратегическим вопросам дальнейшего развития, а «разномыслие и альтернативность заменяется единомыслием и "верным курсом партии"»¹. Описанное в данном случае А. Панариным «недоверие "демократов" к "туземному" большинству»² может встретить предсказуемую реакцию этого самого большинства, которое в ходе электоральных процедур будет выражать недоверие очередной генерации политэлиты.

- 4. Любые конфликтные ситуации между различными сегментами элиты будут и в дальнейшем разрешаться непублично, в рамках негласных договоренностей внутри самой элиты. Тем не менее нельзя исключать, что президентский сегмент политэлиты будет стремиться к укреплению собственных институтов, повышению их «веса» в социально-политических процессах.
- 5. Приднестровской элите в ближайшей перспективе придется, скорее всего, вновь прибегнуть к мобилизационной функции и функции ситуативного реагирования в связи с нарастанием внешних вызовов в контексте ситуации на Украине и в Молдове и возможностью усиления внешнего давления на Приднестровье, а также непредсказуемостью распространения заболевания COVID-19, неопределенностью в сроках поставки вакцин в Приднестровье и т.д. Справедливо отмечается, что практически по всему миру пандемия коронавируса обусловила принятие защитных мер и привела к смене методов коммуникации и принятия реше-

¹ Галинский И. Н., Галинский Я. О., Михайленко О. В. Институт парламентаризма как выражение политической демократии (на примере Приднестровья) // Вестник Приднестровского государственного университета : Сер. : Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 141. URL: spsu.ru/images/files/science/vestnik/Vestnik_Gymanit_nauki_2019-1.pdf

² Панарин А. С. Народ без элиты. М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2006. С. 299.

ний¹, и Приднестровье в этой ситуации не стало исключением. Ожидаемая глобальная рецессия, о которой говорят многие авторы, как и масштабные ограничения прав и свобод человека, в первую очередь свободы передвижения², также становятся частью политической и социальной реальности.

6. На политической ситуации в Приднестровье будет сказываться очередной электоральный цикл — парламентские выборы 2020 г. и президентские в 2021 г., тем более что состоявшиеся выборы в представительные органы власти требуют от политэлиты соответствующей реакции. На данный момент политэлита уже приняла некоторые решения, направленные на сохранение своих позиций (упомянутое выше ограничение числа парламентариев и депутатов местных советов, отмена порога явки и др.), однако представляется возможным ожидать и других решений, особенно в социально-экономической сфере, в частности по корректировке бюджетного законодательства и выплате индексаций, в том числе во втором полугодии 2021 г., по мере приближения выборов.

7. Приднестровской политической элите предстоит предпринять дополнительные усилия по налаживанию межэлитной коммуникации с политэлитами других стран, в особенности с российской и украинской. Сегодняшнее состояние вряд ли может быть признано в полной мере удовлетворительным, тем более в контексте нарастания различных вызовов. В то же время будут сохраняться попытки внешнего воздействия на приднестровскую политэлиту различными методами (уголовное преследование должностных лиц, ограничения на выезд и т.п.), что чревато «эрозией принципов и механизмов коммуникации» и преследует целью нарастание внутриэлитных противоречий в Приднестровье.

 $^{^1}$ Данилов Д. А. ОПБО : повестка в условиях пандемии COVID-19 // Европейский Союз : Факты и комментарии. Выпуск 100 : Март — май 2020. С. 82. URL : http://www.edcaes.ru/data/edcaes/content/user_files/files/100.pdf

² Громыко Ал. А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 2. С. 8.

³ Данилов Д. А. Приднестровское урегулирование: внешний контекст // Современная Европа. 2015. № 2. С. 32.

Подводя итог исследованию вопроса о современном состоянии политэлиты Приднестровья в контексте недавних электоральных циклов и перспективах ее развития, представляется возможным сделать некоторые выводы.

Во-первых, в Приднестровье смена поколений политической элиты в целом является естественным процессом, проводимым в рамках демократических процедур и основанным на оценке населением качества и эффективности действий политэлиты и степени ее подготовленности к тем вызовам, с которыми ей приходится сталкиваться.

Во-вторых, на данном этапе основными функциями приднестровской политэлиты продолжают оставаться мобилизационная, консолидирующая и лидерская. При этом они осуществляются для поиска эффективных ответов на возникающие внешние и внутренние вызовы, в первую очередь в контексте защиты населения от COVID-19, а также для сохранения доминирующего положения элиты и реализации собственных интересов. Функция стратегического планирования в настоящее время также приобретает востребованность, но ее реальное воплощение будет зависеть от качества имплементации утвержденной Стратегии развития Приднестровья до 2026 г.

В-третьих, по итогам электорального цикла 2015—2016 гг. в Приднестровье был преодолен серьезный внутриэлитный конфликт, который может быть охарактеризован как экстраполяция двух моделей, российской и украинской (молдавской), на приднестровскую политическую систему. Пропрезидентский сегмент политической элиты ставил своей целью обретение политической власти и ликвидацию сдерживающих барьеров в этом вопросе, в то время как крупный бизнес через своих представителей в политической элите рассматривал власть в качестве средства для защиты собственных бизнес-интересов, что являлось его главной целью. Укрепив свои позиции в приднестровской политэлите по итогам первой фазы избирательного цикла (парламентских выборов), крупный бизнес смог значительно усилить позиции и в других сегментах политической элиты, сосредоточив в своих руках эффективные механизмы влияния на принятие решений политэлитой и контроля за их исполнением.

Население отреагировало на такое отношение со стороны политической элиты резким падением уровня доверия к политическим институтам, в особенности к институту президентства, доверие к которому снизилось с 2013 г. к началу электорального цикла 2015–2016 гг. почти в 9 раз, затем вновь возросло, а после очередного витка несбывшихся ожиданий – снова снизилось.

В целом же уровни доверия к политическим институтам Приднестровья изменяются волнообразно, в зависимости от электоральных циклов и соответственно, активизации деятельности конкурирующих политических институтов. В то же время наблюдающиеся тенденции в развитии приднестровской политэлиты будут вести к снижению уровня публичной политической конкуренции и стремлению элиты избегать открытых внутриэлитных конфликтов.

При этом преодоление внутриэлитных противоречий пока не даёт оснований говорить о полном преодолении серьезных проблем во внутриполитической сфере, в связи с чем политэлита Приднестровья, для сохранения собственной политической легитимности, должна сделать соответствующие выводы из состоявшихся в 2020 г. выборов в представительные органы власти.

В-четвертых, нынешний состав политической элиты Приднестровья, в котором лидирующие позиции занимают представители крупного бизнеса и выходцы из системы Министерства внутренних дел, пока в полной мере не учитывает особенностей политического процесса на общегосударственном уровне и руководствуется преимущественно или методами корпоративного управления (свойственными крупному бизнесу), или жесткими административными методами (присущим системе МВД). Как следствие, в приднестровской политэлите проявляются неприятие критических замечаний, тенденции к централизации механизма принятия решений и монополизации различных сегментов общественнополитической жизни, к еще большей закрытости и самовоспроизводству политической элиты.

Отчасти поддержка населением присутствия представителей силовых структур во власти стала отражением ожиданий, связанных с концептом «сильного государства», который, по справедливому замечанию С. М. Федорова, сводит на

нет «торжество и упоение идеями либеральной глобализации, ревизии традиционной роли государства»¹, а также соответствует патерналистскому характеру приднестровской идентичности и сложившимся механизмам формирования политической элиты. Тем не менее в рамках этого тренда важно сохранить баланс между объективными тенденциями развития политического процесса, связанного с разного рода вызовами, и необходимостью формирования эффективных социально-политических лифтов, которые обеспечивали бы разумную открытость в формировании политэлиты, её мобильность.

В-пятых, недостаточное внимание со стороны политической элиты по отношению к интересам населения в известной степени объясняется отчуждением политэлиты от народа, усугубляет социально-политическую стратификацию и снижает эффективность социально-политических лифтов. Политическая элита, в свою очередь, использует политический абсентеизм населения в собственных интересах, в целях сохранения своего статуса и выступает с противоречивых позиций в отношении электоральной активности населения, с одной стороны призывая граждан активно участвовать в избирательных процессах, а с другой стороны — внедряя ряд новшеств, способных снизить электоральную мотивацию и направленных на сохранение сегодняшней ситуации (к примеру, законы об отмене порога явки на выборах).

При этом в Приднестровье пока только предпринимаются попытки выработать критерии оценки качества и эффективности политической элиты для более успешной реализации на практике механизмов ответственности элитных групп перед основным «потребителем» управленческих услуг – населением.

Ключевой формой ответственности политической элиты перед гражданами выступает политическая ответственность, при этом в Приднестровье население традиционно демонстрировало высокий уровень активности в общегосударственных избирательных процедурах, сохраняя стремление участвовать в политическом процессе. Иными словами, население голосовало не «ногами», игнорируя

¹ Федоров С. М. Французский опыт «сильного государства» (к 60-летию принятия конституции Пятой республики) // Право: история и современность. 2018. № 4. С. 124.

выборы, а, напротив, старалось заявить о своей позиции на избирательных участках. Но сохраняющаяся тенденция к падению доверия к институтам власти, а также усиление политического абсентеизма в сочетании с некоторыми названными выше законодательными решениями могут изменить эту особенность политической системы Приднестровья, что и показали недавние выборы в советы депутатов всех уровней, а также рекордно высокое число избирателей, проголосовавших против всех кандидатов (хотя голосование «против всех» вряд ли правильно отождествлять с отказом от участия в выборах, но не вызывает сомнений, что это одна из форм протестного голосования). В какой степени последние тревожные тенденции сохранятся, во многом зависит от эффективности действий всех участников политического процесса, но прежде всего – от политической элиты.

Заключение

Политическая элита представляет собой сложную, не всегда однородную, но при этом достаточно сплоченную общественную группу. Ее членов объединяет принадлежащее им в соответствии с установленными в стране процедурами право принимать общегосударственные, стратегические решения в интересах всего населения, контролировать их выполнение, а также влиять на принятие решений такого рода. При этом политическая элита стремится к удержанию власти в своих руках, используя различные механизмы и технологии для этого, в том числе самовоспроизводство, что может быть чревато ограничением демократических институтов.

Главной предпосылкой возникновения политической элиты выступает присущее человеческому обществу неравенство в различных проявлениях. Ставшие членами политэлиты стремятся сохранить свои лидирующие позиции, превращая их уже не только в цель, но и в средство удержания власти.

Политическая элита не является единственным субъектом политических процессов, хотя и имеет главенствующие позиции. Политэлита в широком понимании как общественная группа, наделенная эксклюзивными управленческими правами, может рассматриваться в качестве объединения трех структурных элементов: политической элиты в узком смысле слова, т. е. лиц, непосредственно принимающих общегосударственные решения, а также подкласса «политических профессионалов», включающего бюрократический аппарат, экспертов, журналистов, активистов политических партий, владельцев СМИ и др., и подкласса «политических любителей» — общественных деятелей, представителей бизнессообщества, науки, образования, здравоохранения, культуры и иных сфер, способных в силу своей публичной активности, узнаваемости, авторитета влиять на общественное мнение, на оценки принимаемых политэлитой решений, а также на процесс выработки решений.

Политическая элита в широком смысле является весьма разнородной общественной структурой, не идентифицирующей себя как единое целое и не связан-

ной общими целями, к примеру борьбой за власть. Вместе с тем наличие общих целей и групповая самоидентификация присущи политической элите в узком смысле, т. е. ограниченному кругу высших должностных лиц, а также бюрократическому аппарату. В то же время для любой политической элиты критически важной является недопустимость функционирования в отрыве от идентичности населения, которое эта элита представляет. Отрыв от идентичности населения будет снижать не только устойчивость политэлиты к внешним и внутренним вызовам, но и уровень ее политической и правовой легитимности.

Исключительные полномочия, предоставленные политической элите, предопределяют внимание, которое уделяется в науке исследованию феномена политэлиты, её составу, механизмам формирования, функциям и другим характеристикам.

Выполняя лидерскую, стратегическую, управленческую, мобилизационную, прогностическую, коммуникативную и иные функции, а также функцию ситуативного реагирования, политическая элита должна действовать максимально открыто и ориентироваться при этом на достижение оптимальных результатов. Однако на практике нередко наблюдается автономизация политической элиты от остального населения, что в условиях недостаточности механизмов общественного контроля может породить безответственность элиты, особенно в случае отсутствия устоявшихся демократических традиций.

Особую актуальность вопрос о составе и особенностях политической элиты приобретает в государствах, следующих по пути демократических преобразований. Население, наделяя политическую элиту правом действовать от имени всего государства, рассчитывает на подотчетность политэлиты народу как главному источнику ее легитимности. В такой ситуации неизбежно встает вопрос об условиях и критериях отбора представителей политической элиты с тем, чтобы они могли наилучшим способом и с наибольшей эффективностью решать стоящие перед ними задачи в интересах государства и общества в целом.

Источником для формирования такой системы критериев качества и эффективности политических элит является нормативный подход к исследованию по-

литэлиты, который, взаимно дополняя базовый структурно-функциональный подход, основанный на формальных признаках, позволяет расширить механизмы политического взаимодействия различных субъектов иными составляющими применительно к политической элите. Речь идет о моральных характеристиках представителей политической элиты, их лояльности государству, патриотизме, законопослушности и других качествах, которые обеспечивали бы их репрезентативность и легитимность в глазах населения. Кроме того, система критериев качества и эффективности политических элит должна быть напрямую увязана не только с процессом управленческой деятельности, но и с его результатами, которые проявляются в уровне жизни населения, возможностях развития индивида, реализации им его прав и свобод, включая право на инкорпорацию в политэлиту. Критерии качества и эффективности должны также обусловливать ответственность политэлит в рамках как политических (выборы и т. п.), так и юридических (к примеру, за коррупционные проявления) механизмов ответственности.

Такого рода критерии могут носить оценочный характер, могут выражаться в системах рассчитываемых и измеряемых показателей, могут быть формализованы в законодательстве или оставаться в морально-нравственной плоскости. Важно, чтобы они являлись стимулом для качественной и эффективной работы политической элиты, а население благодаря им осознавало свою значимость и востребованность в политическом процессе.

Особый научный интерес и практическую значимость представляет исследование феномена политической элиты применительно к государствам, существующим де-факто, но формально не признанным международным сообществом. К таким странам относится Приднестровье (Приднестровская Молдавская Республика) — частично признанное государство, возникшее на территории бывшей Молдавской ССР. Политическая элита Приднестровья, сформированная в период распада Союза ССР, отразила в себе всю динамику становления приднестровской государственности, а в дальнейшем превратилась в общественно-политическую группу, выполняющую те же функции, что и аналогичные политические структуры в других странах.

Образование приднестровской политической элиты может быть по праву названо процессом, не имеющим аналогов на постсоветской территории. В отличие от других союзных республик и частично признанных государств постсоветского пространства Приднестровье к периоду дезинтеграции СССР не имело собственной институционализированной политической элиты, партийногосударственная номенклатура в основном выступала против воссоздания отдельной государственности на этой территории. В итоге к власти в Приднестровье пришла контрэлита, сформированная преимущественно из представителей протестного движения конца 1980-х гг., которые возглавили сопротивление националистическому курсу властей Советской Молдавии. Не став правопреемником старой номенклатуры по формальным признакам (как это случилось в большинстве других бывших союзных республик), приднестровская политическая элита тем не менее выступила продолжателем и носителем системы ценностей, которая была присуща местному населению (патриотизма, приоритета коллективизма, интернационализма, межнационального мира и согласия, недискриминации и т. д.).

Будучи органической частью такого феномена, как территориальная и гражданская (политическая) идентичность Приднестровья, приднестровская политэлита оказалась достаточно репрезентативной и пользующейся доверием для того, чтобы возглавить вооруженное сопротивление в период открытой фазы противостояния с Молдовой. В дальнейшем связь приднестровской политэлиты и идентичности приднестровского населения проявилась в высоком уровне участия граждан в различных формах непосредственной демократии, в том числе при принятии народом решений о политической ответственности элиты во время избирательных кампаний.

К началу 2000-х гг. произошла окончательная трансформация местной политической элиты из постсоветской в приднестровскую. В своем развитии приднестровская политэлита следовала тем же тенденциям, что и политические элиты России, Украины, Молдовы. Это проявлялось в профессионализации элиты, ее опоре на собственную систему подготовки кадров, усилении сегмента исполни-

тельной власти, взаимной инкорпорации представителей политической и бизнесэлит.

В то же время непризнанный статус Приднестровского государства и его территориальное расположение обусловили высокую степень зависимости местной политической элиты и ее восприятия населением от внешних факторов. В итоге вследствие запуска в 2006 г. очередного комплекса мер экономического давления на Приднестровье произошла консервация внутриэлитного статус-кво, а окончательная смена поколений в приднестровской политической элите была перенесена на пять лет. Результатом стала стагнация политических процессов в Приднестровье, а также снижение качества как прежнего, так и потенциального нового поколения политэлиты. Вследствие этого новое руководство республики во главе с избранным в декабре 2011 г. Президентом Е. Шевчуком оказалось не в полной мере способным на должном уровне выполнять функции политической элиты, эффективно реагировать на различные вызовы.

В период электорального цикла 2015–2016 гг. приднестровская государственность столкнулась с чрезвычайно серьезными кризисными проявлениями как внутри республики, так и на внешнем периметре. Нарастание внутриэлитных противоречий, увеличение имущественного расслоения между различными группами населения, падение уровня доверия жителей Приднестровья к политическим институтам, усиление закрытости политической элиты при отсутствии у нее стратегического видения дальнейшего развития республики во многом предопределили итоги электорального цикла 2015–2016 гг. и значительные изменения в составе политэлиты Приднестровья.

Очередная смена генераций в политической элите обусловила рост востребованности такого канала рекрутирования, как административно-профессиональный (рост числа выходцев из системы МВД), способствовала расширению возможностей крупного бизнеса влиять на решения политической элиты. Вместе с тем преобладание корпоративных и административных методов управления, присущих крупному бизнесу и системе МВД, не в полной мере отвечает потребностям приднестровской государственности на современном этапе и может усугубить наме-

тившиеся тенденции к отчуждению политэлиты от населения. Сохраняющаяся тенденция к большей закрытости политэлиты в сочетании с неприятием проявлений критики в адрес власти либо полным ее игнорированием, к сокращению представительства населения в местных советах и Верховном Совете, а также ликвидация порога явки способствуют снижению мобильности социальных групп и падению доверия населения к власти.

Сохранение подобной тенденции способно еще больше снизить резистентность приднестровской государственности перед уже существующими и новыми угрозами. Для их преодоления представляется важным более активное задействование механизмов общественного устройства, переход к стратегическому планированию, реализации не только лидерской и мобилизационной, но и модернизационной функции политической элиты. Приднестровская политэлита должна при сохранении внутриэлитной циркуляции поощрять вовлечение в активную политическую жизнь представителей различных социальных групп.

Таким образом, положения о новизне данного исследования в полной мере нашли отражение в полученных научных результатах о структуре политэлиты, ее связи с населением, группировании различных научных подходов по приведенным в работе критериям, структуре критериев качества и эффективности элиты. Доказано также, что Приднестровье может считаться уникальным для постсоветского пространства случаем: его политэлита сохранила связь с идентичностью местного населения, выступив преемником советской партийноне государственной номенклатуры. Приведены этапы развития приднестровской политэлиты и тенденции ее развития на современном этапе в преддверии нового электорального цикла.

В этой ситуации, как представляется, для политэлиты Приднестровья было бы важно остановить тенденцию к нарастающей закрытости, в частности:

• пересмотреть решение об отмене порога явки избирателей с сохранением по крайней мере минимальных количественных пределов, в особенности по отношению к президентским выборам и всенародным референдумам. Полагаем, что это способствовало бы мобилизации самой элиты, более активно-

му с её стороны поощрению и содействию в вовлечении населения в политические процессы;

- вернуться к теме выборности глав административно-территориальных образований, которая неоднократно звучала во время различных избирательных кампаний;
- регулярно проводить срезы общественного мнения на предмет доверия населения политической элите и учитывать их в своей деятельности, а также обеспечивать публичность полученных результатов;
- рассмотреть вопрос о формировании кадрового резерва в масштабах всего Приднестровья, а не только по отдельным ведомствам;
- обеспечить реальную применимость на практике законодательной базы об общественном контроле, вести диалог с гражданским обществом не только через лояльные власти структуры. Гражданское общество должно стать полноценным партнером политэлиты и государства в целом в «решении проблем повышения качества жизни»¹, обеспечения транспарентности политэлиты и повышения ее качества.

Мы полагаем, что опыт Приднестровья как уникального государственного образования и полученные результаты исследования могут быть востребованы в Российской Федерации с учетом ряда тенденций, на которые справедливо обращаю внимание исследователи, в частности, нарастание масштабного интереса к локальным феноменам² и востребованности в Приднестровье российских культурных, гуманитарных ценностей, возможности их регионального продвижения. Речь может также идти о следующих вопросах:

1) в Приднестровье создано полиэтничное общество, где отсутствуют межнациональные противоречия, причем основой этого общества в значительной степени является русский язык, образование по российским стандартам и ориентация

¹ Воробьев В., Илиев Р. «Больные» государства и рецепты их лечения // Международная жизнь. 2018. № 12. С. 108.

² Водопьянова Е. В. Проблемы культурного сотрудничества // Европа XXI века. Новые риски и вызовы: [Монография] / [Ал. А. Громыко, В. В. Журкин, В. П. Федоров и др.]; под общ. ред. Ал. А. Громыко, В. П. Федорова. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 496.

большинства населения и политической элиты на Россию (одна из составляющих приднестровской гражданско-политической идентичности). Как представляется, этот опыт может быть использован в России для преодоления межнациональных разногласий;

- 2) на примере Приднестровья и его политэлиты можно прогнозировать действия, которые могут быть предприняты внешними силами для достижения своих целей. Так, персональные санкции против представителей приднестровской политэлиты были применены Евросоюзом и США еще в 2003 г., а последующие их действия по включению в санкционные списки новых представителей приднестровского руководства или исключению из них кого-либо из ранее включенных были ориентированы на раскол в приднестровской политической элите. Санкции против приднестровского экспорта, введенные в 2006 г., были направлены на усиление противоречий между приднестровским бизнесом и политической элитой, вывод местного бизнеса из-под приднестровской юрисдикции. При этом нельзя не согласиться с тем, что сотрудничество России и Евросоюза в Приднестровье относится к общим интересам Москвы и Брюсселя¹, как и диалог с политической элитой Приднестровья;
- 3) в условиях глобализации приднестровскому населению (идентичности) и политэлите удается, во-первых, сохранить связь друг с другом, во-вторых, совместными усилиями не допускать размывания территориальной и политической идентичности, сложившейся в республике, хотя в Приднестровье отмечаются схожие с Россией тенденции относительно нарастания закрытости элиты;
- 4) в силу ряда факторов Приднестровье может считаться территорией, с которой связаны национальные интересы Российской Федерации в различных сегментах, включая политический, военный, социально-гуманитарный, инвестиционно-экономический и др. В этом плане анализ развития приднестровской политэлиты, ее современное состояние и перспективы имеют для российской стороны не только теоретическое, но и прикладное значение.

 $^{^{1}}$ Загорский А. В. Россия и ЕС на перепутье. Общие и расходящиеся интересы. Рабочая тетрадь № 31 / 2016. М. : НП РСМД, 2016. С. 7.

Список используемых сокращений

ВПП «ЕР» – Всероссийская политическая партия «Единая Россия»;

ИСПИРР – Институт социально-политических и региональных исследований (Тирасполь, Приднестровье);

МССР – Молдавская Советская Социалистическая Республика;

ОНФ – Общеприднестровский народный форум;

«ОВР» – Блок «Отечество – вся Россия»;

ПГУ – Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко;

ПКП – Приднестровская коммунистическая партия;

РСМД – Российский совет по международным делам;

ТЮИ – Тираспольский юридический институт.

Список источников и литературы

Нормативно-правовые и договорно-правовые источники

- 1. Конституционный закон Приднестровской Молдавской Республики от 23 июля 2019 г. № 141-КЗИ-VI «О внесении изменения в Конституцию Приднестровской Молдавской Республики» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Приднестровской Молдавской Республики. Режим доступа : http://president.gospmr.org/pravovye-akty/zakoni/konstitutsionniy-zakon-pridnestrovsaskoy-moldavskoy-respubliki-o-vnesenii-izmeneniya-v-konstitutsiyu-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-.html.
- 2. Закон Приднестровской Молдавской Республики от 30 июля 2019 г. № 158-ЗИД-VI «О внесении изменений и дополнений в Избирательный кодекс Приднестровской Молдавской Республики» [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента Приднестровской Молдавской Республики. Режим доступа: http://president.gospmr.org/pravovye-akty/zakoni/zakon-pridnestrovskoy-moldavskoy-respublis-vnesenii-izmeneniy-i-dopolneniy-v-izbirateljniy-kodeks-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-.html
- 3. Закон Приднестровской Молдавской Республики от 29 декабря 2017 г. № 402-3-VI «Об основах общественного контроля в Приднестровской Молдавской Республике» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Приднестровья. Режим доступа: http://gos-pmr.ru/pravovye-akty/zakoni/zakon-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-ob-osnovah-obschestvennogo-kontrolya-v-pridnestrovskoy-moldavskoy-respublike-.html
- 4. Закон Приднестровской Молдавской Республики от 24 ноября 2017 г. № 335-3-VI «Об Общественной палате Приднестровской Молдавской Республики» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Приднестровья. Режим доступа: http://gos-pmr.ru/pravovye-akty/zakoni/zakon-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-.html
- 5. Концепция внешней политики Приднестровской Молдавской Республики // Дипломатический вестник Приднестровья. 2012. № 2. С. 133–141.
- 6. Постановление Правительства Приднестровья№ 209 от 15 июня 2020 г. «О введении ограничительных мер (карантина) по предотвращению распространения коронавирусной инфекции COVID-19» [Электронный ресурс] // Официаль-

- ный сайт Правительства Приднестровья. Режим доступа: http://gov-pmr.org/item/17755.
- 7. Совместное заявление Премьер-министров Украины и Республики Молдова от 30 декабря 2005 года // Сборник документов, относящихся к Совместному заявлению Премьер-министров Молдовы и Украины. Кишинев, 2006. 64 с.
- 8. Стратегия развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019—2026 годы (утверждена Указом Президента Приднестровья № 460 от 12 декабря 2018 года) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Приднестровья. Режим доступа: http://president.gospmr.org/strategiya-razvitiya/
- 9. Указ Президента Приднестровья № 98 от 16 марта 2020 г. «О введении чрезвычайного положения на территории Приднестровской Молдавской Республики» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Приднестровья. Режим доступа: http://president.gospmr.org/pravovye-akty/ukazi/o-vvedenii-chrezvichaynogo-polojeniya-na-territorii-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki.html
- 10. Указ Президента Приднестровья № 32 от 31 января 2020 г. «О превентивных мерах по недопущению распространения на территории Приднестровской Молдавской Республики коронавирусной инфекции» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Приднестровья. Режим доступа: http://president.gospmr.org/pravovye-akty/ukazi/o-preventivnih-merah-po-nedopuscheniyu-rasprostraneniya-na-territorii-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-koronavirusnoy-infektsii.html

Монографии, научные труды и публикации

- 11. Алпатин, П. А. Партийная система Приднестровья как отражение борьбы элитных групп / П. А. Алпатин // Аналитический бюллетень Института социально-политических исследований и регионального развития. 2020. № 1-2. С. 57.
- 12. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4 / Аристотель / пер. с древнегреч.; общ ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.
- 13. Ачкасов, В. А. «Изобретение традиции»: роль интеллектуальных элит в «идеологическом производстве» этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве (2009) / В. А. Ачкасов // Власть в России: Элиты и институты: матер. седьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов

- власти в условиях российской трансформации» / под ред. А. В. Дуки. СПб. : Интерсоцис, 2009. С. 9–22.
- 14. Ачкасов, В. А. «Этнические предприниматели» и процессы этнополитической мобилизации / В. А. Ачкасов // Элиты и власть в российском социальном пространстве: матер. пятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» (15–16 декабря 2006 г., Санкт-Петербург) / под ред. А. В. Дуки. СПб. : Интерсоцис, 2008. С. 89–98.
- 15. Ашин, Г. К. Понятие «элита» и его роль в политических исследованиях / Г. К. Ашин // Философские науки. 2005. № 7. С. 23–45.
- 16. Ашин, Г. К. Смена элит / Г. К. Ашин // Общественные науки и современность. -1995. -№ 1. C. 40–50.
- 17. Ашин, Г. К. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий / Г. К. Ашин, С. А. Кравченко, Э. Д. Лозанский. М.: Экзамен, 2001.-608 с.
- 18. Ашин, Г. К. Элитология: история, теория, современность : монография / Г. К. Ашин. М. : МГИМО-Университет, 2010.-600 с.
- 19. Ашин, Г. К. Элитология как российская инновация / Г. К. Ашин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 1 (26). С. 162–172.
- 20. Бабурин, С. Н. Глобализация в перспективе устойчивого развития / С. Н. Бабурин, М. А. Мунтян, А. Д. Урсул. М. : Магистр : ИНФРА-М, 2011. 496 с.
- 21. Бабурин, С. Н. Кризис: Россия спасет мир? / С. Н. Бабурин, С. М. Небренчин. М. : АСТ : Астрель, 2009. 317 с.
- 22. Багдасарян, X. А. Механизмы формирования политической элиты / X. А. Багдасарян // Проблемы социально-политической теории и практики в современном мире: cб. науч. cт. / под ред. В. А. Крючкова. М.: ИДК, 2014. С. 58–60.
- 23. Бест, X. «Европа» меньшее из зол? Границы путей выхода из безграничного кризиса с точки зрения элит / X. Бест // Власть и элиты / гл. ред. А. В. Дука. Т. $1.-C\Pi\delta$. : Интерсоцис, 2014.-C. 70-96.
- 24. Бирнбаум, П. Французский правящий класс: пер. с франц. / П. Бирнбаум, Ш. Барук, М. Беллэш, А. Марие; общ. ред. и послесл. И. М. Бунина. М. : Прогресс, 1981.-256 с.
- 25. Бобкова, Е. М. Организационная структура гражданского общества / Е. М. Бобкова // Общественная мысль Приднестровья. 2012. № 2. С. 24–29.

- 26. Бобкова, Е. М. Приднестровье как цивилизационно-исторический феномен: монография / Е.М. Бобкова, С.В. Олейников. Тирасполь : Изд-во Приднестр. ун-та, 2015.-236 с.
- 27. Бодюл, И. И. Дорогой жизни: время, события, размышления / И. И. Бодюл. Кишинев : Cusnir&C°, 2002. 524 с.
- 28. Бомешко, Б. Г. Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики, 1990–2010 гг. / Б. Г. Бомешко. Бендеры: Полиграфист, 2010. 520 с.
- 29. Бомешко, Б. Г. Приднестровье: годы созидания / Б. Г. Бомешко // Феномен Приднестровья. Тирасполь : РИО ПГУ, 2000 С. 94–122.
- 30. Бондаренко, В. Н. Критерии приднестровской власти по Евгению Шевчуку / В. Н. Бондаренко // Вестник Центра социально-политических исследований, содействия безопасности и информационных технологий «Прогноз». 2012. № 1. C. 7–20.
- 31. Букарский, В. В. Геополитическое значение Днестра как границы / В. В. Букарский // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 2004. № 8. С. 76–80.
- 32. Буренко, В. И. Власть и предпринимательство в контексте политической культуры российского общества / В. И. Буренко, В. В. Меркулов, Д. Д. Пеньковский, Л. Е. Раков. М.: Нац. ин-т бизнеса, 2003. 452 с.
- 33. Буренко, В. И. Институциональное измерение политической элиты [Электронный ресурс] / В. И. Буренко // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 6. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/6/Burenko/
- 34. Буренко, В. И. Общество без политики не имеет будущего / В. И. Буренко // Социокультурные факторы национальной безопасности России: сб. науч. тр. / отв. ред. А. В. Костина. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. С. 226–231.
- 35. Буренко, В. И. Политический класс современной России в контексте инструментального подхода / В. И. Буренко, А. В. Шумилов // PolitBook. -2012. -№ 4. C. 9-18.
- 36. Буренко, В. И. Политический класс современной России в контексте инструментального подхода / В. И. Буренко // Право и политика. -2013. -№ 4. C. 469–472.
- 37. Бухарин, С. Н. Эволюция элиты (материалы и исследования) / С. Бухарин, С. Малков. М. : Академический проект; Гаудеамус, 2014. 281 с.

- 38. Бырлэдяну, В. Идентичность политических элит в определении внешней политики Республики Молдова (1991–2007) / В. Бырлэдяну, Л. Коадэ // Республика Молдова в контексте воображаемых и действительных границ (Паттерны пограничной идентичности): сб. науч. тр. Вильнюс : ЕГУ, 2010. С. 99–117.
- 39. Бянов, Г.Н. Приднестровье в современном политическом пространстве: некоторые аспекты формирования имиджа / Г. Н. Бянов // Имидж государства и защита прав человека: реалии, проблемы, перспективы: матер. междунар. науч.-практ. конф. Тирасполь, 2008. С. 48–52.
- 40. Вельцель, К. Рождение свободы / К. Вельцель; под ред. Э. Д. Понарина, О. А. Оберемко; пер. с англ. А. В. Лисовского. М.: ВЦИОМ, 2017. 404 с.
- 41. Водопьянова, Е. В. Проблемы культурного сотрудничества / Е. В. Водопьянова // Европа XXI века. Новые риски и вызовы : [Монография] / [Ал. А. Громыко, В. В. Журкин, В. П. Федоров и др.] ; под общ. ред. Ал. А. Громыко, В. П. Федорова. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. С. 487–500.
- 42. Войт, И. А. Партийное строительство и электоральные процессы в Приднестровье / И. А. Войт // Общественная мысль Приднестровья. 2012. № 1. С. 237—242.
- 43. Войт, И.А. Политические партии в Приднестровье: проблемы и тенденции развития / И. А. Войт // Аналитический бюллетень Института социальнополитических исследований и регионального развития. 2018. № 1. С. 29—35.
- 44. Волкова, А. 3. Горячее лето 1989 года / А. 3. Волкова. Тирасполь: ГУ-ИПП «Типар», 2004. 320 с.
- 45. Воробьев, В. «Больные» государства и рецепты их лечения / В. Воробьев, Р. Илиев // Международная жизнь. -2018. -№ 12. -С. 97-110.
- 46. Восленский, М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М. Восленский. М. : Захаров, 2005. 640 с.
- 47. Гайда, Ф. А. Грани и рубежи: понятия «Украина и украинцы» в их историческом развитии / Ф. А. Гайда. М. : Модест Колеров, 2019. 200 с.
- 48. Гайда, Ф. А. «Україна для українців!»: рождение этнонима из духа классовой борьбы / Ф. А. Гайда // История. Научное обозрение OSTKRAFT. 2018. № 4. С. 16—23.
- 49. Галинский, И. Н., Галинский, Я. О., Михайленко, О. В. Институт парламентаризма как выражение политической демократии (на примере Приднестровья) [Электронный ресурс] / И. Н. Галинский, Я. О. Галинский, О. В. Михайленко // Вестник Приднестр. ун-та. Сер. : Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 136—

- 142. Режим доступа: spsu.ru/images/files/science/vestnik/Vestnik_Gymanit_nauki_2019-1.pdf
- 50. Галинский, И. Н. К вопросу о легитимности политической власти Приднестровской Молдавской Республики / И. Н. Галинский // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 2004. №8. С. 81–86.
- 51. Галинский, И. Н. Мировой опыт реформирования избирательных систем: востребованность и эффективность / И. Н. Галинский // Матер. Междунар. «круглого стола» по обсуждению реформы избирательной системы Приднестровья. Тирасполь, 2012. С. 55—62.
- 52. Галинский, И. Н. Модернизация системы государственного управления Приднестровской Молдавской Республики в новых политических условиях / И. Н. Галинский // Общественная мысль Приднестровья. 2012. № 2. С. 45–49.
- 53. Гаман-Голутвина, О. В. Бюрократия или олигархия? / О. В. Гаман-Голутвина // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность :матер.Междунар. симпозиума (Москва, 16–17 января 2000 года) / под общ. ред. Т. И. Заславской. М. : Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2000. С. 162–173.
- 54. Гаман-Голутвина, О. В. Введение. Элиты в фокусе исследовательского внимания / О. В. Гаман-Голутвина // Элиты и общество в сравнительном измерении : сб. ст. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 11–25.
- 55. Гаман-Голутвина, О. В. Метафизические измерения трансформации российских элит / О. В. Гаман-Голутвина // Политическая концептология. $2012. N_{\odot}$ 3. С. 38—53.
- 56. Гаман-Голутвина, О. В. Определение основных понятий элитологии / О.
   В. Гаман-Голутвина // Полис. 2000. № 4. С. 97–103.
- 57. Гаман-Голутвина О. В. Российские элиты в зеркале политической науки / О. В. Гаман-Голутвина // PRO NUNC: Современные политические процессы. Вып. 8. Политические элиты в условиях электорального формата трансформации власти / редкол. : О.В. Гаман-Голутвина (пред.), В.Ф. Пеньков и др. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 10–38.
- 58. Гаман-Голутвина, О. В. Система государственного управления РФ как инструмент антикризисной политики: оценка эффективности / О. В. Гаман-Голутвина // Элиты и общество в сравнительном измерении : сб. ст. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М. : Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2011. С. 224—255.

- 59. Ганин, А. В. «Признаки Запорожской сечи почти исчезли...». Обследование и чистка Военной академии РККА в 1922 г. / А. В. Ганин // История. Научное обозрение OSTKRAFT. 2019. № 1 (7). С. 5–45.
- 60. Гизатуллин, X. Н. Концепция устойчивого развития: новая социальноэкономическая парадигма / X. Н. Гизатуллин, В. А. Троицкий // Общественные науки и современность. – 1998. – № 5. – С. 124–130.
- 61. Глухов, А. А. Перехлест волны. Политическая логика Платона и постницшеанское преодоление платонизма / А. А. Глухов. М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. 584 с.
- 62. Глущенко, Ю. Н. Санкции США и ЕС как угроза экономической безопасности России / Ю. Н. Глущенко // Военно-политические аспекты безопасности России в свете кризиса на Украине : сб. докл. / под ред. Г. Г. Тищенко, В. Е. Новикова. М. : РИСИ, 2015. С. 35–46.
- 63. Горев, Б. И. Сословие, класс, партия / Б. И. Горев. Петроград : Изд-во «Рабочая библиотека» Организ. комит. Р.С.-Д.Р.П., 1917. 16 с.
- 64. Гранин, Ю. Д. Сохранятся ли «национальные государства» в XXI веке? / Ю. Д. Гранин // Свободная мысль. -2015. -№ 2. C. 65–80.
- 65. Громыко, Ал. А. Коронавирус как фактор мировой политики / Ал. А. Громыко // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 2. С. 4–13.
- 66. Громыко, Ал. А. Глобальный мир: риски и возможности / Ал. А. Громыко // Современная Европа. -2018. -№ 1. -С. 137–147.
- 67. Громыко, Ал. А. О насущном: Европа и современный мир / Ал. А. Громыко. М.; СПб.: Нестор-история, 2017. 232 с.
- 68. Грушин, Б. А. Мнения о мире и мир мнений / Б.А. Грушин. М. : Праксис, 2011.-544 с.
- 69. Губогло, М. Н. Тяжкое бремя конкурирующих идентичностей. Опыт Приднестровья / М. Н. Губогло // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. -2000. -№ 4. C. 13-35.
- 70. Гузенкова, Т. С. Антропология власти. Юлия Тимошенко / Т. С. Гузенкова. М. : ФИВ, 2010.-384 с.
- 71. Гэллап, Дж. Пульс демократии. Как работают опросы общественного мнения / Дж. Гэллап, С. Ф. Рэй; под ред. Н.П. Попова, А.В. Кулешовой; пер. с англ. В.Л. Силаевой. М.: ВЦИОМ, 2017. 256 с.
- 72. Данилов, Д. А. ОПБО: повестка в условиях пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] / Д. А. Данилов // Европейский Союз: Факты и комментарии. —

- Выпуск 100 : Март май 2020. С. 80–84. Режим доступа: http://www.edc-aes.ru/data/edcaes/content/user_files/files/100.pdf
- 73. Данилов, Д. А. Приднестровское урегулирование: внешний контекст / Д. А. Данилов // Современная Европа. 2015. № 2. С. 20-33.
- 74. Денильханов, А. А. «Черные лебеди» нового либерализма / А. А. Денильханов // Проблемы постсоветского пространства. 2019. Т. 6, № 3. С. 297—307.
- 75. Джилас, М. Лицо тоталитаризма [Электронный ресурс] / М. Джилас. Электронная библиотека ModernLib.Ru. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/dzhilas_milovan/lico_totalitarizma/read
- 76. Дирун, А. В. Особенности становления многопартийности в Приднестровье в период с 1990 по 1993 год / А. В. Дирун // Приднестровье в современном политическом и социально-экономическом пространстве : матер. Междунар. науч. практ. конф. Тирасполь, 2009. 204 с.
- 77. Дирун, А. В. Открытое Приднестровье: вызовы и перспективы / А. В. Дирун. Тирасполь, 2009. 144 с.
- 78. Дирун, А. В. Политические партии, движения и организации Приднестровской Молдавской Республики / А. В. Дирун, Е. М. Бобкова, В. В. Лысенко, А. В. Кривенко. Тирасполь, 2004. 196 с.
- 79. Дирун, А. В. Три вызова для избирательной кампании в Верховный Совет Приднестровья в 2020 году / А. В. Дирун // Аналитический бюллетень Института социально-политических исследований и регионального развития. -2020. -№ 1- 2. -ℂ. 73–78.
- 80. Драган, А. И. Политика Румынии в отношении Республики Молдова на современном этапе / А. И. Драган // Проблемы постсоветского пространства. 2019. Т. 6, № 1. С. 74—83.
- 81. Дука, А. В. Концептуальные основания анализа властных элит / А. В. Дука // Управленческое консультирование. — 2011. — № 1. — С. 48—62.
- 82. Дука, А. В. О подходах к анализу властных элит / А. В. Дука // Управленческое консультирование. -2012. -№ 2. C. 48–55.
- 83. Дука, А. В. Стабилизация в условиях неопределенности: институционализация региональных элит / А. В. Дука // PRO NUNC: Современные политические процессы. Вып. 7. Субъектное поле политики. Элита. Номенклатура. Бюрократия / редкол. : О. В. Гаман-Голутвина (пред.), В. Ф. Пеньков, Д. Г. Сельцер. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007. С. 86–101.

- 84. Емелин, В. А. Идентичность в информационном обществе: монография / В. А. Емелин. М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. 360 с.
- 85. Загородникова, А. Н. Демократии и элиты в России и мире в XXI веке: сравнительный анализ (развернутые тезисы) / А. Н. Загородникова // Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия : сб. ст. / под ред. Я. А. Пляйса. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 215 с.
- 86. Загорский, А. В. Россия и ЕС на перепутье. Общие и расходящиеся интересы / А. В. Загорский. Рабочая тетрадь № 31 / 2016. М. : НП РСМД, 2016. 28 с.
- 87. Загорский, А. В., Цельнер, В. Модернизация механизмов сотрудничества России и ЕС / А. В. Загорский, В. Цельнер. Доклад № 27 / 2016. М. : НП РСМД, 2016. 24 с.
- 88. Закария, Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Ф. Закария / пер. с англ., под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Ладомир, 2004. 383 с.
- 89. Зыгарь, М. Вся кремлевская рать: Краткая история современной России / М. Зыгарь. М.: Интеллектуальная литература, 2016. 408 с.
- 90. Иванов, Р.Ф. Ку-клукс-клан / Р. Ф. Иванов, Э. В. Лисневский. М. : Наука, 1981. 192 с.
- 91. Ильин, М. В., Кудряшова, И. В. «Кризисы суверенитета» в современную эпоху / М. В. Ильин, И. В. Кудряшова // Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности: монография / под ред. М. В. Ильина, И. В. Кудряшовой. М.: МГИМО-Университет, 2011. С. 4–20.
- 92. Ильинский, И. М. Образовательная революция / И. М. Ильинский. М. : Изд-во Моск. гуманит.-социальн. академии, 2002. 592 с.
- 93. История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2, ч. II / отв. ред. В. Я. Гросул. Тирасполь : РИО ПГУ, 2001. 512 с.
- 94. Кабзан, Е. П. Русская культурная доминанта как основа российской политической идентичности в социологическом измерении / Е. П. Кабзан // PolitBook. 2019. № 3. С. 32–52.
- 95. Калабеков, И. Г. Российские реформы в цифрах и фактах/ И. Г. Калабеков / Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : РУСАКИ, 2010. 855 с.
- 96. Кандель, П. Е. Россия и ЕС: этнополитические конфликты на постсоветском пространстве / П. Е. Кандель // Европа XXI века. Новые риски и вызовы : [Монография] / [Ал. А. Громыко, В. В. Журкин, В. П. Федоров и др.]; под общ.

- ред. Ал. А. Громыко, В. П. Федорова. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. С. 450–470.
- 97. Каневский, П. С. Политическая стратификация в современной России: классы, элиты, группы интересов / П. С. Каневский. М. : Академический проект, 2014. 151 с.
- 98. Капитонов, С. А. Политические партии в системе государственной власти / С. А. Капитонов // Актуальные проблемы государствоведения : сб. науч. тр. / под общ. ред. С.Н. Бабурина. М. : Изд-во РГТЭУ, 2010. С. 195–205.
- 99. Караман, А. А. Становление правового государства и гражданского общества в Приднестровской Молдавской Республике / А. А. Караман // Гражданское общество и правовое государство : Опыт становления и перспективы развития : сб. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Тирасполь, 2010. С. 38–50.
- 100. Керимов, А. Д. Грядущая эпоха и российская политическая элита / А. Д. Керимов // Национальные интересы. -2013. -№ 3. С. 13-16.
- 101. Керимов, А. Д. О причинах властвования меньшинства в государственно-организованном социуме / А. Д. Керимов, Г. Х. Нуриев // Актуальные проблемы современного российского государствоведения: сб. науч. тр. /под общ. ред. С. Н. Бабурина. Вып. 2. М.: Изд-во РГТЭУ, 2009. С. 81–99.
- 102. Керимов, А. Д. Стратегические просчеты российской политической элиты / А. Д. Керимов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 48 с.
- 103. Кислицын, С. А. Научная элита в системе политической власти. Изд. 2-е, испр. и доп. / С.А. Кислицын. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
- 104. Кодряну, Г. Днестровский разлом. Приднестровский кризис и рождение ПМР: роль и место спецслужб / Г. Кодряну. Тирасполь : ГИПП «Типар», 2002.-208 с.
- 105. Колеров, М. А. «Историческая политика» в современной России: поиск институтов и языка / М. А. Колеров // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Иванович и др. — Т.XVI. — М. : Издатель Модест Колеров, 2014. — С. 441—480.
- 106. Колеров, М. А. Тоталитаризм: русская программа для западной доктрины / М. А. Колеров // Исследования по истории русской мысли [14]. Ежегодник за 2018 год. М.: Модест Колеров, 2018. С. 207—297.
- 107. Комаров, А. Уральская республика: поражение и реванш Эдуарда Росселя / А. Комаров // История. Научное обозрение OSTKRAFT. 2018. № 6. С. 78–100.

- 108. Кондратович, Д. Ф. Предыстория Приднестровской Молдавской Республики / Д. Ф. Кондратович // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 1997. № 1. С. 57–59.
- 109. Коробов, В. К., Бянов, Г. Н. Обновление Приднестровья / В. К. Коробов, Г. Н. Бянов. Херсон : Надднепряночка, 2006. 30 с.
- 110. Коробов, В. К. Становление многопартийности в Приднестровье: новые политические реалии и старые призраки / В. К. Коробов // Вестник Центра исследований Южно-украинского пограничья. 2007. № 1–2. С. 25–32.
- 111. Косташ, И. Дни затмения: Хроника необъявленной войны: Павшим за целостность Республики Молдова посвящается / И. Косташ. Кишинев : Б. и. (Типограф. изд-ва «Универсул»), 2011. 704 с.
- 112. Кочетков, А. П. Транснациональные элиты и гражданское общество: особенности взаимодействия / А. П. Кочетков // Вестник Московского университета. Серия 12 : Политические науки. 2020. № 1. С. 19–30
- 113. Криворученко, В. К. Элита: к вопросу о понятии / В. К. Криворученко // Элиты России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты: сб. науч. ст. Вып. 2. М.: Изд. Национального института бизнеса, 2012. С. 23–50.
- 114. Крыштановская, О. В. Анатомия российской элиты / О. В. Крыштановская. М.: Захаров, 2005. 384 с.
- 115. Крыштановская, О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту / О. В. Крыштановская // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65.
- 116. Крючков, В. А. Политическая элита: теоретический аспект / В. А. Крючков, А. К. Сковиков, О. Н. Титова // Фундаментальные исследования. 2013. N_2 11. Часть 8. С. 1736—1740.
- 117. Кулаков, С. В. Проблемы формирования региональной политической идентичности в современной России / С. В. Кулаков // PRO NUNC. Современные политические процессы. -2015. N 1. C. 142-151.
- 118. Кулик, В. А. Через технологии управления репутациями к окончательному решению приднестровской проблемы / В. А. Кулик // Имидж государства и защита прав человека: реалии, проблемы, перспективы: матер. междунар. науч.-практ. конф. Тирасполь, 2008. С. 181–186.
- 119. Кургинян, С. Е. Качели. Конфликт элит или развал России? / С. Е. Кургинян. М. : МОФ ЭТЦ, 2008. 772 с.

- 120. Лавренов, С. Я., Ушурелу, О. В. Русский язык в Молдавии: тенденция на вытеснение / С. Я. Лавренов, О. В. Ушурелу // Научно-аналитический журнал Обозреватель Observer. 2020. № 10. С. 43–57.
- 121. Левин, Л. Г. Политические руководители как военные лидеры / Л. Г. Левин // Свободная мысль. -2014. -№ 3. С. 177-186.
- 122. Ледяев, В. Г. Власть: концептуальный анализ / В. Г. Ледяев. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 384 с.
- 123. Ледяев, В. Г. Кого относить к элите? Размышления по поводу статьи Т. Койчуева «Элита постсоциалистического общества: кого к ней относить?» (Общество и экономика. -2007. -№ 5–6. -С. 3–13) / В. Г. Ледяев // Общество и экономика. -2008. -№ 3–4. -С. 121–129.
- 124. Ледяев, В. Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах / В. Г. Ледяев. М. : НИУ ВШЭ, 2012.-412 с.
- 125. Ледяев, В. Г. Эмпирические исследования власти на начальных этапах развития политической социологии в США / В. Г. Ледяев // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. ст. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 60–80.
- 126. Ленин, В. И. Сочинения в 45 томах : Издание четвертое. Т. 16. / В. И. Ленин. М. : ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1948. 448 с.
- 127. Леонтьева, О. В. Критерии качества и эффективности политической элиты / О. В. Леонтьева // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8. С. 298—300.
- 128. Леонтьева, О. В. Политические элиты Республики Молдова и Приднестровской Молдавской Республики: формирование, генезис, внешние факторы / О. В. Леонтьева, В. В. Ястребчак // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 4. С. 86—102.
- 129. Леонтьева, О. В. Репрезентативность политической элиты Приднестровья в контексте очередного избирательного цикла / О. В. Леонтьева // Политическое представительство и публичная власть : трансформационные вызовы и перспективы. Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием РАПН'2020, Москва, МПГУ, 27-28 ноября 2020 г. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М. : Изд. МПГУ, 2020. С. 305–306.

- 130. Леонтьева, О. В. Трансформация и смена политических элит на постсоветском пространстве в период распада СССР (на примере Молдовы и Приднестровья) / О. В. Леонтьева // Элиты России в прошлом и настоящем: социально психологические и исторические аспекты: сб. науч. ст. Вып. 2. М.: Изд. Национального института бизнеса, 2012. С. 233–240.
- 131. Литвинов, В. А. Концентрация и дифференциация денежных доходов по группам населения РФ / В. А. Литвинов // Экономический журнал ВШЭ. 1999. № 2. С. 226—237.
- 132. Лориа, А. Социология. Ее задача, направления и новейшие успехи. Лекции, читанные в Падуанском университете с января по май 1900 г. / А. Лориа / пер. с авторизованного и просмотренного автором немецкого перевода под ред. Ю. Д. Филиппова. СПб. : Издание Товарищества «Общественная польза», 1903. 120 с.
- 133. Магомедов, А. К. Элита власти и политическая идеология: к пониманию политического призвания правящего класса / А. К. Магомедов // Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. С. 106–115.
- 134. Макиавелли, Н. Государь: соч. / Н. Макиавелли. М. : Эксмо; Харьков : Фолио, 2006. 672 с.
- 135. Малинова, О. Ю. Политические элиты как «производители смыслов» российской политики: к постановке проблемы / О. Ю. Малинова // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. ст. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 280–294.
- 136. Массовая политика: институциональные основания / под ред. С. В. Патрушева. М. : Политологическая энциклопедия, 2016. 286 с.
- 137. Межуев, В. М. Ленинская теория культурной революции как модернизационный проект для России / В. М. Межуев // Высшее образование для XXI века: X Международная научная конференция. Москва, 14-16 ноября 2013 г.: Доклады и материалы. Секция 1. Философия образования / отв. ред. А. Э. Воскобойников, А. К. Сковиков. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. С. 51–62.
- 138. Мерсиянова, И. В. Доверие граждан к деятельности государственных служащих / И. В. Мерсиянова, В. Н. Якимец, Е. И. Пахомова // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 98—119.
- 139. Миллс, Р. Властвующая элита / Р. Миллс; пер. с англ. Е. И. Розенталь, Л. Г. Рошаль, В. Л. Кон. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 542 с.

- 140. Михельс, Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия / Р. Михельс; пер. с нем. А. А. Зотова // Социс. 2000. № 1. С. 107–116.
- 141. Моспанов, А. В. Без политического «нерва». Приднестровье готовится к выборам / А. В. Моспанов // Аналитический бюллетень Института социальнополитических и региональных исследований. 2020. № 1-2. С. 68–72.
- 142. Мохов, В. П. Кадровая революция в процессах социальной трансформации властной элиты / В. П. Мохов // Власть в России : элиты и институты : матер. седьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под. ред. А. В. Дуки. СПб. : Интерсоцис, 2009. С. 23–36.
- 143. Мохов, В. П. Об определении понятия «элита» / В. П. Мохов // Общество и экономика. 2008. № 3–4. С. 130–143.
- 144. Мохов, В. П. Циркуляция элит: проблема критериев процесса / В. П. Мохов // Власть и элиты / гл. ред. А. В. Дука. Т. 1. СПб. : Интерсоцис, 2014. С. 8–18.
- 145. Мухин, А. А. Бизнес-элита и государственная власть: Кто владеет Россией на рубеже веков? / А. А. Мухин. М.: ГНОМ и Д, 2001. 208 с.
- 146. Муцушика, Ш. Евросоюз и Россия о проблеме Приднестровья / Ш. Муцушика // Приднестровье в макрорегиональном контексте Черноморского побережья: сб. ст. / науч. ред. К. Мацузато. Sapporo : Slavic Research Center, Hokkaido University, 2008. С. 138–159.
- 147. Мяло, К. Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000). К истории падения сверхдержавы / К. Г. Мяло. М. : Вече, 2002. 480 с.
- 148. Мясников, О. Г. Смена элит: «консолидация» или «вечная схватка»? / О. Г. Мясников // Полис. 1993. № 1. С. 52–60.
- 149. Наумкина, С. М. Влияние политической элиты на стабилизационные процессы в обществе / С. М. Наумкина // Приднестровская государственность в контексте современного международного опыта федерализма: научн. изд. Тирасполь: ЦСПИ «Перспектива», 2003. С. 36–43.
- 150. Неклесса, А.И. Сердце тьмы / А.И. Неклесса // Свободная мысль. 2015. № 3. С. 119–138.
- 151. Немченко, П.А. Мажоритарная система выборов депутатов представительных органов власти как нарушение права граждан избирать / П. А. Немчен-

- ко // Имидж государства и защита прав человека: реалии, проблемы, перспективы : матер. междунар. науч.-практ. конф. Тирасполь, 2008. С. 111–116.
- 152. Облонский, А. В. Этика публичной сферы и реалии политической жизни / А. В. Облонский. М. : Мысль, 2016. 448 с.
- 153. Ожиганов, Э. Н. Этнополитический конфликт в Приднестровье: причины и развитие (1989–1992) / Э. Н. Ожиганов // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2006. № 20 (308). С. 28–52.
- 154. Орлов, Д. Консервативная модернизация: конфигурация власти и новая политическая повестка дня / Д. Орлов, Д. Бадовский, М. Виноградов // АПЭКТЕКСТЫ: сб. аналитич. докладов, рейтингов ведущих политиков, статей и комментариев к 10-летию Агентства политических коммуникаций. М.: «Опе-book.ru», 2014. С. 29–44.
- 155. Ошкин, В. В. Взаимоотношения элиты и массы в творчестве Р. Михельса и Й. Шумпетера: методология исследования: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Ошкин Виталий Владимирович. Ульяновск, 2014. 189 с.
- 156. Павловский, Γ . О. Система РФ. Источники российского стратегического поведения: метод G.F. Kennan / Γ . Павловский. М. : Европа, 2015. 180 с.
- 157. Павроз, А. В. Теория политического плюрализма и процесс формирования государственной политики / А. В. Павроз // Вестник Пермского университета. Политология. $2012. \text{N}_{\text{\tiny 2}} 2. \text{C}. 130$ —137.
- 158. Панарин, А. С. Народ без элиты / А. С. Панарин. М. : Алгоритм; Эксмо. 2006. 352 с.
- 159. Панарин, А. С. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой / А. С. Панарин // Наш современник. 2001. № 11. С 76–115.
- 160. Парето, В. Компендиум по общей социологии / В. Парето // Антология мировой политической мысли : в 5 т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль XX в. М. : Мысль, 1997. С. 59—78.
- 161. Пернацкий, В. И. Феномен социальной реальности / В. И. Пернацкий // Свободная мысль. -2015. -№ 3. -C. 173-188.
- 162. Пинчук, А. Ю. Концепция критики приднестровской власти / А. Ю. Пинчук // Вестник Центра социально-политических исследований, содействия безопасности и информационных технологий «Прогноз». 2012. № 1. С. 4–6.

- 163. Платон. Сочинения: в 4 т. Т. 3, ч. 1 / Платон / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. 752 с.
- 164. Пляйс, Я. А. Особенности формирования политико-административной элиты в России в эпоху транзита / Я. А. Пляйс // Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. С. 366—390.
- 165. Радаев, В. В. Социальная стратификация / В. В. Радаев, О. И. Шкаратан. М. : Аспект Пресс, 1996. 318 с.
- 166. Райт, Э. О. Класс и политика [Электронный ресурс] / Э.О. Райт // Энциклопедия политики. Режим доступа: http://www.studfiles.ru/preview/4364996/
- 167. Ракитянский, Н. М. Психологические особенности взаимодействия элиты и общества в процессе политического реформирования / Н. М. Ракитянский // Психология восприятия власти / под ред. Е. Б. Шестопал. Вып. 1. М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2002. –С. 63–74.
- 168. Роткопф, Д. Суперкласс. Те, кто правит миром / Д. Роткопф ; пер. с англ. М. : АСТ : Астрель : Полиграфиздат, 2010.-475 с.
- 169. Сартори, Дж. Вертикальная демократия [Электронный ресурс] / Дж. Сартори // Матер. семинара «Общество и элита» (31 января 1 февраля 2015 года). Воронеж : Школа эффективных коммуникаций «Репное», 2015. С. 65. Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/repnoe/2014/6.pdf
- 170. Сафонов, А. М. В Парламенте Молдовы и за его стенами (1988–1992): Записки депутата / А. М. Сафонов. Бендеры : Полиграфист, 2010. 116 с.
- 171. Сафонов, А. М. Приднестровье: путь в будущее: книга для всех приднестровцев / А. М. Сафонов. – Бендеры: 2013. – 56 с.
- 172. Сергеев, А. Л. Приднестровье сегодня: проблемы и перспективы жизнедеятельности / А. Л. Сергеев. М.: Рос. ин-т стратег. исслед., 2015. 112 с.
- 173. Сидаков, А. М. Динамика развития и рекрутирования российской политической элиты / А. М. Сидаков // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение: Философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. $2011. N \cdot 4. C. 143 141.$
- 174. Симагин, Н. Ответственность министров / Н. Симагин. М. : Издание В.М. Саблина : Типо-литография «Русского товарищества печати и издательского дела», 1906. 18 с.

- 175. Сирик, В. А. Выборы высшего законодательного органа ПМР в контексте механизмов реальной демократии: социально-политические аспекты и перспективы / В. А. Сирик // Международное право и реалии современного мира: Приднестровская Молдавская Республика как состоявшееся государство. Тирасполь: ЦСПИ «Перспектива», 2006. С. 262—267.
- 176. Сковиков, А. К. Власть и гражданское общество в современной России / А. К. Сковиков // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: матер. III Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. И. А. Ветренко. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. С. 109–115.
- 177. Сковиков, А. К. Гаэтано Моска об акторах политического управления и власти / А. К. Сковиков // PolitBook. 2012. № 4. С. 104–115.
- 178. Сковиков, А. К. Политические партии и российская молодежь: диалог на современном этапе / А. К. Сковиков, С. Г. Скутина, А. С. Фалина // PolitBook. $2018. N_2 4. C. 64-73.$
- 179. Смирнов, В. А. Политические элиты в малых странах: вопросы теории / В.А. Смирнов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 151 с.
- 180. Смирнов, Д. С. Ценностные ориентации политической элиты как фактор ее эффективности / Д. С. Смирнов // Власть. 2007. № 2. С. 18–20.
- 181. Смирнов, И. Н. Вместе с Россией / И. Н. Смирнов. Тирасполь : ТИ-ПАР, 2007. 200 с.
- 182. Смирнов, И.Н. Жить на нашей земле / И. Н. Смирнов. М. : Советский писатель, $2001.-240~\rm c.$
- 183. Смирнов, И. Н. Приднестровский характер / И. Н. Смирнов. Бендеры : «Полиграфист», 2011. 176 с.
- 184. Соин, Д. Ю. Законодательная власть Приднестровья в зеркале выборов 2000 / Д. Ю. Соин ; под ред. В. И. Проценко. Тирасполь, 2001. 78 с.
- 185. Сравнительная политология /под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М. : Аспект Пресс, 2018. 752 с.
- 186. Степанов, В. П. Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989–2014 гг.) : монография / В. П. Степанов; предисл. М. Н. Губогло; Рос. ин-т стратег. исслед.; Приднестр. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко; Ин-т истории и гос. управления. М.; Тирасполь, 2015. 224 с.
- 187. Стоянов, А. С. Общество ожиданий: введение в концептуальные основы теории. Элективный спецкурс / А. С. Стоянов. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 336 с.

- 188. Сытин, А. Н. Страны Балтии в ЕС: единство и своеобразие позиций политических элит /А. Н. Сытин, В. А. Смирнов // Проблемы национальной стратегии. -2012.- № 4.- C. 98-118.
- 189. Табак, В. Н. Внутриполитическое развитие Приднестровья (2017 первое полугодие 2018 года) / В. Н. Табак // Аналитический бюллетень Института социально-политических исследований и регионального развития. 2018. № 1. С. 22—28.
- 190. Теев, Д. Б. Бизнес как источник рекрутирования федеральной административной и политической элиты России / Д. Б. Теев // Власть и элиты / гл. ред. А. В. Дука. Т. 5. СПб. : Интерсоцис, 2018. С. 54–86.
- 191. Титова, Л. Г. Современная российская политика / Л. Г. Титова. М. : $HИ\Pi K \coprod «Восход-А», 2010. 364$ с.
- 192. Ткаченко, О. Письма далекого друга. Васолъялгань сёрмат / О. Ткаченко. Изд. 2-е, перераб. и доп. Саранск ; Киев, 2008. 125 с.
- 193. Устрялов, Н. В. Избранные труды / Н. В. Устрялов; сост., авт. коммент. : В. Э. Багдасарян, М. В. Дворковая, авт. вступ. ст. В. Э. Багдасарян. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 888 с.
- 194. Федоров, С. М. [Украинский кризис как катарсис] / С. М. Федоров. Украинский кризис: экспертная оценка. По материалам заседания Ученого Совета Института Европы РАН // Современная Европа. -2014. -№ 3. -С. 30–31.
- 195. Федоров, С. М. Французский опыт «сильного государства» (к 60-летию принятия конституции Пятой республики) / С. М. Федоров // Право: история и современность. 2018. № 4. С. 124–130.
- 196. Федосеев, А. А. Современная американская буржуазная политология: истоки, традиции, новации / А. А. Федосеев. Л. : Изд-во Ленинград.ун-та, 1989. 216 с.
  - 197. Феномен Приднестровья. Тирасполь: РИО ПГУ, 2000. 288 с.
- 198. Филимонов, П. И. О национальной безопасности и пути державного возрождения России / П. И. Филимонов, Л. Г. Малиновский, А. П. Филимонов и др. М. : Стольный град, 2000. 230 с.
- 199. Харитонова, Н. И. Атрибуты государства в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике [Электронный ресурс] / Н. И. Харитонова // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. Вып. № 37. С. 92—106. Режим доступа: http://e-jour-

- nal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2013/vipusk__37._aprel_2013_g._/pravovie_i_polititche skie_aspekti_upravlenija_/kharitonova.pdf
- 200. Харитонова, Н. И. Приднестровский конфликт (1988–2012 гг.) / Н. И. Харитонова. М. : Линия-график, 2015. 520 с.
- 201. Харитонова, Н. И. Фактор цивилизационной идентичности населения Приднестровья в разрешении приднестровского конфликта / Н. И. Харитонова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. -2019. Т. 9, № 1. С. 142–151.
- 202. Хигли, Дж. Элиты, вне-элитные группы и пределы политики: теоретический ракурс / Дж. Хигли // Элиты и общество в сравнительном измерении : сб. ст. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 28–59.
- 203. Хинштейн, А. Кризис / А. Хинштейн, В. Мединский. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. 464 с.
- 204. Худяков, Р. И. Становление и развитие гражданского общества в Приднестровской Молдавской Республике / Р. И. Худяков // Гражданское общество и правовое государство: опыт становления и перспективы развития: сб. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Тирасполь, 2010. С. 109–112.
- 205. Цыплакова, Е. П. Роль элит в процессе политических трансформаций на постсоветском пространстве (на примере России и Украины) : дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Цыплакова Екатерина Петровна. СПб., 2011. 197 с.
- 206. Цырдя, Б. Олигархическая Молдова / Б. Цырдя, В. Чобану. 2-е изд., перераб. и доп. Кишинев : Нац. ин-т развития, 2014. 856 с.
- 207. Черныш, М. Ф. Памяти Э. О. Райта / М. Ф. Черныш // Социологические исследования. -2019. -№ 1. C. 168–168.
- 208. Чернышов, А. Г. Власть и общество: в поисках элиты / А. Г. Чернышов // PRO NUNC: Современные политические процессы. Вып. 8. Политические элиты в условиях электорального формата трансформации власти / редкол. : О. В. Гаман-Голутвина (пред.), В. Ф. Пеньков, А. С. Пучнин и др. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 67–87.
- 209. Чубашенко, Д. Приднестровское урегулирование: много шума и ничего / Д. Чубашенко // Приднестровская государственность в контексте современного международного опыта федерализма. Тирасполь : ЦСПИ «Перспектива», 2003. С. 252–255.

- 210. Шевчук, Е. В. Нам здесь жить... / Е. В. Шевчук. Тирасполь : ЗАО «ТИПАР», 2010. 248 с.
- 211. Шевчук, Е. В. О ситуации в Приднестровье: политические спекуляции, некоторые цифры, факты / Е. В. Шевчук. Тирасполь, 2015. 36 с.
- 212. Шестов, Н. И. Политический миф теперь и прежде / Н. И. Шестов; под ред. А. И. Демидова. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 414 с.
- 213. Шорников, П. М. Молдавская этнокультурная идентичность: миф или реальность? / П. М. Шорников // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 2004. N 8. C. 59-67.
- 214. Шорников, П. М. Приднестровский конфликт и политическая элита Молдавии / П. М. Шорников // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. -2002. N = 6. C. 25 32.
- 215. Штански, Н. В. Украинский кризис и международное признание Приднестровья / Н. В. Штански // Молдово-приднестровский регион. -2014. -№ 3-4. C. 38-40.
- 216. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Л.Г. Моргана / Ф. Энгельс. М. : Политиздат, 1973. 240 с.
- 217. Яковлев, В. Н. Волеизъявление народа всесильно и неотменимо / В. Н. Яковлев. Тирасполь : РИО ПГКУ, 1995. 104 с.

Источники на иностранных языках

- 218. Allen, Ch. F. Puştiul care revine. Viața și cariera lui Bill Clinton / Ch. F. Allen, J. Portis. București : Editura Venus, 1993. 430 p.
- 219. Dizard, J. Countries at the crossroads: an analysis of democratic governance / J. Dizard, Ch. Walker, V. Tucker (editors). Freedom House, 2012. 760 p.
- 220. Domhoff G. W. Alternative theoretical views [Электронный ресурс] / G. W. Domhoff // Who rules America? Sociology dept., University of California at Santa Cruz.

  Режим доступа: http://sociology.ucsc.edu/whorulesamerica/theory/alternative_theories.html
- 221. Domhoff, G. Interlocks and Interactions Among the Power Elite [Электронный ресурс] / G. Domhoff, C. Staples, A. Schneider // Who rules America? Sociology dept., University of California at Santa Cruz. Режим доступа: http://www2.ucsc.edu/whorulesamerica/power_elite/interlocks_and_interactions.html

- 222. Filippova, O. Dimensions of Transnistrian identity in present-day political developments / O. Filippova // Security and Development in a Complex Policy Environment: Perspectives from Moldova, Armenia, Tajikistan and Kazakhstan. Joint report of the Tampere Peace Research Institute, University of Tampere (Finland), the Caucausus Institute and the Institute for Civil Society and Regional development in Yerevan (Armenia). Yerevan, 2012. P. 35–52.
- 223. Gramschi, A. Intelectuali, literature și viața naționala. Scrieri alese, traduse și prefața de F. Potra / A. Gramschi. București : Editura Univers, 1983. 510 p.
- 224. Higley, J. Elite Theory in Political Sociology [Электронный ресурс] / J. Higley. Режим доступа: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_4036.pdf
- 225. Hill, R. J. Soviet Political Elites. The case of Tiraspol / R. J. Hill. New York: St. Martin's Press. 1977. 226 p.
- 226. Hill, W. H. Russia, the Near Abroad and the West. Lessons from the Moldova-Transdniestria conflict / W. H. Hill. Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press, Baltimore: The John Hopkins University Press, 2012. 276 p.
- 227. King, Ch. Moldovenii: România, Rusia și politica culturală / Ch. King. Chișinau : Arc, 2002. 274 p.
- 228. Litra, L. How to get rid of post-Sovietness? / L. Litra, C. Ciurea and others. Kyiv: Institute of World Policy, 2012. 150 p.
- 229. Manolov, G. L. The political class definition and characteristics / G. L. Manolov // Facta Universitatis. Series : Economics and Organization. 2012. Vol. 9, N_{2} 2. P. 161–175.
- 230. Martinelli, C. Gaetano Mosca's Political Theories : a Key to Interpret the Dynamics of the Power [Электронный ресурс] / C. Martinelli // Italian Journal of Public Law. 2009. Vol. 1. P. 1–44. Режим доступа: http://www.ijpl.eu/assets/files/pdf/2009_volume_1/Martinelli%20-%20Mosca%20Theories.pdf
- 231. Moraru, R. Traian Băsescu la "Nașul", pe Calea Victoriei / R. Moraru. București : Editura Sophia-Press, 2008. 410 p.
- 232. Munteanu, I. Moldova on its way to democracy and stability. From the post-soviet space into the world of democratic values / I. Munteanu and others. Chişinau : Cartier, Bons Offices, 2005. 264 p.
- 233. Niels Matheve. Power and impotence. Elites versus democracy in scholarly theories [Электронный ресурс] / Niels Matheve. Politicologenetmaal 2010. Universi-

- ty KU Leuven. Leuven, 27–28 May 2010. Р. 9. Режим доступа: URL: https://soc.kuleuven.be/web/files/11/72/W02-32.pdf
- 234. Oleksy, P. Calus, K. Expectations and reality collide in Tiraspol / P. Oleksy, K. Calus // New Eastern Europe. 2013. № 2 (VII). P. 98–105.
- 235. Popescu, N. Politica externă a Uniuneii Europene și conflictele post-sovietice; trad. din engl. de A. Şiclovan / N. Popescu. Chişinau : Cartier, 2013. 224 p.
- 236. Public Administration in EU Eastern Partners: Comparative Report, 2013 // Estonian Center of Eastern Partnership. 2013. November. № 14. 80 p.
- 237. Roberts, P. Sfarşitul petrolului: în pragul unui dezastru; trad. A. Macovei / P. Roberts. Bucureşti : Litera înternațional, 2008. 464 p.
- 238. Smith, H. Russia and the European Union: Identities and Interpretations (Mutual Perception and the Construction of Identities) / H. Smith // From Cooperation to Partnership: Moving Beyond the Russia EU Deadlock. Europe in Dialogue 1/2013. Bielefeld: Verlag Bertelsmann Stiftung, 2013. P. 37–49.
- 239. Strautiu, E. A comparative analysis of the development on the two banks of the Dniester river: implemented policies, desirable policies / E. Strautiu. Sibiu : Techno Media, 2015. 246 p.
- 240. Varzari, P. Introducere în elitologie: Studiu / P. Varzari. Chişinău : CE USM, 2003. 175 p.
- 241. Vergara, L. G. Elites, political elites and social change in modern societies / L. G. Vergara // Revista de sociologia. − 2013. − № 28. − P. 31–49.
- 242. Quo Vadis, Moldova? European Integration Studies Center (Lithuania), Institute for Development and Social Initiatives "Viitorul" : analytical articles. Lviv : Multi-M, 2007. 74 p.
- 243. Єнін, Є. В. Забезпечення національних інтересів України у процесі врегулювання придністровського конфлікту : автореф. дис. ... канд. політ. наук : 21.01.01. / Єнін Євгеній Володимирович. Київ : Національний інститут проблем міжнародної безпеки РНБО України, 2010. 20 с.
- 244. Лук'яненко, Л. На землі кленового листка: Спогади й роздуми посла. Видання друге, доповнене / Л. Лук'яненко. Київ : Гарт, 2001. 560 с.
- 245. Сліпець, П. П. Політичні цінності: теорія і методологія пізнання та реалізації : монографія / П. П. Сліпець. Київ : Знання України, 2009. 251 с.
- 246. Ханас, В. Громадський моніторинг відкритості органів місцевої влади в сфері місцевих бюджетів / В. Ханас. Тернопіль : Лібра Терра, 2010. 48 с.

Справочные и информационно-аналитические издания и публикации

- 247. Акулов, Б. Н. Рабочая Рыбница: ответ национализму / Б. Н. Акулов // Начало: сб. воспоминаний / сост. А. З. Волкова. Тирасполь: Мин-во информации и телекоммуникаций, 2010. 256 с.
- 248. А у нас каждый в курсе событий // Агитационный материал кандидата в депутаты Верховного Совета по избирательному округу № 27 «Партизанский» г. Тирасполь. Тирасполь : 2020. Источник : личный архив автора.
- 249. Бурла, М. П. Население Приднестровской Молдавской Республики : научно-справочное пособие / М. П. Бурла. Тирасполь: КЭГРЭ Приднестр. гос. ун-та им. Т.Г. Шевченко, 2009. 52 с.
- 250. Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики : I–II созывы /под общ. ред. Г. С. Маракуцы. Тирасполь : ГИПП «Типар», 2000. 192 с.
- 251. Высший судебный орган ПМР : докум.-худ. изд. / под ред. О. Д. Ивановой. Тирасполь : ГИПП «Типар», 2002. 112 с.
- 252. Галеев, К. Бюрократия против Запада. Почему обществом нельзя управлять как корпорацией / К. Галеев // Новая газета. 2017. 27 марта.
- 253. Гаман-Голутвина, О. В. Эффективность государственного управления в Российской Федерации в 2008 году [Электронный ресурс] / О. В. Гаман-Голутвина, Л. В. Сморгунов, А. И. Соловьев, Р. Ф. Туровский // Институт общественного проектирования. Режим доступа: www.inop.ru/files/Chapter2.pdf
- 254. Гаспарян, О. Т. Индексы развития государств мира: справочник / О. Т. Гаспарян, Р. У. Камалова, Е. А. Кочешкова и др.; под ред. Ю. А. Нисневича; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.-247 с.
- 255. Добров А. Мы все одна городская власть : Интервью с председателем Тираспольского городского Совета народных депутатов // Приднестровье. 2021. 22 января.
- 256. Ежегодное послание Президента Приднестровья Е. Шевчука к народу и органам государственного управления Приднестровья от 26 февраля 2015 года [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/1899755.html
- 257. Знакомьтесь, элита: кто в России несет ответственность за страну // Совершенно секретно Украина. 2013. № 3 (286).

- 258. Индекс человеческого развития // Вестник Приднестровского республиканского банка. -2012. -№ 12. C. 21–28.
- 259. Мира и добра вашему дому // Агитационный материал кандидата в депутаты Верховного Совета Приднестровья по избирательному округу № 28 «Центральный» г. Тирасполь. Тирасполь, 2020. Источник : личный архив автора.
- 260. Народная программа [кандидата в президенты Приднестровья] В. Н. Красносельского. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.flipsnack.com/vkrasnoselsky/ftjavlflh.html
- 261. Неспокойный Днестр. Права человека в Молдове : доклад. «Хьюман Райтс Вотч», 1993. 104 с.
- 262. Нефёдов К. Будет второй тур / К. Нефёдов // Приднестровье. 2020. 8 декабря.
- 263. Никитин А. Единый день голосования: некоторые итоги / А. Никитин // Приднестровье. -2020.-1 декабря.
- 264. Никитин А. Согласно парламентским традициям / А. Никитин // Приднестровье. 2020. 10 декабря.
- 265. Орлов, Д. 100 ведущих политиков России в июне 2019 года / Д. Орлов // Независимая газета. 2019. 1 июля.
- 266. Основное направление внешней политики Приднестровья развитие отношений с Россией // Дипломатический вестник Приднестровья. 2012. № 2. С. 150–151.
- 267. Отчет о проделанной работе депутата Верховного Совета за 2016—2020 гг. по избирательному округу № 41 «Краснодонский» г. Тирасполь. Тирасполь : 2020 г. Источник : личный архив автора.
- 268. Переговорный процесс между Приднестровской Молдавской Республикой и Республикой Молдова в документах / под общ. ред. В. В. Ястребчака. Бендеры : Полиграфист, 2011. 436 с.
- 269. Приднестровский таможенный форпост: к 25-летию образования таможенных органов Приднестровья. Тирасполь, 2017. 192 с.
- 270. Приднестровье: выбор пути. Тирасполь : Фонд «Причерноморье», 1995. 48 с.
- 271. Результаты выборов депутатов Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики [VII созыва] 29 ноября 2020 года // Приднестровье. 2020. 3 декабря.

- 272. Результаты выборов в Тираспольский городской Совет народных депутатов XXVI созыва // Днестровская правда. 2020. 8 декабря.
- 273. Феч, Н. Приднестровцы: штрихи к портрету / Н. Феч // Приднестровье. 2017. 4 марта.
- 274. Черкесов, В. В. Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев / В. В. Черкесов // Коммерсант. -2007.-9 октября.
- 275. Шалыгин, М. В. Российская Федерация Приднестровская Молдавская Республика: сб. документов / М. В. Шалыгин, В. В. Ястребчак. М. : ИЦ «Новая реальность», 2014.-336 с.

Перечень графических объектов

- **Рисунок 1** Структура политической элиты в широком смысле (страница 34);
- **Рисунок 2** Динамика изменения доверия Президенту Приднестровья в 2009–2019 гг. (страница 178);
- **Рисунок 3** Динамика изменения доверия Верховному Совету Приднестровья в 2009–2019 гг. (страница 180);
- **Рисунок 4** Динамика изменения доверия Правительству Приднестровья в 2009–2019 гг. (страница 185)
- **Рисунок 5** Динамика изменения доверия политическим партиям Приднестровья в 2009–2019 гг. (страница 187)

Динамика изменения уровня доверия населения к политическим институтам Приднестровья в 2009–2019 гг.

	Доверяю	Скорее дове-	Скорее не до-	Не доверяю	Индекс дове-
	Доверяю	овер	веряю	те доверяю	рия TI
		2009 год			
Президенту	16,7	37,2	28,5	17,6	7,8
Парламенту	13,0	40,4	30,9	15,7	6,8
Правительству	9,5	38,4	33,5	18,6	-4,2
Политическим партиям	9,2	39,8	34,1	16,9	-2,0
	1 12 7	2010 200	1 240	10.5	
Президенту	13,5	32,4	34,9	19,2	-8,2
Парламенту	16,7	39,0	33,7	10,6	11,4
Правительству	12,4	36,3	33,5	17,6	-2,4
Политическим партиям	9,6	35,7	37,2	17,5	-9,4
п	10.5	2011 год	27.1	10.6	11.4
Президенту	12,5	31,8	37,1	18,6	-11,4
Парламенту	16,1	40,9	32,2	10,8	14,0
Правительству	16,0	30,4	34,9	18,7	-7,2
Политическим партиям	10,2	32,8 2012 200	44,6	12,4	-14,0
Президенту	25,5	43,6	25,3	5,6	38,2
Парламенту	23,7	37	38,9	10,4	11,4
Правительству	12,1	28,4	45,2	14,3	-19,0
Политическим партиям	10,9	31,1	46,7	11,3	-16,0
Политическим партиям	10,9	2013 200	40,7	11,5	-10,0
Президенту	27,8	36,7	22,2	13,3	29,0
Парламенту	20,1	37,9	31,2	10,8	16,0
Правительству	8,7	32,5	45,1	13,7	-17,6
Политическим партиям	9,9	31,9	44,8	13,5	-16,5
1	1	2014 200	,	,	
Президенту	19,3	34,3	32,0	14,4	7,2
Парламенту	16,8	32,5	38,6	12,1	-1,4
Правительству	5,7	38,9	42,0	13,4	-10,8
Политическим партиям	9,7	31,8	42,9	15,6	-17,0
		2015 год			
Президенту	9,2	46,5	28,5	15,8	11,4
Парламенту	5,4	44,8	34,5	15,3	0,4
Правительству	4,8	43,1	37,2	14,9	-4,2
Политическим партиям	4,9	34,8	43,9	16,3	-20,5
		2016 год			
Президенту	16,5	13,5	22,3	47,8	-40,1
Парламенту	21,8	33,9	19,0	25,3	11,4
Правительству	15,2	23,7	26,4	34,6	-22,1
Политическим партиям	_	_	_	_	_
	1	2017 200	1		
Президенту	19,2	39,4	20,2	21,2	17,2
Парламенту	12,1	32,3	28,2	27,3	-11,1
Правительству	12,1	32,8	32,9	22,2	-10,2
Политическим партиям	5,1	30,4	41,3	23,2	-29,0

2018 год					
Президенту	20,0	28,7	28,2	23,1	-2,6
Парламенту	15,4	32,1	26,9	25,6	-5,0
Правительству	13,8	32,8	27,2	26,2	-6,8
Политическим партиям	15,9	25,6	31,8	26,7	-17,0
2019 200					
Президенту	15,0	37,0	27,0	21,0	4,0
Парламенту	8,0	32,0	33,0	27,0	-20,0
Правительству	10,0	30,5	35,5	24,0	-19,0
Политическим партиям	3,0	19,2	41,4	36,4	-55,6

Образец анкеты для опроса граждан о доверии политическим институтам

AHKETA

С целью изучения общественного мнения населения Приднестровской Молдавской Республики, просим Вас поучаствовать в социологическом опросе. Пожалуйста, внимательно прочитайте вопрос, затем подчеркните ответ, который соответствует Вашему мнению. Участие в опросе анонимно!

1. Что, по Вашему мнению, должно быть приоритетом в работе руководства Приднестровья?

- 1.Интересы людей, забота о народе.
- 2. Приверженность в работе таким качествам как честность, неподкупность и т.д.
- 3.Политические проблемы
- 4. Экономические проблемы

2. В какой мере Вы доверяете следующим государственным институтам.

Оцените Ваше доверие	Попорядо	Скорее	Скорее не	Не дове-	Мне
следующим институтам:	Доверяю	доверяю	доверяю	ряю	все равно
1 Президенту	1	2	3	4	0
2 Правительству	1	2	3	4	0
3 Верховному Совету	1	2	3	4	0
4 Политическим партиям	1	2	3	4	0

3. От кого в первую очередь зависит политическая стабильность в Приднестровье?

- 1.Президент
- 2.Правительство
- 3.Верховный Совет
- 4.СМИ
- 5.Ваш вариант
- 6.Затрудняюсь ответить

4. Как лично Вы оцениваете общее состояние дел в стране?

- 1. Все в порядке особенных оснований для волнения нет
- 2. Есть некоторые проблемы, но они могут быть решены в ближайшее время
- 3. Состояние дел плохое, нужны коренные изменения
- 4. Не вижу никаких перспектив изменений к лучшему
- 5. Затрудняюсь ответить

5. Чему, на Ваш взгляд, руководство Приднестровья должно уделять первостепенное внимание?

- 1. Борьба с коррупцией
- 2.Обеспечение мира и безопасности
- 3. Борьба за признание ПМР
- 4. Социальные программы
- 5. Экономика
- 6.Ваш вариант____

6. Должны ли высшие должностные лица государства (президент, правительство, депутаты) нести ответственность за ситуацию в республике?

- 1.Да, юридическую ответственность в рамках действующего законодательства
- 2. Да, политическую, в ходе регулярных демократических выборов

- 3. Скорее, да
- 4. Нет, высшим должностным лицам и депутатам должен быть предоставлен иммунитет
- 5. Население несет ответственность за сделанный выбор
- 6. Ваш вариант

7. Оцените деятельность институтов власти.

Как Вы оцениваете деятельность:	Позитив- но	Скорее позитивно	Скорее негатив- но	Нега- тивно	Затруд- няюсь ответить
1 Президента	1	2	3	4	5
2 Парламента	1	2	3	4	5
3 Правительства	1	2	3	4	5
4 Политических партий	1	2	3	4	5

8. Укажите, пожалуйста, Ваш пол

- 1)Мужской
- 2)Женский

9. Ваш возраст

- 1) 18-24
- 2) 25-39
- 3) 40-54
- 4) 55-65
- 5) 66 и старше

10.	Населенный пункт	
ıv.	HACCHCHIDIN HYRKI	

Спасибо за участие!

Образец анкеты для опроса граждан о персональном составе политической элиты

AHKETA

Уважаемый респондент! Просим Вас быть объективными и искренними при заполнении анкеты. Фамилию указывать не нужно. Данная анкета анонимна и Ваши ответы будут использоваться только в обобщенном виде. Обведите выбранный Вами вариант ответа или впишите свой. Заранее благодарим Вас за участие в исследовании.

1. Кто, по Вашему мнению, входит в понятие «политическая элита»

- 1) президент и приближенные к нему лица;
- 2) чиновники, занимающие руководящие посты в законодательной, исполнительной и судебной власти вне зависимости от степени приближенности к президенту;
- 3) авторитетные члены общества в целом, включая высших должностных лиц, общественных деятелей, партийных лидеров, ученых и журналистов.

2. Готова ли элита Приднестровья действовать в интересах всего населения?

- 1) Готова в полной мере;
- 2) В зависимости от конкретной ситуации
- 3) Она действуют только в своих интересах.

3. Конфликт между ПМР и РМ на сегодняшний день - это конфликт

- 1) руководителей конфликтующих сторон;
- 2) конфликт между народом Приднестровья, ориентированным на Россию, и народом Молдовы, ориентированным на Европу;
- 3) является проявлением противоречий между Западом и Россией.

4	)Ваш ва	риант				

4. Примите ли Вы «план урегулирования конфликта», утвержденный руководством Приднестровья без учета мнения населения

- 1) да, руководству виднее
- 2) по ситуации. Все зависит от того, какой будет «план урегулирования»
- 3) нет, решать только народу.

5. Укажите, пожалуйста, Ваш пол

- 1)Мужской
- 2)Женский

6. Ваш возраст

- 1) 18-24
- 2) 25-39
- 3) 40-54
- 4) 55-65
- 5) 66 и старше

7. Населенный пункт	

Спасибо за участие!